

Г. А. ЛУКОВ

ПСИХОЛОГИЯ

Курс лекций по психологии

КАНДИДАТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
ПОЛКОВНИК Г. Д. ЛУКОВ

ПСИХОЛОГИЯ

*(Очерки по вопросам обучения и воспитания
советских воинов)*

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1960

Книга кандидата педагогических наук Лукова Г. Д. «Психология» (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов) является одной из первых попыток более или менее систематизированно рассмотреть психологическую сторону деятельности военнослужащих, их обучения и воспитания.

Книга рассчитана на командиров и политработников Советской Армии и Военно-Морского Флота. Она может быть использована как учебное пособие преподавателями и слушателями военных учебных заведений.

ОТ АВТОРА

Командным и политическим кадрам Советских Вооруженных Сил, осуществляющим обучение и воспитание воинов, известно, что хорошо организованные и проведенные занятия по боевой и политической подготовке, умело поставленная партийно-политическая работа способствуют успеху формирования у воинов высоких морально-боевых качеств. Формирование этих качеств зависит также от установленного в войсках порядка в целом, т. е. от соблюдения существующего режима и распорядка дня, от организации жизни и быта воинов в частях и подразделениях Советской Армии и Флота.

Опытные командиры и политработники, организуя процесс обучения и воспитания и учитывая психологическое состояние подчиненных, знают, как подойти к тому или иному воину, как оказать наибольшее воздействие на его психику, на сознание. Однако практика показывает, что некоторые командиры и политработники, особенно молодые, в учебно-воспитательной работе учитывают только желаемые цели обучения своих подчиненных, отдельные способы и средства воздействия на них и полученные результаты, зафиксированные во время экзаменов и инспекторских проверок. Что же касается закономерностей усвоения воинами знаний, выработки у них навыков, совершенствования умений и формирования других сложных свойств и личных качеств, то они часто учитываются не полностью, а иногда и вовсе не принимаются в расчет.

Совершенно очевидно, что в таких случаях полученные результаты не совпадут с поставленными целями, а тот командир или политработник, который так обучает и воспитывает, не поймет причин этого несовпадения и, следовательно, не сможет преодолеть недостатки проводимой им учебно-воспитательной работы.

Некоторые командиры и политработники учитывают психоло-

гическую сторону воинской деятельности — процессов обучения и воспитания своих подчиненных — не систематически, а от случая к случаю. Ясно, что такой учет психологической деятельности воинов не дает полных результатов. Эти командиры и политработники могут иметь относительно высокие показатели в учебно-воспитательной работе, однако они не смогут обобщить свой личный опыт и передать его менее опытным товарищам по работе. Если же в процессе боевой и политической подготовки войск систематически учитывается психологическая сторона этого дела, то повышаются результаты обучения и воспитания каждого воина и совершенствуется педагогическая культура и методическое мастерство командиров и политработников.

Настоящие очерки и написаны для того, чтобы помочь командирам и политработникам учитывать психологическую сторону воинской деятельности в целом и проводимых ими процессов обучения и воспитания своих подчиненных. Следует отметить, что данная работа представляет одну из первых попыток более или менее систематизированно рассмотреть психологическую сторону деятельности военнослужащих, их обучения и воспитания в соответствии с требованиями современного боя. В силу этого настоящая работа не претендует, да и не может претендовать на исчерпывающее решение затронутых в ней вопросов психологии.

Новизна поставленных вопросов и сложность их разрешения накладывают отпечаток и на форму изложения.

В настоящих очерках избран способ изложения от обобщенных материалов к отдельным случаям и эпизодам, которые встречались в период Великой Отечественной войны на полях сражений и встречаются в настоящее время в практике боевой и политической подготовки войск. Такой способ изложения освобождает читателя от того, чтобы он вместе с автором проходил извилистый путь обобщений множества различных фактов и явлений. Имеющиеся же в книге сведения дают читателю возможность использовать в своей практической деятельности уже обобщенные данные в целях анализа отдельных моментов и процессов, характеризующих с психологической стороны деятельность воинов в бою, а также жизнь и быт советских воинов в процессе их обучения и воспитания. Анализ такого рода в свою очередь ведет к обогащению обобщенных данных, к их уточнению и расширению сферы их применения. Вместе с тем на основе учета психологических данных могут намечаться наиболее удачные формы, пути, средства и приемы осуществления учебно-воспитательной работы.

Приводимые в настоящей работе примеры, иллюстрирующие отдельные положения, представляют собой, как правило, обобщенные факты из жизни частей и подразделений.

Избранный способ изложения служит не столько тому, чтобы решить теоретические проблемы психологической науки в целом, сколько тому, чтобы помочь командирам и политическим работникам в решении практических вопросов обучения и воспитания советских воинов. Поэтому сложные и нерешенные вопросы психологии, относящиеся главным образом к научно-исследовательской работе в области боевой и политической подготовки, в настоящих очерках опущены или затронуты частично.

Несмотря на ограниченный круг задач, поставленных автором, необходимо все-таки сказать, что в данных очерках делается попытка показать, хотя бы в общих чертах, как осуществляется формирование личности советского воина-гражданина.

В основу этих очерков положены материалы многих методических конференций, проведенных с офицерами, принимающими непосредственное участие в воспитании и обучении солдат и матросов, сержантов и старшин срочной службы, беседы с офицерами частей и подразделений, со слушателями высших военных учебных заведений, с рядовым и сержантским составом ряда частей, материалы инспекторских проверок и приказы, в соответствии с которыми организуется повседневная деятельность советских воинов, а также личный опыт автора, накопленный им в процессе работы по воспитанию воинов как в годы войны, так и в послевоенный период.

Для иллюстрации некоторых положений в очерках используются отрывки из художественных произведений, в которых освещается жизнь и деятельность советских воинов как в условиях боя, так и в процессе учебы и службы в мирное время.

Фактические и иллюстративные материалы, приводимые в очерках, характеризуют психологическую сторону воинской деятельности и учебно-воспитательной работы, проводимой главным образом в общевоинских подразделениях и частях. Что же касается других родов и видов войск, то непосредственно о них речь не идет. Однако из этого вовсе не следует, что поставленные в очерках вопросы психологии не имеют никакого отношения к обучению и воспитанию артиллеристов и танкистов так же, как и к личному составу военно-воздушных и военно-морских сил. Общие закономерности психической деятельности человека и его формирования как личности проявляются во всех областях воинской деятельности, и опора на эти закономерности при решении задач обучения

и воспитания воинов в процессе боевой и политической подготовки с учетом особенностей вида и рода войск приводит к положительным результатам.

Рассмотрение общих вопросов и истолкование отдельных фактов, содержащихся в настоящих очерках, ведется с учетом требований и данных современной советской психологии и педагогики, учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности в соответствии с учением марксизма-ленинизма.

Автор будет благодарен читателям за советы, указания и критические замечания, которые помогут улучшить психологический анализ воинской деятельности и тем будут способствовать совершенствованию процесса обучения и воспитания, а значит, и подготовке советских воинов к успешным действиям в современном бою.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ВОИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В послевоенный период благодаря неустанным заботам Коммунистической партии и Советского правительства Советские Вооруженные Силы далеко шагнули вперед как в области вооружения, технического оснащения, так и в области повышения боевого мастерства, укрепления организованности и дисциплины личного состава.

Наша Армия и Флот стали еще более высокотехнической и высокоорганизованной вооруженной силой.

Быть в постоянной боевой готовности, надежно стоять на страже мирного труда советского народа, строящего светлое здание коммунизма, научиться в полную меру, с наибольшей эффективностью использовать сложную боевую технику и оружие — таковы важнейшие задачи наших Вооруженных Сил. Для того чтобы выполнить эти задачи, необходимо постоянно совершенствовать формы и методы обучения и воспитания советских воинов, вырабатывать у командиров и политработников педагогическую культуру. Обучение и воспитание — это сложный многогранный процесс. Обучать и воспитывать воинов — значит воздействовать на них так, чтобы они непрестанно приобретали и совершенствовали необходимые для успешного ведения боевых действий знания, навыки, умения и такие важные морально-боевые качества, как политическую сознательность, чувство воинского долга и ответственности за защиту Родины, самоотверженность, стойкость и героизм, честность и правдивость и т. д. Воздействие, которое осуществляется с целью обучения и воспитания, направлено главным образом на психику человека, на его сознание.

Для того чтобы правильно обучать и воспитывать воина, чтобы целеустремленно и систематически воздействовать на его психику, надо знать, что она собой представляет, надо уметь опираться на данные психологической науки.

Психика человека проявляется в его ощущениях, восприятиях, памяти, мышлении и т. д. В практической деятельности человек постоянно встречается с проявлениями психики других людей и оценивает ее. Так, например, человек может похвалить чей-то ум,

память, воображение или выразить неодобрение по поводу чьей-то или даже своей собственной рассеянности, забывчивости. Часто знания о психике приобретаются человеком стихийно, эмпирически, их объем и качество определяются только индивидуальным опытом, который создается в процессе общения с другими людьми. Но знания о психике есть и научные. Они являются обобщенными, отражающими закономерности психики. Эти знания о психике отличаются от эмпирических знаний так, как, например, знание закона плавания тел отличается от знания того, что дерево может плавать, а кусок железа, будучи опущенным в воду, тонет.

Для того чтобы воздействовать на психику человека с целью его обучения и воспитания, индивидуальный опыт воспитателя должен подкрепляться научными данными о психике.

Как же понимается психика наукой, изучающей психику, т. е. психологией?

С точки зрения современной советской психологии, в соответствии с теорией марксизма-ленинизма и учением И. П. Павлова о высшей нервной деятельности психика представляет собой свойство особым образом организованной материи.

Из этого принципиального для советской психологической науки положения следует, что психика, являясь свойством материи, как и вообще всякое другое свойство, не существует сама по себе, не существует вне связи и зависимости от той материи, свойством которой она (психика) является.

Психика — это особое свойство особым образом организованной, а не всякой материи.

Что же по существу представляет собой психика как свойство материи? Или иначе, что является наиболее существенным для психики?

Психика человека по своей сущности является отражением предметов и явлений объективной действительности, но отражением не только прямолинейным, непосредственным, зеркальным, а специфическим, опосредствованным. В отличие от животных психика человека представляет собой сознание. «Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности»¹. Сознание, как учит марксизм-ленинизм, — продукт исторического, а не биологического развития.

Психика — это отражение, оказывающее прямое влияние на существование человека, на его жизненную деятельность.

Известно, что человеческому мозгу, и значит человеку, далеко не безразлично, какие объекты, как и в каком количестве отражать. В зависимости от характера отражения, определяемого в конечном счете качествами отражаемых объектов, происходят те или иные изменения в мозгу, свойством которого является психика, и, в самой психике, т. е. в самом процессе отражения.

Психика отличается от других форм отражения (в частности, от зеркального, акустического, радиолокационного и других) еще

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Том первый. Государственное издательство «Искусство», Москва, 1957, стр. 157.

и тем, что представляет собой отражение не только внешней стороны предметов, явлений и событий, а и их внутренних связей и отношений.

В процессе психической деятельности у человека создаются субъективные образы объективно существующих предметов и явлений, образы других людей и их деятельности, образы своих действий и поступков и через них представление о себе как о личности. При помощи этих образов человек может ориентироваться в различных условиях, применяться к ним или изменять их и в соответствии с этим направлять свои практические действия.

В заключение общей характеристики психики необходимо сказать, что психика является отражением не только непосредственным, но и опосредствованным через личный опыт человека, через опыт других людей, т. е. через общественный опыт и через язык как средство общения. Благодаря этому человек познает мир, в котором он жил и действовал в прошлом, живет и действует в настоящем и предвидит будущее.

Исходя из дидактических соображений, психика человека может быть рассмотрена со стороны умственной деятельности, со стороны чувств и с волевой стороны.

Умственная деятельность выступает в виде единства и взаимодействия таких психических процессов, как ощущения, восприятия, памяти, мышления и т. д. Это познавательные процессы.

Чувства представляют собой переживания, которые возникают благодаря воздействию на человека отражаемой им действительности и часто выражаются в его личном, внутреннем отношении к отражаемому.

Воля — это способность, можно сказать возможность, человека управлять своими движениями, действиями, поступками и деятельностью в целом, способность активно сочетать свою деятельность с поставленными целями, со средствами, избранными для их достижения, и с учетом складывающихся при этом обстоятельств. В принципе умственная деятельность человека, его чувства и воля находятся в постоянном взаимодействии, которое обуславливается складывающимися в жизни взаимоотношениями человека с окружающим его миром.

В связи с тем, что психическая деятельность возникает и осуществляется в более или менее устойчивых объективных условиях и при этом как бы повторяется и систематизируется, у человека создается более или менее устойчивое внутреннее отношение к отражаемым им предметам, к другим людям, к самому себе как к личности, к своей деятельности. По своему содержанию внутреннее отношение представляет одобрение или порицание, согласие или несогласие, признание или отрицание и т. д. В общей сложности характер внутреннего отношения определяется значением для жизни человека того, что он отражает, на что направлена и от чего зависит его деятельность.

В процессе более или менее длительной деятельности человека внутренние отношения могут превратиться в его опыт, в черты ха-

рактера, в способности и в другие устойчивые психические свойства. Следует при этом обратить внимание на то, что психические свойства, возникая и видоизменяясь на основе умственной деятельности, чувств, волевых усилий и внутренних отношений, сами оказывают обратное активное влияние на всю психическую и практическую деятельность человека. Так, например, тот, кто обладает соответствующими знаниями, умением и определенными чертами характера, сможет быстро оценить положение, переориентироваться, не поддастся чувству растерянности и паники, проявит твердость и распорядительность при неожиданном изменении обстановки в процессе практической деятельности.

Так кратко можно охарактеризовать психику человека, указывая на умственную деятельность, на состояния, чувства, волю, внутренние отношения и устойчивые психические свойства. При этом необходимо заметить, что генетически, т. е. по происхождению, дело начинается с воздействия на человека объективной действительности, с того, что под влиянием этого воздействия возникают психические процессы, состояния и чувства. Внутреннее же отношение (согласие или несогласие, порицание или одобрение и т. д.) и психические свойства человека (темперамент, характер и др.), возникнув под влиянием психических процессов и чувств, оказывают на них обратное влияние.

В дополнение к сказанному принципиально важно подчеркнуть, что психика возникает и развивается в процессе деятельности человека, в процессе его реально складывающихся взаимоотношений с объективной действительностью. Марксизм-ленинизм учит, что в общесоциальном масштабе коренным условием происхождения и совершенствования человека и его отражательной деятельности, т. е. психики, является труд.

Таким образом, советская психология исследует психику человека в связи со спецификой его деятельности, исходя из анализа конкретного бытия конкретной личности. Только при таком подходе может быть раскрыта формирующая роль деятельности человека. Это обязывает к тому, чтобы деятельность людей рассматривалась во всех видах ее осуществления. Совершенно ясно, например, что формирующее влияние трудовой деятельности определенным образом отличается от формирующего влияния деятельности учебной или игровой и что различные виды деятельности неодинаково обуславливают формирование личности на различных этапах ее развития.

Характер деятельности каждого конкретного человека определяется в целом не его индивидуальными особенностями, а системой тех общественных отношений, в которые он объективно включен. Еще Маркс доказал, что для того, чтобы относиться к природе, люди вступают в отношения между собой, и только через эти отношения они вступают в отношения с природой. Таким образом, учет особенностей конкретной деятельности человека обеспечивает изучение его ума, чувств и воли, его внутренних отношений и устойчивых психических свойств в конечном счете как результатов

или продуктов общественных отношений. Такой подход обеспечивает правильное решение проблемы единства индивидуума и общества, единства (но не тождества) общего и единичного, общественного и индивидуального в психике человека. В соответствии с этим положением советская психология, изучающая психику советского человека, исходит из того непреложного факта, что индивидуум является членом социалистического общества и его личная деятельность осуществляется в системе производственных отношений, характеризующихся сотрудничеством и взаимной помощью свободных от эксплуатации людей. Советские люди под руководством Коммунистической партии борются за осуществление величественной программы строительства коммунизма в СССР, которая была намечена на XXI съезде КПСС. Коммунизм из мечты превращается в реальную и близкую действительность. Это воодушевляет советских людей на новые трудовые подвиги во имя Родины, мобилизует их силы и порождает такое исторически важное и замечательное общественное явление, как движение за организацию бригад и ударников коммунистического труда.

Изучать психику — это значит изучать объективные закономерности умственной деятельности, чувств, волевых усилий, установления внутренних отношений и создания устойчивых психических свойств. Причем названные стороны отражательной деятельности исследуются психологией не только порознь, но и во взаимных влияниях друг на друга, т. е. в единстве. Это значит, наконец, что психология в целом изучает закономерности психологического формирования личности человека, учитывая формирующее влияние его жизненной деятельности, которая осуществляется в общественных, исторически конкретно складывающихся условиях.

Итак, психика — это свойство особым образом высокоорганизованной материи, представляющее собой отражение объективной действительности в ее связях и отношениях.

Что же представляет собой материя, обладающая свойством отражать, т. е. психикой? Свойством отражать (психикой) обладает особым образом организованная материя — головной мозг, особенно его кора. В этом отношении психика является специфической функцией мозга. Совершенно очевидно при этом, что отражает не сам по себе мозг, а человек, частью организма которого является головной мозг, подверженный воздействию раздражителей как извне, т. е. из окружающего человека мира, так и из внутренней среды, т. е. из всех частей его организма.

Без учета влияния физиологических основ психической деятельности, без опоры на данные физиологии высшей нервной деятельности, основоположниками которой являются И. М. Сеченов и И. П. Павлов, психология не могла бы правильно, научно определить предмет своего исследования. Научное понимание отражательной деятельности и ее физиологических основ дает возможность психологии решать стоящие перед ней задачи.

Жизнь показывает, что одной из наиболее важных областей, в которой возникают сложные психологические задачи, является об-

ласть обучения и воспитания подрастающего поколения. Выше уже отмечалось, что для успешного воздействия на психику человека с целью его обучения и воспитания необходимо учитывать данные психологии об умственной деятельности, о чувствах и т. д.

Актуальность задач советской психологии в области обучения и воспитания усиливается в настоящее время в связи с тем, что XXI съезд Коммунистической партии наряду с принятием семилетнего плана развития народного хозяйства СССР наметил широкую программу по коммунистическому воспитанию народа.

Советская психология должна дать необходимые знания о психике человека не только тому, кто обучает и воспитывает, не только педагогу, но и тем, кто обучается, воспитывается, т. е. учащимся, изучающим психологию. Таким образом, уже в юношеском возрасте человек, практически познавая психические явления, свойственные другим людям, при помощи научных данных психологии систематизирует и обобщает эти явления, связывает их с проявлениями своей собственной психической деятельности и благодаря этому лучше познает самого себя. Знание же самого себя дает человеку возможность совершенствовать свои психические процессы, влиять на свои чувства, развивать волю, способствовать установлению правильного внутреннего отношения и формировать психические свойства.

Решая вышеназванные задачи, психология вместе с тем решает задачу по формированию научного, диалектико-материалистического мировоззрения как у обучающихся и воспитывающих, так и у обучающихся и воспитывающихся, овладевающих основами психологической науки. Это объясняется тем, что под влиянием данных науки у людей формируются правильные взгляды на такие сложные явления, как восприятие, мышление, воображение или фантазия, переживание, воля. Совершенно очевидно, что знание закономерностей психической деятельности дает возможность человеку влиять на свою же практическую деятельность и, таким образом, обеспечивать действенность своих взглядов и убеждений.

Однако дело не только в формировании мировоззрения индивидуума. Способствуя решению этой задачи, психология вместе с тем принимает активное участие в борьбе на идеологическом фронте. Это выражается в том, что советская психология разоблачает антинаучность и реакционность идеалистической и механистической буржуазной психологии, обслуживающей интересы современного империализма.

Принимая участие в решении задач по обучению и воспитанию и помогая человеку познать самого себя и других людей, психология вместе с тем способствует дальнейшему развитию научной теории познания. Именно на это указывал В. И. Ленин, включая психологию в число наук, из которых складывается в своем развитии диалектика и теория познания. В этой связи следует подчеркнуть, что марксистско-ленинская философия, обобщающая данные конкретных наук, а также и психологии, является единственно правильной теоретической основой, с позиции которой каждая наука

решает свои специфические задачи и обеспечивает свое развитие. Таковы важнейшие практические и теоретические задачи, решаемые психологией.

В зависимости от характера стоящих задач психологическая наука подразделяется на разделы (отрасли, части), которые имеют свою специфику. К числу наиболее определившихся областей психологии относится, например, общая психология, которая изучает наиболее общие закономерности психических процессов, чувств и воли, закономерности установления внутренних отношений и образования устойчивых свойств (темперамент, характер и т. д.). Эта область психологии обобщает и данные других ее областей.

К числу отраслей психологии, или ее разделов, относится такая очень важная часть науки, как детская психология. Дело в том, что каждый взрослый человек, а также юноша и подросток находится на определенном этапе своего психологического развития. Но для того чтобы понять, как появляется каждая новая ступень в развитии личности, надо знать, что представляет собой тот период, который относится к дошкольной, к преддошкольной и еще более ранней ступени жизни человека, так как психические процессы возникают с первых же дней жизни человека. В связи с развитием психических процессов возникают также умственные качества, волевые действия и т. д. Происхождение и развитие психики ребенка и изучает детская психология.

В теснейшей связи с этой областью психологической науки находится раздел психологии, который называется педагогической психологией, изучающей психологические закономерности обучения и воспитания главным образом в общеобразовательной школе. К ней относятся вопросы осознания и усвоения учеником учебного материала и вопросы применения полученных теоретических знаний в практической деятельности.

Эта область психологии непосредственно связана с решением вопросов психологических особенностей творческой трудовой деятельности человека. Вопросы понимания современной техники, внедряемой в производство, и вопросы, связанные с овладением ею, а также рационализация и изобретательство на производстве представляют большой психологический, практический и теоретический интерес. Изучение психологической стороны трудовой деятельности способствует наиболее успешной организации подготовки и совершенствования кадров.

Определенные задачи решает психология и по линии изучения вопроса патологического (болезненного) изменения психики человека, и по линии искусства (театр, кино и другие формы), и по линии изучения спортивной деятельности и т. д.

В связи с рассмотрением задач психологии в различных видах деятельности людей необходимо специально поставить вопрос о задачах психологии в области воинской деятельности.

Воинская деятельность — это особый вид деятельности. Особенности воинской деятельности определяются характером конечных целей (постоянная боевая готовность в условиях мирного времени и

победа над врагом во время войны), которые ставятся перед войнами, и специфичностью условий их достижения (подготовка к бою и бой). В процессе боевой деятельности, т. е. в боевых условиях, у человека до предела напрягаются физические и нравственные силы. Наличие таких и многих других особенностей приводит к тому, что боевая деятельность оказывает большое формирующее влияние на психику воина, на его личность.

На большую силу воспитывающего влияния воинской деятельности указывал М. И. Калинин. Выступая на собрании комсомольского актива г. Куйбышева в ноябре 1941 года, он говорил: «Вы видите, как быстро в наше время юноши превращаются в бойцов, в мужей. В мирное время на это потребовались бы годы. Для тех комсомольцев, которые на фронте, юность уже отошла, они сделались бойцами... Надо понять, что война не игрушка, а очень тяжелое испытание. Не случайно, что на войне человек так быстро из зеленого юноши превращается во взрослого мужа, в борца»¹. М. И. Калинин подчеркивает далее, что чем сложнее боевая обстановка, чем напряженнее деятельность воинов, тем скорее происходит их созревание. «Любой опыт,— говорит М. И. Калинин,— надо выстрадать, взять с боя, чтобы он вошел в плоть и кровь.

Скажем, часть была в десантных операциях, прошла большую боевую школу. Ясно, что моряки, пехотинцы и артиллеристы в такой части тесно между собою спаяны, у них и боевая дружба развита в очень высокой степени. Откуда это пришло? Идя в бой, моряки знали, что за ними следит вся армия, от них многое зависит. На каждом шагу их подстерегала опасность. Каждый стремился выполнить приказ, сделать свое дело и вместе с тем спасти себя самого и своих товарищей. Успехи давались огромным напряжением сил. Ясно, что в такой обстановке созревание воина идет куда быстрее, чем, скажем, в частях, расположенных на более спокойных участках фронта. В этом случае у людей меньше напряжение, да еще и однообразие обстановки действует на них отрицательно»². Так характеризует М. И. Калинин формирующее воздействие воинской деятельности на человека.

В связи со специфичностью воинской деятельности как общественного явления и особенностями психологических качеств, необходимых воину как личности, возникает потребность в специальном психологическом анализе воинской деятельности. Это положение соответствует тому, что всем общественным явлениям свойственны не только общие, но и специфические особенности и что именно те специфические особенности, которые отличают общественные явления друг от друга, являются наиболее важными для науки и практического использования ее данных.

Только в процессе специфической воинской деятельности у человека осуществляется формирование личных качеств, необходи-

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воениздат, 1958, стр. 403—404.

² Там же, стр. 549—550.

мым ему для наиболее успешного выполнения боевых задач. Вот почему, прежде чем вступить в бой и прежде чем стать воином с боевым опытом, советский человек, как правило, должен пройти школу военного обучения и воинского воспитания. Только в армии он приобретает необходимые ему как защитнику Родины знания; умения, навыки и высокие морально-боевые качества, без которых невозможно вести бой и победить врага. Именно при такой постановке вопроса можно конкретно раскрыть силу сознательности воинов Советской Армии, решить проблему контроля воином своего поведения в бою и в учебе, дать психологическую характеристику воинского коллективизма и многое другое, связанное с психологическим анализом боевой и учебно-воспитательной деятельности.

Зависимость психологического формирования личности от особенностей воинской деятельности следует изучать потому, что каждый член социалистического общества всегда должен быть готовым к вооруженной защите интересов своего государства от посягательств империалистических агрессоров.

Итак, специфичность целей и задач воинской деятельности и особенности объективных условий ее осуществления свидетельствуют о том, что изучение психологических закономерностей формирования личности советского воина представляет собой одну из специальных задач современной психологии. Нельзя механически использовать данные общей психологии и других областей психологической науки в объяснении влияния боевой обстановки на человека и в решении вопросов военного обучения и воспитания в условиях мирного времени.

Хотя общая психология вскрывает, например, особенности процессов наблюдения, тем не менее она не решает задач, связанных с вопросами боевой и политической подготовки войск, хотя и наблюдательность и другие качества личности имеют прямое отношение к воинской деятельности. Говоря в данном случае о наблюдательности, необходимо иметь в виду, что общая психология дает общую характеристику этого качества человека, не увязывая его с конкретным видом деятельности, т. е. с ее конкретными целями и задачами и с условиями ее осуществления. Иначе говоря, данные общей психологии с одинаковым успехом могут быть использованы как в детской психологии, так и в той области психологической науки, которая изучает людей, занимающихся воинской деятельностью. Это значит, что данные общей психологии могут служить в качестве общих ориентиров для решения задач специальных отраслей психологии.

Для большей конкретизации положения о необходимости психологического исследования воинской деятельности иллюстрируем его некоторыми другими примерами.

Общей психологией и другими отраслями психологии достаточно хорошо изучены процессы мышления человека при решении задач. Материалом для этих исследований служили разнообразные задачи (производственные, математические, логические и др.).

Если же попытаться механически перенести уже имеющиеся данные этих исследований и ограничиться ими в объяснении решения боевых задач, то это не приведет к желательному результату.

Конечно, и при решении боевой задачи имеют место элементы мыслительного процесса, свойственные человеку и при решении математических, производственных или логических задач. Однако при решении боевых задач взаимосвязь этапов, скорость протекания и характер мыслительных операций, взаимоотношение между наглядными компонентами и процессами рассуждения, характер проверки, способ использования знаний, роль умственных навыков и т. д. оказываются настолько своеобразными, что общая психология, и тем более отраслевая (детская, педагогическая и др.), не в состоянии ответить на возникающие при этом вопросы. Общая психология, например, не выясняет своеобразия боевых задач в отличие от других типов задач, не дает анализа специфики объективных условий, в которых решаются эти задачи (ситуация боя и подготовка к нему), не исследует самого процесса их решения. Эти вопросы могут возникнуть только при изучении воинской деятельности и решаться специальной частью психологической науки.

В общей и детской психологии, а также и в других областях психологической науки довольно хорошо разработаны вопросы формирования двигательных навыков. Эти данные должны быть использованы при исследовании человека, занимающегося воинской деятельностью. Для воинской деятельности двигательные навыки имеют особое значение, поэтому непосредственное приложение знаний, которыми располагает любая отрасль психологии, не дает ответа на вопросы, возникающие в практике обучения и воспитания воинов.

Какова роль зрительных и проприоцептивных (внутримышечных и суставных) ощущений в меткой стрельбе? Без ответа на это трудно решать вопросы обучения стрельбе из автоматического оружия по видимым целям навскидку, на ходу и на слух, при использовании прицельного механизма и без него.

Примерно так же обстоит дело и с разрешением других вопросов психологии, связанных с практикой обучения и воспитания воинов. К этому необходимо добавить, что и путь функционального анализа сознания воина сам по себе также не ведет к раскрытию психологических основ военной подготовки, ибо вопрос заключается не в специфике отдельных, порознь рассматриваемых психических процессов (ощущений, восприятий, внимания и т. д.) и личных качеств (глубокомыслия, внимательности и т. п.), а в их направленности, в их использовании человеком.

Каковы психологические предпосылки и основания формирования таких качеств воина, как мужество, стойкость, инициативность? Разве не ясно, что твердая рука и меткий глаз в бою могут быть только у стойкого и мужественного бойца.

В соответствии с вопросами такого характера и должны строиться исследования психологии обучения и воспитания воинов. Только на основе учета всех качеств советского человека, приобре-

тенных им до прихода в армию, и на основе учета специфики предмета своего исследования психология может конкретно сказать о формировании морально-боевых качеств советского воина.

Итак, психология как наука должна специально исследовать воинскую деятельность, должна раскрывать те психологические процессы, свойства и качества, которые необходимы именно воину. Вопросы мышления и памяти советского воина, его стремления, запросы и характер в целом она должна раскрывать главным образом в плане специфики воинской деятельности. Например, такое крайне важное качество психики воина, как острота связи абстрактного и наглядно-действенного мышления, может быть понято не само по себе, а при раскрытии конкретных особенностей задач, решаемых в процессе воинской деятельности, в процессе боя и подготовки к нему.

Так же обстоит дело и с характеристикой речевого оформления приказа, постановки задач и других способов общения в процессе воинской деятельности. Это значит, что особенности командного языка могут быть объяснены только особенностями воинской деятельности, которая порождает специфику речи, оказывающую в свою очередь обратное влияние на саму деятельность. Именно на основе анализа специфики воинской деятельности возможно научное объяснение как своеобразных качеств мышления, речи и воли воина, так и порожденных своеобразием деятельности особенностей его переживаний, мотивов его деятельности и его опыта в целом. При этом необходимо учитывать весь жизненный путь воина.

Особенно ярко выступает зависимость психических качеств воина от особенностей его деятельности, если учитывать и те объективные условия, в которых осуществляется эта деятельность. Так, управление своим поведением у одного и того же воина по-разному проявляется в различных видах боя. Больше того, на различных этапах одного и того же вида боя боевые качества воина могут выступить по-разному.

Такой подход к решению военно-психологической проблематики открывает реальные возможности управления процессом формирования личности воина путем систематической организации объективных условий его деятельности и самой деятельности, путем организации его отношения к действительности и к самому себе, путем обучения и воспитания.

С точки зрения психологической науки воин характеризуется главным образом не особенностями своей памяти, своего восприятия, ощущения и не особенностями какого-либо другого психического процесса или отдельного свойства. Особенности психических процессов и свойств не являются принципиальными и самодовлеющими отличительными признаками личности воина. Эти процессы и свойства, их природа могут быть выяснены лишь путем изучения воина как личности со всеми ее характерными чертами, определяемыми своеобразием воинской деятельности.

Но, как уже подчеркивалось, это вовсе не означает, что психологии, изучающей закономерности формирования личности в про-

цессе воинской деятельности, следует отказаться от учета и анализа данных всех отраслей психологической науки. Наоборот, результаты исследований этих разделов психологии необходимо иметь в виду и там, где можно использовать их, так как без этого невозможно понять законы психологического развития личности в процессе воинской деятельности. Это обуславливается тем, что все виды человеческой деятельности, несмотря на различие их конкретных моментов, в конечном счете осуществляются по общим законам. В соответствии с этим и психологическое формирование личности в целом также имеет ряд общих для всех индивидуумов закономерностей.

Так выступает предмет психологии в связи с характеристикой задач формирования личности в процессе воинской деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что советская психология, изучая психику человека, рассматривает его не как изолированного индивидуума. Советская психология исходит из марксистско-ленинского положения, что каждый человек, будучи членом общества, испытывает на себе воздействие других людей и тех идей, которые господствуют в данном обществе. Это относится абсолютно ко всем видам человеческой деятельности. Поэтому и при изучении психики людей, занимающихся воинской деятельностью, необходимо иметь в виду общественную сущность этой деятельности и воздействие идеологии общества на каждого воина.

В силу зависимости психики каждого воина от системы общественных отношений и тем самым от идейного содержания воинской деятельности психология, изучающая психику советских людей, занимающихся воинской деятельностью, не замыкается в круг искусственно отгороженных, так сказать, узких, «чисто» профессиональных интересов, связанных с изучением только отдельных психических процессов, свойств и качеств индивидуума. Напротив, эта область психологических знаний в силу специфики своего предмета связана с политикой тем, что помогает ей решать задачи идейно-политического воспитания воинов.

Из сказанного выше следует, что специальная часть психологии должна решать задачу по изучению деятельности воина и формированию его личных качеств в зависимости от специфики военного дела, идейное содержание которого определяется общественным строем Советского Союза и идеологией советского общества.

Такова самая общая задача рассматриваемой области психологической науки. Если же этот вопрос поставить конкретнее, то необходимо выделить две большие, неразрывно связанные задачи. Одна из них заключается в том, чтобы изучить личные качества, необходимые воину для наиболее успешных действий в бою. Другая состоит в том, чтобы изучить психологическую сторону процессов боевой и политической подготовки, т. е. процессов формирования личных качеств воина в мирное время.

Что касается первой задачи, то она кажется довольно простой. Ведь ясно, например, что боец, успешно действующий на поле боя,

обладает такими качествами, как храбрость, смелость, отвага, самоотверженность, готовность совершить подвиг, рискуя своей жизнью. Это всем известно. В действительности же дело сложнее, так как основой названных и им подобных качеств являются идеи и стремления воина, его взгляды и убеждения.

Каково же взаимоотношение между боевыми качествами и их идейными основами? На этот вопрос обстоятельно можно ответить, учитывая психологические механизмы образования и развития морально-боевых качеств воина. Без учета психологических сторон формирования личности бойца качества, необходимые человеку для достижения победы в бою, не могут быть раскрыты, не будут объяснены по существу, а описаны только внешне, поверхностно. Вот почему психология всеми доступными ей средствами должна глубоко решать задачу изучения личных качеств воина, необходимых ему для одержания победы над врагом в бою.

Эта задача может быть решена при индивидуальном подходе к людям, непосредственно участвовавшим в боях. Но изучать нужно прежде всего боевые дела и поступки тех солдат и офицеров Советской Армии, которые действовали в сложной боевой обстановке, проявляли героизм и мужество. При этом необходимо учитывать как особенности конкретных условий (напряженность боевой ситуации, виды боя, их этапы), так и мотивы, побуждающие воинов к боевым подвигам.

Однако психологический анализ героических поступков как проявлений наиболее высокого уровня воинской деятельности, вскрытие психологических особенностей личности воина-героя, установление основных данных, необходимых для осуществления героического подвига, не должны проводиться без анализа воинской деятельности менее сложного характера. Больше того, необходимо изучать и отрицательный опыт. Отрицательные явления в боевых условиях, как бы единичны и случайны они ни были в Советской Армии и какими бы причинами ни вызывались, должны быть проанализированы с целью выяснения их психологической природы и выработки путей и средств борьбы с ними.

Вторую задачу можно решить только на основе учета результатов решения первой задачи. Без знания того, какими личными качествами должен обладать воин в бою, нельзя обучать и воспитывать его в мирное время. Психология в мирное время должна изучать передовой опыт воспитания у воинов таких качеств, которые необходимы ему в бою для достижения победы над врагом.

Большая и сложная задача изучения психологической стороны боевой и политической подготовки войск охватывает ряд частных вопросов. К их числу относится, например, психологическая характеристика процессов обучения и воспитания нового пополнения, прибывающего в армию для прохождения срочной службы.

Известно, что молодой гражданин Советского Союза приходит в армию с определенными сложившимися у него до службы психологическими чертами, установками, привычками, навыками и т. п. Но в армии существуют свои порядки, нормы поведения и

определенные задачи. В соответствии с этим в армии создаются свои специфические условия, в которых формируются качества воина, способного вести бой.

Следовательно, в задачу военного обучения и воинского воспитания входит организация таких условий и осуществление такого воздействия на человека, начавшего воинскую службу, которые формировали бы у него нужные психологические свойства, черты характера, привычки, навыки, знания и т. д. В связи с этим в самом начале воинской деятельности перед молодым воином объективно возникает необходимость особого и часто сложного соотношения его личного опыта, образовавшегося еще до прихода в армию, с армейским образом жизни, с новой деятельностью в новых условиях. Этот процесс воспитания и обучения протекает не без трудностей и противоречий. Соотношение, часто выражающееся в противоречии и борьбе нового и старого, является движущей силой единого по своей природе процесса формирования личности воина в течение срока его воинской службы. Это и должно подвергнуться специальному анализу для того, чтобы усовершенствовать процесс подготовки войск в соответствии с требованиями современного боя.

По аналогии с этим можно говорить об изучении психологической стороны подготовки офицерского состава в военных учебных заведениях. Ведь дело сводится к тому, чтобы будущий офицер получил необходимую ему систему знаний, выработал соответствующие командные навыки и приобрел необходимое умение. Вместе с тем у него должны быть сформированы личные качества, необходимые ему как будущему командиру-воспитателю в боевой обстановке и в мирных условиях. Именно для этого и нужно изучить закономерности психологического формирования личности офицера в процессе его обучения и воспитания.

Психология в области воинской деятельности должна также заниматься вопросами обучения и воспитания детей в суворовских и нахимовских училищах, ибо данные современной детской и педагогической психологии не могут служить единственной основой организации воспитания и обучения будущих офицеров. Эти данные не полностью учитывают развития тех качеств психики, которыми должен обладать именно военный человек.

Воспитанники суворовских и нахимовских училищ обучаются и воспитываются в таких условиях, которые резко отличаются и от условий школ других типов, и от условий службы воинов в частях и подразделениях. Так же обстоит дело и с их деятельностью, в процессе которой совершается их психологическое развитие. Следовательно, психология должна помочь в определении путей и степени сближения условий деятельности юных суворовцев и нахимовцев с условиями подлинной воинской деятельности. Сближение же этих объективных условий неизбежно влечет за собой сближение практической деятельности, в процессе которой, собственно, и формируется личность будущего офицера.

Итак, советская психологическая наука должна ставить перед

собой задачу, в о - п е р в ы х, изучить морально-боевые качества, необходимые советским воинам для успешных действий в условиях современного боя, и, в о - в т о р ы х, дать психологическую характеристику процессов обучения и воспитания, направленных на формирование этих качеств.

Вопросам психологии в области воинской деятельности уделяется большое внимание и в вооруженных силах капиталистических государств. Особенно большое значение военной психологии придается в США. Об этом свидетельствует хотя бы то, что там уже в 1917 году правительство мобилизовало психологов на решение вопросов, связанных с изучением людей, которые на полях сражений должны защищать интересы капиталистов и помещиков. А во время второй мировой войны разработкой военно-психологической проблематики в США были заняты сотни и даже тысячи психологов. Интересно отметить в связи с этим, что ни в одной другой стране, ни в одной организации или научно-исследовательском учреждении никогда не объединялось такое количество психологов, как в военном ведомстве США.

Сушность целей и задач современной империалистической военной психологии полностью определяется официальной американской оценкой такого общественного явления, как война. В соответствии с интересами правящих кругов война понимается как бизнес, дающий максимальные прибыли его организаторам, вложившим в это «дело» свои капиталы. Но для того чтобы бизнес себя оправдал, чтобы обороты капитала действительно привели к огромнейшим прибылям, во время войны должна быть использована боевая техника, оружие и все те средства, при помощи которых ведется война. А для этого нужен человек, владеющий техникой и оружием в бою, нужен солдат, сержант, офицер. Поэтому в США согласно официальной точке зрения считается, что основным орудием войны является человек, а главной пружиной войны — моральное состояние войск. Однако в раскрытии этой концепции, несмотря на то что всячески подчеркивается ведущая, решающая роль человека и его морального состояния, американские психологи по существу дела приходят к тому, что человек рассматривается как биологическая единица, представляющая собой придаток к боевой технике и оружию.

Как же понимается человек и его моральный облик с точки зрения американских психологов (и, значит, правящих кругов)?

Отвечая на этот вопрос, современная американская военная психология с большой напористостью пытается отождествить человека с животным, настаивая на том, что главным принципом жизни и войны является принцип «выживания сильного».

В чем же сила человека, который выживает? В том же, по мнению американских военных психологов, в чем и сила животного, которое выживает благодаря приспособляемости, маскировке и плодовитости.

Так вытаскиваются на свет и находят свое наиболее реакционное и агрессивное преломление в современной американской воен-

ной психологии старые, антинаучные взгляды (в том числе и Мальтуса) на общество в целом и индивидуума в частности.

Но дело не в самом по себе отождествлении поведения животного в окружающей его среде и поведения человека в бою. Дело в том, как говорят они, что силы, побуждающие человека к действию, такие же, как и у животного. Все рассуждения по этому поводу сводятся к утверждению, что у человека, так же как и у животных, имеется несколько основных влечений и движущих импульсов, соединенных в одно побуждение. Что же это за влечения и движущие импульсы? По мнению американских психологов,— это половой и родительский инстинкты, инстинкт самосохранения и некоторые другие с силой эгоизма во главе их всех. Таким образом, эгоизм, стоящий во главе всех других биологических по своей сущности побуждений, признается основной движущей силой деятельности человека в бою. Но это не только теоретическая позиция, это попытка дать психологическое обоснование идеологической обработке. Именно поэтому американская военная психология дает советы, как усилить и обострить эгоистические побуждения солдат и офицеров американской армии, чтобы мобилизовать для этой цели их животные страсти.

Все эти и им подобные идеи проводятся во всех пособиях по военной психологии, одобренных военным министерством США. Конечно, не везде, не непосредственно и прямо обнажаются биологические взгляды военных психологов. Эти взгляды часто очень тонко маскируются. Больше того, среди буржуазных военных психологов есть и такие, как, например, Н. Коупленд, который считает, что «моральное состояние... это самое могущественное оружие, известное человеку; более могущественное, чем самый тяжелый танк, чем самое мощное артиллерийское орудие, чем самая разрушительная бомба»¹.

Но и такие относительно гибкие воззрения по существу не раскрывают общественной и классовой сущности морального духа войск и его значения как постоянно действующего и решающего фактора войны. Такого рода теории, как и откровенно биологические, стремятся обслужить интересы господствующего класса капиталистического общества и внедрить в сознание военнослужащих идеи о их расовом превосходстве, о преимуществе их общественно-экономической формации, о якобы высоком уровне их цивилизации и т. п. При этом, конечно, не обходятся без клеветы, и часто грубой, в адрес Советского Союза и других стран лагеря социализма.

В целом же, с точки зрения современной американской, а за ней и всей буржуазной военной психологии, поведение личного состава армии в бою и в обстановке мирного времени ставится в полную зависимость от биологических побуждений. Что же касается морального фактора, роль которого ею подчеркивается, то и он становится в зависимость от биологического фактора. При этом со-

¹ Н. Коупленд. Психология и солдат, Воениздат, 1958, стр. 21.

вершенно очевидно, что биологизация личности в современной буржуазной военной психологии подчинена политическим целям и является средством их маскировки. Что же касается непосредственных основ морального состояния войск, таких, как политические цели и характер войны, политическая сознательность воина, патриотизм, готовность самоотверженно бороться и в случае необходимости отдать жизнь за интересы своего народа и т. д., то обо всем этом намеренно умалчивается. Да это и понятно, так как все буржуазные психологи, в том числе и военные, знают, что рассмотрение этих вопросов разоблечило бы истинную подоплеку той реакционной политики, которую проводит империализм. Это, конечно, не значит, что буржуазные пропагандисты в процессе идеологической обработки личного состава армий капиталистических государств вовсе не интересуются вопросами формирования мировоззрения военнослужащих в нужном правящим кругам направлении. Эти вопросы там решаются в плане воспитания однобокого буржуазного патриотизма, шовинизма, в плане расизма. Другой же стороной такой медали является проповедь космополитизма, маскирующего устремления политики колониализма. И все-таки, несмотря на потребность в решении такого рода задач, буржуазная военная психология практически их не обостряет, не сосредоточивает на них внимание, а явно или в прикрытой форме стремится умолчать о них, затушевать, отвлечь от них сознание военнослужащих, внушая им, что это дело не их компетенции.

А история, как известно, объективно доказывает, что несправедливые, захватнические цели империалистических войн не могут служить прочной основой для воспитания высоких моральных качеств у солдат армий капиталистических государств. Попытки же буржуазной военной психологии преодолеть правильное осознание солдатскими массами этих армий подлинных целей войны, попытки исказить это осознание в **конечном** счете обречены на неудачу, ибо они не затрагивают объективного источника расхождения интересов трудящихся и интересов господствующих классов, коренящегося в самой системе империализма.

Это обстоятельство понимают американские военные психологи, и они были бы рады получить для войны совершенно нового человека. Но этого, как известно, невозможно добиться, и они вынуждены ставить перед собой цель приспособить к войне того человека, который имеется в распоряжении правящих кругов.

С помощью каких же средств, например, американские военные психологи пытаются приспособить человека к войне?

Прежде чем начать войну, говорят они, необходимо внушить народу, что он является жертвой несправедливости и что он должен выполнить свою особую историческую миссию. Это нужно сделать, по их мнению, для того, чтобы вызвать у людей соответствующие чувства, которые побуждали бы их к ведению войны. И не важно, если для возбуждения желаемых чувств придется, как они выражаются, прибегнуть к лицемерию, обману, искажению и другим уловкам. Таково откровенное признание, в частности, аме-

риканской военной психологии о способах психологической подготовки американцев к новой мировой войне. Таковы реакционные идейные основы и направленность всей современной буржуазной военной психологии.

Реакционной сущностью исходных политических позиций и идеологических основ буржуазной военной психологии можно объяснить ее стремление уйти от всестороннего и глубокого исследования личности военнослужащего и, таким образом, избежать показа антагонистически противоречивой природы сознания, переживаний и поведения солдат и офицеров капиталистических армий. Об этом свидетельствует даже художественная литература капиталистического общества, где обнажается состояние бойцов на поле боя и роль их политических взглядов и идей, противостоящих господствующим кругам их общества (см., например: Эрих Мария Ремарк. «Время жить и время умирать». Гос. изд. худ. лит. Литовской ССР, Вильнюс, 1957; Вильям Сароян. «Приключения Весли Джексона». Изд. иностр. лит., Москва, 1959). Это говорит о том, что сколько бы американские психологи и их последователи ни кричали, что человек — главное оружие войны, они рассматривают его все-таки как придаток к машине, как то, от чего зависит успех бизнеса.

Военная буржуазная психология является одним из важнейших средств идеологической обработки личного состава буржуазных армий, маскирующих с помощью биологической и психологической терминологии сугубо политические цели этой обработки. Так, например, солдатам и сержантам (да и офицерам) вдалбливают, что войны неизбежны, что они будут до тех пор, пока будет человечество, и что это, мол, предопределяется вечной и непреодолимой силой инстинкта борьбы за существование, инстинкта драчливости и т. д. Личному составу внушается идея расового превосходства, распространяются клеветнические измышления по отношению к Советскому Союзу и странам социалистического лагеря. Всячески превозносится американский образ жизни.

Таким образом, сущность буржуазной военной психологии находится в полном соответствии с реакционной, антинародной сущностью империализма и агрессивностью его политики. Задача буржуазной психологии — найти пути и средства обольщения солдатских масс, чтобы сделать из них послушное орудие в руках империалистических хищников.

Только советская психология, обслуживая интересы трудящихся, в силу своих глубоко научных прогрессивных и идейных основ может правильно ставить и решать вопрос об изучении психики советского воина.

Теоретической основой советской психологической науки в целом и той ее области, которая изучает психику людей, занимающихся воинской деятельностью, является марксизм-ленинизм. В соответствии с учением классиков марксизма-ленинизма психика человека должна изучаться в системе общественных отношений, в которые непосредственно включен индивидуум. Вместе с этим диалек-

тический и исторический материализм требует, чтобы психика человека изучалась как отражение объективно существующей действительности, как свойство особым образом высокоорганизованной материи, как свойство мозга.

Развивая идеи основоположника русской научной физиологии высшей нервной деятельности И. М. Сеченова, поднимая эти идеи на новую, более высокую ступень, И. П. Павлов вскрыл физиологические основы и особенности возникновения и протекания отражательной деятельности, начиная с простейших ощущений и кончая сложнейшими мыслительными процессами. Определяя цель и в соответствии с ней направленность своей работы, И. П. Павлов в одной из лекций говорил: «Для последовательного натуралиста и в высших животных существует только одно: та или иная внешняя реакция животного на явления внешнего мира. Пусть эта реакция чрезвычайно сложна по сравнению с реакцией низшего животного и бесконечно сложна по сравнению с реакцией любого мертвого предмета, но суть дела остается все той же». И далее он говорит о том, что «строгое естествознание обязано только установить точную зависимость между данными явлениями природы и ответными деятельностями, реакциями организма на них; иначе сказать, исследовать уравнивание данного живого объекта с окружающей природой»¹.

И. П. Павлов считал, что его исследования являются следующим, более высоким этапом физиологии нервной системы, устанавливающим не только соотношение между отдельными частями организма, но и между процессами взаимоотношения организма с окружающей его средой².

Исследуя объективными методами взаимодействие между организмом и внешней средой, И. П. Павлов вскрыл нервные механизмы этого взаимодействия. В своих исследованиях он показал, что уравновешенность, т. е. правильная сочетательная реакция организма на множество комплексных раздражителей, идущих из внешней среды, обеспечивается нейродинамическими процессами, представляющими собой возбуждение и торможение нервных клеток, участков коры полушарий головного мозга. Согласно учению И. П. Павлова эти процессы в зависимости от характера сочетания раздражителей выполняют замыкательную функцию, благодаря которой образуются связи в центральной нервной системе. Такие связи И. П. Павлов назвал условнорефлекторными (в отличие от безусловнорефлекторных, врожденных связей) потому, что для их образования нужны определенные условия (сочетание индифферентных и жизненнозначимых раздражителей). Эти же связи называл И. П. Павлов временными (в отличие от постоянных, безусловнорефлекторных), так как они тормозятся в случае нарушения тех условий, в которых вырабатывались и поддерживались (прекра-

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, АН СССР, 1951, стр. 65—66.

² См. там же, стр. 28.

щение повторных сочетаний раздражителей индифферентных с теми, которые вызывают безусловную реакцию, появление нового раздражителя большой силы и т. д.). Связи между предметами и их признаками отражаются в условнорефлекторных связях. Условные рефлексы представляют чрезвычайно сложный и гибкий механизм уравнивания организма со средой.

Таким образом, в работах И. П. Павлова вскрываются физиологические механизмы взаимоотношения организма с окружающим миром и показываются органические основы отражения объективной действительности в результате ее воздействия на организм.

Учение И. П. Павлова о единстве организма и окружающего мира является очень важным и для решения психологических задач в области воинской деятельности. Воину, как известно, приходится действовать в особых объективно складывающихся условиях, в конечном счете, в условиях боя. Чтобы успешно вести бой, воин должен обладать рядом таких личных качеств, которые дали бы ему возможность действовать, во-первых, в соответствии с поставленной целью и, во-вторых, на основе учета обстановки, складывающейся в бою.

Учение И. П. Павлова дает возможность не только проанализировать единство организма и окружающего мира. Оно содержит в себе научно обоснованные указания на необходимость организации благоприятных объективных условий для физиологической и психологической подготовки воинов до ввода их в бой.

Чрезвычайно большое значение учения И. П. Павлова для решения проблем психологического формирования личности советского воина заключается также в раскрытии качественного отличия функций мозга человека от мозга животных. Именно это утверждается учением И. П. Павлова о первой и второй сигнальных системах.

«В развивающемся животном мире,— говорит И. П. Павлов,— на фазе человека произошла чрезвычайная прибавка к механизмам нервной деятельности. Для животного действительность анализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях, непосредственно приходящими в специальные клетки зрительных, слуховых и других рецепторов организма. Это то, что и мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды, как общеприродной, так и от нашей социальной, исключая слово, слышимое и видимое. Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными. Но слово,— продолжает свою мысль И. П. Павлов,— составило вторую, специальную нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов». Здесь же, характеризуя слово как особый раздражитель и его роль в жизнедеятельности человека, И. П. Павлов говорит: «Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности... С другой стороны, именно слово сделало нас людьми, о чем, конечно, здесь подробнее говорить не при-

ходится. Однако не подлежит сомнению, что основные законы, установленные в работе первой сигнальной системы, должны также управлять и второй, потому что эта работа все той же нервной ткани»¹.

Только в свете учения о двух сигнальных системах и об их единстве возможно правильное решение ряда проблем той части психологии, которая изучает закономерности формирования личности в процессе воинской деятельности, в частности проблемы образования физиологических особенностей умения владеть собой в бою, проблемы развития чувств, выходящих за пределы единичных ситуаций, и т. д. Известно, что в непосредственно боевой деятельности воины преодолевают препятствия чрезвычайно большой силы, большой жизненной значимости. Согласно учению И. П. Павлова это не может осуществляться только на основе врожденных, инстинктивных механизмов поведения и первой индивидуально приобретенной сигнальной системы.

«У человека,— говорит И. П. Павлов,— в конце концов все сложные отношения перешли уже во вторую сигнальную систему. У нас выработалось наше словесное и не конкретное мышление. Самым постоянным и давним регулятором в жизненных отношениях является вторая сигнальная система. У животных этого нет. У них все до самого верха высшей нервной деятельности заключается в первой сигнальной системе. У человека вторая сигнальная система действует на первую сигнальную систему и на подкорку на два лада: во-первых, своим торможением, которое у нее так развито и которое отсутствует или почти отсутствует в подкорке (и которое меньше развито, надо думать, в первой сигнальной системе); во-вторых, она действует и своей положительной деятельностью — законом индукции. Раз у нас деятельность сосредоточена в словесном отделе, во второй сигнальной системе, то ее индукция должна действовать на первую сигнальную систему и подкорку»².

Из этого следует, что поведение воинов в бою физиологически регулируется, по существу, второй сигнальной системой.

Если бы это было не так, то каждый воин, на основе врожденных механизмов и первой сигнальной системы, действовал бы в слепой зависимости от внешней, чрезвычайно опасной для его жизни, боевой обстановки и, конечно, не обладал бы такими качествами, как стойкость, храбрость, самоотверженность.

На самом же деле воин действует в ситуации боя, руководствуясь идеями, во имя которых он ведет борьбу, а его внешнее поведение, на основе учета особенностей конкретных обстоятельств боя и характера боевой задачи, регулируется его сознанием, которое возможно только на такой физиологической основе, как вторая сигнальная система. И это понятно, ибо, согласно теории

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 335—336.

² «Павловские среды», т. III, АН СССР, 1949, стр. 9—10.

И. П. Павлова, вторые сигналы, сигналы сигналов, «представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее (в смысле новое, дополнительное по сравнению с животными.— Г. Л.), специально человеческое, высшее мышление...»¹.

Такое понимание функций нервной системы, в частности коры головного мозга, дает возможность правильно раскрыть органические основы социальных по своей сущности познавательных, чувственных и волевых процессов, входящих в состав человеческой, а значит, и воинской деятельности. При этом совершенно ясно, что, чем выше идейный уровень деятельности человека, тем больше роль второй сигнальной системы, тем меньше зависимость деятельности от непосредственного воздействия отдельных раздражителей и обстановки в целом. Иначе говоря, чем выше уровень развития второй сигнальной системы человека, тем выше его сознание и гибче деятельность, тем богаче его возможности как в овладении объективными условиями в смысле их использования, так и в овладении своей собственной деятельностью в смысле ее контролирования и регулирования.

Раскрывая внутреннее единство организма, единство организма и внешней среды, показывая в этом закономерности образования и роль условных рефлексов, И. П. Павлов разработал типологию нервной системы.

Различие типов нервной системы, по Павлову, зависит от характера соотношения основных свойств процессов возбуждения и торможения. «Эти свойства суть: во-первых, сила основных нервных процессов — раздражительного и тормозного, — постоянно составляющих целостную нервную деятельность; во-вторых, равновесие этих процессов и, наконец, подвижность их»².

В зависимости от сочетания названных свойств образуются различные типы нервной системы, или типы нервной деятельности. Таких типов может быть много, однако при многообразии сочетаний упомянутых признаков И. П. Павлов разделяет всех людей на две основные группы. Одних он назвал художниками, других — мыслителями.

Художники характеризуются тем, что отражают реальную действительность целиком, сразу, в очень широких связях и отношениях. Они, как говорит И. П. Павлов, «захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность, без всякого дробления, без всякого разъединения»³.

Мыслители в отличие от художников «дробят ее (действительность.— Г. Л.) и тем как бы умерщвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова со-

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 232—233.

² Там же, стр. 267.

³ Там же, стр. 213.

бирают ее части и стараются их таким образом оживить, что вполне им все-таки так и не удается»¹.

У художников, считает Павлов, деятельность больших полушарий протекает во всей их массе, затрагивая менее всего лобные доли. А у мыслителей деятельность сосредоточена главным образом в лобных долях.

С точки зрения И. П. Павлова, у художника относительно преобладает первая сигнальная система, а у мыслителя — вторая. Следует отметить, что и художники и мыслители в чистом виде встречаются редко. Чаще всего черты художника и мыслителя смешаны, соединение же в одном лице великого художника и великого мыслителя — величайшая редкость.

Учение И. П. Павлова о типах нервной деятельности вскрывает индивидуальные особенности жизнедеятельности. А это, как известно, дает возможность индивидуального, наиболее рационализированного подхода в обучении и воспитании, что имеет особенно большое значение в воинской деятельности, так как воину крайне необходимо быть готовым к тому, чтобы действовать в чрезвычайной сложной боевой обстановке при максимальном напряжении всех его физических и нравственных сил.

Принципиально важным в этой связи является то, что вместе с указанием на относительную устойчивость типов нервной системы И. П. Павлов подчеркивал также и огромную роль ее пластичности.

«Образ поведения человека и животного, — говорил он, — обусловлен не только прирожденными свойствами нервной системы, но и теми влияниями, которые падали и постоянно падают на организм во время его индивидуального существования, т. е. зависит от постоянного воспитания или обучения в самом широком смысле этих слов. И это потому, что рядом с указанными выше свойствами нервной системы (сила основных нервных процессов, их равновесие и подвижность. — Г. Л.) непрерывно выступает и важнейшее ее свойство — высочайшая пластичность. Следовательно, если дело идет о природном типе нервной системы, то необходимо учитывать все те влияния, под которыми был со дня рождения и теперь находится данный организм»².

Указание И. П. Павлова на важную роль высочайшей пластичности нервной системы в жизни организма имеет большое значение для психологической науки в целом и в частности для той ее части, которая занимается изучением воинской деятельности, так как в этом указании не только раскрываются физиологические механизмы, но и подчеркивается решающая роль и действенность обучения и воспитания в формировании личности.

В этом же плане следует рассматривать и ту часть учения И. П. Павлова, в которой он раскрывает сущность системности высшей нервной деятельности.

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 213.

² Там же, стр. 269.

Как показывают многочисленные жизненные наблюдения и экспериментальные данные, в результате воздействий систематических раздражителей внешнего мира на большие полушария головного мозга «получается динамический стереотип, т. е. слаженная, уравновешенная система внутренних процессов». При этом И. П. Павловым и его сотрудниками доказано, что «точные постоянные эффекты раздражителей в системе могут получиться всего легче и скорее только при одних и тех же промежутках между раздражителями, притом же применяемых в строго определенном порядке, т. е. при внешнем стереотипе»¹.

Из этого следует, что в процессе подготовки война при соответствующей организации объективных условий и учебной деятельности можно создать у него динамические стереотипы, необходимые ему в условиях боя. Иначе говоря, у война можно наперед создать относительно устойчивые системы условнорефлекторных связей, представляющих собой физиологические механизмы поведения в бою. Из учения И. П. Павлова о динамическом стереотипе следует и то, что у война необходимо развивать «высочайшую пластичность» нервной системы и тем самым вырабатывать необходимые физиологические предпосылки для целесообразного управления своим поведением и сознательного контроля над отдельными действиями и поступками в самых сложных и новых внешних условиях.

В целом учение И. П. Павлова о динамическом стереотипе раскрывает физиологические особенности деятельности индивидуума.

Итак, согласно теории марксизма-ленинизма и данным павловской физиологии высшей нервной деятельности психическое не существует без физиологического. В соответствии с научными данными психическое — это своеобразная форма осуществления аналитико-синтетической, условнорефлекторной нервной деятельности.

Однако из этого вовсе не следует, что психическое можно отождествлять с физиологическим и считать, что учение И. П. Павлова решает все задачи психологии. Это подчеркивал в своих работах и сам И. П. Павлов. Так, в речи на общем собрании XII съезда естествоиспытателей и врачей (Москва, 1909) он четко и ясно выразил свое отношение к психологии и к предмету ее исследования. «...Я хотел бы, — сказал И. П. Павлов, — предупредить недоразумение в отношении ко мне. Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира человека. Тем менее я склонен отрицать что-нибудь из глубочайших влечений человеческого духа»².

О том, что И. П. Павлов не отождествлял психическое и физиологическое и, значит, такие области знаний, как психологию и физиологию высшей нервной деятельности, свидетельствуют и другие его высказывания. Так, например, в 1914 году он писал следую-

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 240.

² И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, АН СССР, 1951, стр. 125.

щее: «В течение 13 лет, что я работаю с моими сотрудниками над условными рефлексами, я постоянно получал впечатление, что психологические понятия и систематизация психологами субъективных явлений должны глубоко разниться от физиологических представлений и физиологической классификации явлений высшей нервной деятельности, что воспроизведение нервных процессов в субъективном мире является очень своеобразным, так сказать, многократно преломленным, так что в целом психологическое понимание нервной деятельности в высшей степени условно и приблизительно»¹.

Это, как и многие другие подобные высказывания основоположника рефлексорной теории, имеет глубокий смысл и соответствует той истине, что человек внутренне, т. е. в меру своего осознания, имеет дело не с тем, что происходит в коре полушарий его головного мозга, а с тем, каково его самочувствие, т. е. субъективное состояние, вызываемое отражаемой им действительностью, с тем, насколько его понимание того или иного явления соответствует реальной действительности, с тем, как формируются и изменяются его субъективные образы действительности и взгляды, влияющие на его же практическую деятельность, имеет дело со своими собственными желаниями, устремлениями и со многим другим. Всего этого, всего внутреннего, субъективного мира физиология высшей нервной деятельности не исследует. Это — предмет психологии.

В заключение общей характеристики значения учения И. П. Павлова для советской психологии в целом необходимо подчеркнуть, что без знания закономерностей образования временных, условнорефлекторных связей невозможно научно-материалистическое объяснение психики человека как единого целого и отдельных психических процессов, представляющих собой моменты или стороны отражения реальной, объективно существующей действительности. Без знания специфики второй сигнальной системы, без учета социальной сущности ее образования и функций невозможно научно-материалистическое объяснение сознания человека и его внутреннего отношения к самому себе и к своей собственной деятельности, направленной на окружающий мир.

Опираясь на данные павловской физиологии, психология может успешно решать задачи психологического обоснования обучения и воспитания воинов. Вместе с тем психология должна поддерживать теснейшую связь с общей теорией и частными методиками обучения и воспитания советских воинов.

Началом, объединяющим эти области знаний, являются единые для них общие цели обучения и воспитания. Важно при этом подчеркнуть, что основные цели обучения и воспитания воинов ставятся не психологией, не педагогикой и тем более не частными методиками. Цели эти определяются политикой Советского госу-

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. I, АН СССР, 1951, стр. 287.

дарства. Но в достижении целей воспитания и обучения воинов советская психология и советская педагогика выступают в непосредственном взаимодействии.

В чем же выражается эта связь?

Психология связана с педагогикой практически тем, что психологическая теория формирования личности воина развивается на основе изучения воинской деятельности и проверяется в процессе обучения и воспитания воина. Без знания того, в каких условиях живет и действует, например, солдат в течение срока своей службы, без знания форм и методов систематического воздействия на ум, чувства и волю солдата в ходе его обучения и воспитания невозможно объяснить появление у него новых личных качеств, новых знаний, навыков и привычек. Без опоры на опыт воинского обучения и воспитания и на теоретические положения советской педагогики невозможно научно объяснить процесс развития личности воина.

Другая сторона этой связи заключается в том, что и педагогика, изучающая процессы военного обучения и воинского воспитания, должна опираться на данные психологической науки в целом, и особенно на данные той ее области, которая изучает личность воина.

Педагогическое воздействие советского командира на своих подчиненных не может быть в достаточной мере целенаправленным, систематическим и, следовательно, успешным, если у него нет определенной психологической концепции. Например, если командир взвода не знает своих подчиненных, если у него нет своей точки зрения на те внутренние сдвиги, которые происходят в их сознании при изучении уставов, при строевой и физической подготовке и т. д., то он не сможет достаточно хорошо подготовить их к ведению современного боя. Но дело не только в психологической теории, освещающей путь педагогической практике. Дело в том, что результат обучения и воспитания воинов всегда представляет собой те или иные качества личности в виде взглядов и убеждений, в виде решительности, находчивости и т. д. и в виде специальных, можно сказать профессиональных знаний, навыков, привычек и умений. Для того чтобы правильно оценить результаты педагогического процесса и тем самым определить его силу и действенность, необходимо уметь психологически проанализировать сдвиги в личности воина, которые вызваны процессом обучения и воспитания.

Без анализа процесса формирования внутреннего отношения воина к выполнению своего служебного долга не раскрыть действенности его знаний, значимости норм и правил поведения и т. д.

Необходимо в этой связи подчеркнуть, что ни одно положение теории обучения не может быть полностью реализовано без учета данных психологии. Для того чтобы осуществить, например, принцип сознательности в военном обучении, необходимо знать, каково содержание сознания советского воина, знать хотя бы общие закономерности формирования его личности. То же можно сказать и о

реализации других дидактических принципов (наглядность, систематичность и т. д.).

Таким образом, рассматриваемая отрасль психологии, опираясь на теорию и практику обучения и воспитания войск, сама служит опорой для военно-педагогической теории и практики.

Эта отрасль психологии связана также с частными методиками военного обучения. Для того чтобы методика действительно была полезной, а методическая грамотность офицера действенной, необходима теснейшая связь методики с психологией. Методика военного обучения — это педагогическая теория в действии. Частная методика представляет собой не сумму рецептов или приемов военного обучения, а педагогическую теорию в ее преломлении применительно к той или иной специальной области военного обучения в соответствии с ее конкретным содержанием. Иначе говоря, в частной методике сочетаются общие принципы педагогической теории с конкретными задачами, методами и формами обучения советских воинов.

Основой этого сочетания является психология. Без учета психологических изменений, которые происходят в личности воина в результате политической, технической, строевой, физической, огневой и тактической подготовки, невозможно сознательно пользоваться частными методиками и тем более невозможна их дальнейшая разработка и усовершенствование. Но и сама психология обогащается и развивается, а иногда и пересматривает отдельные свои положения на основе развития и практического применения частных методик.

Таковы связи и отношения психологии, общей теории и методики военного обучения и воинского воспитания.

В Советских Вооруженных Силах наряду со специальным военно-профессиональным образованием проводится большая партийно-политическая работа, в процессе которой у воинов формируются политические взгляды и убеждения, происходит осознание возвышенных и благородных целей и задач их воинской деятельности. Поэтому психология, изучающая личность воина, в решении своих задач не может не опираться на опыт и практику партийно-политической работы как на чрезвычайно важное и большое по своей силе систематическое воздействие на сознание воина, на его политико-моральное состояние.

Научный психологический анализ помогает раскрыть процесс идейного формирования личности советского воина, который является носителем идеологии советского общества. Без знания того, как осуществляется процесс познания действительности и процесс усвоения учебного материала, невозможно понять возникновение и развитие идей воина. Без этих психологических знаний нельзя по-настоящему руководить формированием сознания.

Для того чтобы связь психологии и педагогики была как можно теснее, для того чтобы психология успешно решала стоящие перед ней задачи, необходимо учитывать, как уже отмечалось, и характер связи между психологической наукой и физиологией

высшей первичной деятельности. Наряду с этим психология, изучающая психику людей, занимающихся воинской деятельностью, должна быть теснейшим образом связана и с советской военной наукой.

Руководствуясь данными советской военной науки, решая свои специфически психологические задачи, психология воинской деятельности способствует решению задач, стоящих перед военной наукой. Это определяется тем, что советская военная наука в отличие от буржуазной не ограничивается рамками военного искусства и не сводится к нему. Военная наука представляет собой не только систему знаний о способах ведения войны, т. е. военное искусство. Эта наука учитывает также экономические и моральные возможности как своей страны, так и страны противника.

Советская психология и советская военная наука особенно тесно примыкают друг к другу в вопросах познания моральных возможностей личного состава армии и психологических закономерностей формирования морального состояния воинов. Эта связь яснее всего выступает в том, что организация и подготовка войск рассматриваются советской военной наукой как чисто военный элемент. А задачи организации, и особенно подготовки личного состава, которые должны решаться при активном участии психологии, непосредственно связаны с решением задач тактического и оперативного порядка. При этом важно отметить, что указание Ф. Энгельса о влиянии качеств солдатского материала на формы и методы ведения войны и в настоящее время полностью сохранило свое значение.

Предвосхищая возникновение новых методов ведения войны после эмансипации пролетариата, Ф. Энгельс указывал: «Эмансипация пролетариата, в свою очередь, будет иметь свое отражение и создаст свой особый и совершенно новый военный метод»¹.

Обобщая опыт гражданской войны в СССР в соответствии с учением марксизма-ленинизма о ведущей роли человека в войне и об определенной зависимости стратегических, оперативных и тактических форм войны от морально-политических и боевых качеств личного состава армии, М. В. Фрунзе отмечал, что в результате социалистической революции появился ряд особенностей в способах борьбы Красной Армии. Поясняя свою мысль, М. В. Фрунзе писал: «Я имею в виду изменение самого человеческого материала в рядах Красной Армии. Революция чрезвычайно сильно изменила его состав и характер. Мы имеем сейчас в Красной Армии руководство за пролетарским элементом, мы имеем армию действительно рабоче-крестьянскую. Это изменение солдатского и особенно командного материала должно было сказаться и сказалось и в способах боевых действий, применявшихся Красной Армией»².

Таким образом, развитие тактических форм и способов ведения войны не может быть понято всесторонне и до конца без учета их

¹ Ф. Энгельс. Военные произведения, т. I, Воениздат, 1940, стр. 20.

² М. В. Фрунзе. Избранные произведения, Воениздат, 1950, стр. 185—186.

связи с особенностями, в том числе и психологическими, человеческих масс, ведущих войну.

В силу этого полководцы советской военной школы и командиры всех степеней во время Великой Отечественной войны при составлении планов стратегического, оперативного и тактического характера и при оценке создавшейся обстановки учитывали не только данные о технических средствах и возможностях, о местности и о многих других элементах, составляющих условия решения боевых задач. Они учитывали и моральное состояние войск, их боевую подготовку и их опыт ведения боевых действий. И при планировании предварительной подготовки для проведения нового маневра также учитывались психологические данные о возможности обучения войск за определенный срок новым для них способам и приемам ведения боевых действий.

Даже в таком деле, как ведение залпового огня при стрельбе по самолетам противника и приближающемуся противнику, которое решает главным образом задачу повышения эффективности огня пехоты, косвенно учитывается и психологический эффект, заключающийся в сплочении подразделений, в повышении их уверенности в собственных силах и своем оружии, в повышении сопротивляемости действиям противника.

И безостановочное движение пехоты непосредственно за огненным валом и танками при прорыве сильно укрепленной полосы обороны противника, кроме других целей, имеет целью не дать врагу опомниться после артиллерийского огня и авиабомбардировки и дать возможность ворваться в его траншеи до того, как «оживут» его уцелевшие огневые точки. Другой стороной такого способа наступления (без остановок и залеганий) является непрерывное нарастание психического и физического напряжения наступающих бойцов, так что к моменту подхода к траншеям противника оно достигает своего кульминационного пункта. При других способах приближения к переднему краю (с остановками и залеганиями) физические и нравственные силы бойцов часто истощаются еще до подхода к противнику.

Но психология имеет прямое отношение не только к истории форм и способов ведения войны. Еще более непосредственное отношение она имеет к конкретным вопросам руководства боем. Известно, что само решение боевой задачи командиром в условиях боя — это психологически сложное явление. Процесс решения (уяснение задачи, оценка обстановки и т. д.) представляет собой особым образом организованные процессы мышления. Естественно, что, зная психологическую природу этих процессов, можно значительно легче предвидеть возможные ошибки и правильное организовать процесс воспитания умственных качеств, необходимых воинам. Так же обстоит дело с управлением воинами своим поведением в бою и с другими вопросами формирования морально-боевых качеств.

Мы рассмотрели непосредственные связи советской психологии и советской военной науки,

Но между этими науками существуют и опосредствованные, косвенные связи, связи через другие науки, которые, как и психология, непосредственно смыкаются с военной наукой, выполняя ее конкретные заказы.

Так, например, при проектировании стрелкового оружия конструктору приходится считаться не только с техническими данными. В своей работе ему невозможно обойтись без психологических данных о человеке, который будет пользоваться сконструированным им оружием. Именно об этом говорит профессор А. А. Благонравов, указывая, что «чрезмерная величина отдачи, влияя на утомляемость стрелка и на его психику, косвенно влияет и на меткость»¹.

Но автор не только констатирует факт утомляемости и его влияние на меткость стрельбы. Подвергая этот факт психологическому анализу, он говорит: «...Чрезмерно сильная отдача вызывает болезненные ощущения, следствием чего является произвольное нервное напряжение стрелка перед спуском курка, влекущее рефлексивные движения, отражающиеся и на меткости стрельбы; наконец, замечено, что обучение стрелковому делу вследствие тех же причин проходит тем успешнее, чем меньше отдача оружия»².

О необходимости учета психологических данных бойца при конструировании стрелкового оружия свидетельствуют и многие другие факты.

Тот же автор, рассматривая вопрос о преимуществах самозарядной винтовки перед обыкновенной, пишет: «Главнейшее из них то, что стрелку после произведенного выстрела по данной цели в случае необходимости повторения выстрела не приходится выпускать цель из поля зрения. Действительно, при обыкновенной винтовке стрелок после выстрела должен открыть затвор и вновь закрыть его; внимание стрелка от цели невольно отвлекается к винтовке; производимая операция заставляет несколько изменять положение винтовки, и для производства повторного выстрела стрелок должен вновь найти цель, нацелить винтовку и только после этого произвести выстрел; следовательно, для каждого выстрела приходится полностью производить «наводку» винтовки»³.

Таким образом, конструктору даже такого относительно простого вида оружия, как винтовка, невозможно обойтись без психологических данных о человеке, который должен применять оружие в бою и который будет испытывать на себе его воздействие. При этом необходимо специально подчеркнуть, что чем сложнее боевая техника, тем острее стоит вопрос об учете психологических возможностей человека, овладевающего этой техникой.

Совершенно ясно, например, что при конструировании новых типов танков, подводных и надводных кораблей, и особенно сверхдальних, сверхвысотных и сверхскоростных самолетов и ракетного

¹ А. А. Благонравов. Основания проектирования автоматического оружия, Оборонгиз, 1940, стр. 27.

² Там же, стр. 73.

³ Там же,

оружия, конструктору необходимо располагать соответствующими психологическими данными. Это значит, что военно-технические науки не только пользуются тем, чем располагает психология, но и ставят перед ней конкретные задачи, которые должны решаться доступными ей средствами. Особенно остро возникает необходимость связи военной науки с психологией в связи с возможным применением атомного и водородного оружия, которое в огромной степени повышает требования к моральной стойкости и физической выносливости воинов, к их политической сознательности, боевому мастерству и т. д.

Так военная наука в целом, косвенно или прямо, принимает в расчет данные психологического порядка. Но и психология не может вести плодотворное исследование в области воинской деятельности без опоры на военно-технические, тактические и оперативные данные. Без знания требований, которые предъявляет современная техника к воинам, без знания существующих способов и форм ведения войны, без знания основного направления, в котором может она идти, невозможно сколько-нибудь полно определять психологические качества, необходимые каждому воину для ведения войны, и невозможно дать психологическую характеристику процессам обучения и воспитания воинов.

Такова характеристика связей общей психологии, всех ее отраслей, в том числе и военной, с марксистско-ленинской философией, являющейся для психологии общетеоретической основой; психологии с педагогикой, которая опирается на данные психологии в изучении процессов обучения и воспитания; психологии с физиологией высшей нервной деятельности, представляющей для психологии естественнонаучную основу; психологии с военной наукой, ставящей перед психологией задачи психологического анализа процессов военного обучения и воинского воспитания. Психология при решении своих задач опирается на данные не только названных выше наук. Она учитывает также данные биологии, истории и других областей знаний.

В заключение характеристики предмета психологии, ее задач и связей с другими науками необходимо вкратце описать методы, при помощи которых психологическая наука исследует психику человека.

В своих исследованиях советская психология, как известно, использует главным образом такие основные методы, как метод наблюдения и метод эксперимента.

Метод наблюдения характеризуется тем, что исследователь ведет систематическое наблюдение за интересующими его психологическими процессами и состоянием воина во время решения им боевой задачи и в условиях его обучения и воспитания. При этом можно наблюдать, в каких конкретных условиях протекает деятельность того или иного воина, того или иного подразделения, части и т. д. Можно наблюдать также особенности боевой или учебной деятельности и в связи с этим особенности психики воина, занятого этой деятельностью. При наблюдении необходимо,

чтобы наблюдаемые психологические факты или явления, характеризующие воина, регистрировались, обобщались, приводились в систему, чтобы устанавливалась их повторяемость и периодичность. Для психологии, изучающей воинов в процессе их деятельности, метод наблюдения чрезвычайно важен. Без наблюдения поведения воинов в бою невозможно установить обусловленность воинской деятельности и личных качеств, необходимых воину для успешного ведения боя. Без наблюдения условий учебной деятельности воинов невозможно установление психологических закономерностей формирования личности в процессе обучения и воспитания, в процессе специально организованной деятельности. Нужно иметь в виду при этом, что для большей полноты данных наблюдений следует учитывать и то, что дает наблюдаемый в своем словесном отчете о своих переживаниях, усилиях, мыслях, желаниях и т. д. Такие показания о субъективном состоянии, при соответствующем анализе, дают психологу очень ценный дополнительный материал.

Из сказанного следует, что главным методом научного исследования психики воина на данном этапе развития науки является метод наблюдения. Однако это вовсе не значит, что можно недооценивать метод эксперимента.

Метод эксперимента характеризуется тем, что исследователь активно вмешивается в наблюдаемый процесс и путем изменения естественных условий или создания условий искусственных устанавливает те или иные закономерности психологического порядка.

Это вмешательство в наблюдаемый процесс может быть различным: имеется в виду эксперимент естественный и эксперимент лабораторный.

Естественный эксперимент заключается в том, что в процессе исследования того или иного психического явления естественные условия, в которых рождается это явление, остаются или воспроизводятся в основном без изменения. В этом отношении естественный эксперимент занимает место между наблюдением и лабораторным экспериментом. Так, например, чтобы в кратчайший срок научить солдата быстро и метко стрелять из автомата, необходимо исследовать, во-первых, как производится выстрел, во-вторых, приемы обучения стрельбе. Исследовать это при помощи естественного эксперимента можно примерно следующим образом: в различных подразделениях одной и той же части или даже в различных частях проводить обучение стрельбе при помощи различных способов и приемов без особого изменения условий, в которых обычно производится стрельба.

Результаты таких опытов должны показать достоинства и недостатки различных способов и приемов обучения. Путем естественного эксперимента в данном случае можно обнаружить как процессы формирования необходимых воину-стрелку знаний, навыков, умений, выдержки и т. д., так и наиболее благоприятные условия этого формирования. В этом плане можно организовать, например, занятие не столько для того, чтобы научить солдат, сколько для

того, чтобы выяснить их личные возможности, их отношение к процессу и целям обучения или их отношение между собой.

Для решения той или иной психологической задачи можно использовать и лабораторный эксперимент. Так, например, при помощи киносъемки можно зафиксировать то, как производится выстрел плохим, посредственным и отличным стрелком в различных, иногда искусственных условиях. И дело, конечно, не в фиксации, а в том, что путем сравнения различных движений можно конкретно установить дефекты и положительные качества стрелков. В дополнение к этому, очевидно, необходимо было бы провести целую серию опытов, направленных на проверку полезных и ненужных для производства выстрела движений или положений. Экспериментальным путем, например, было установлено, что специальное упражнение указательного пальца правой руки ускоряет процесс стрелковой подготовки и повышает прицельность выстрела из автомата. В эксперименте так же, как и в наблюдении, необходимо использовать словесные показания самого исследуемого.

Эксперимент как метод исследования может быть использован, например, при изучении глазомера, ориентировки по карте, на местности и т. д. Этот метод имеет большие перспективы и неограниченные возможности при условии теснейшей связи лабораторного эксперимента с естественным. Последний, в свою очередь, безусловно, должен быть связан с методом наблюдения.

В заключение краткой характеристики методов психологического исследования в области воинской деятельности необходимо подчеркнуть, что применение их может быть успешным только во взаимной связи, а не в подмене одного метода другим. И это понятно, так как, например, при помощи наблюдения без экспериментального вмешательства невозможно ускорить ход наблюдаемых процессов и искусственную их повторяемость, часто необходимую для установления закономерности и проверки различных предположений исследователя. А ограниченность метода эксперимента заключается хотя бы в том, что он не в состоянии самостоятельно вскрыть законы образования таких личных качеств воина, как дисциплинированность, храбрость, решительность, находчивость, инициативность, добросовестность и т. д.

Таковы основные методы, при помощи которых психология изучает людей, занимающихся воинской деятельностью. Следует также указать и на то, что применение каждого метода связано с овладением сложной и тонкой методикой. Наблюдение может вестись с различными целями и при помощи различных приемов: выжидая или, наоборот, выискивая, незаметно или обнаруживая себя и т. д. Методика экспериментирования также чрезвычайно многообразна и нередко требует большой изобретательности исследователя.

Кроме данных, добытых при помощи указанных методов, разработанных различными отраслями психологической науки, в области исследования воинской деятельности должны использоваться специальные дополнительные материалы.

Одним из источников таких дополнительных данных для рассматриваемой отрасли психологии является анализ различных боевых операций. Анализ количественного соотношения живой силы борющихся сторон, морального состояния и уровня специальной боевой подготовки их личного состава, технической оснащенности, удобства и живучести позиций, хода боевых действий и их конечного результата, анализ всех этих и других моментов, безусловно, поможет установить особенности конкретных условий, в которых протекает боевая деятельность, раскрыть сущность самой боевой деятельности и характер психологических качеств, которыми должен обладать воин. Большую помощь в этом отношении может оказать и изучение боевых приказов и других оперативных документов.

Другими источниками дополнительного материала является анализ уставов и наставлений Вооруженных Сил Союза ССР, программ боевой и политической подготовки войск, приказов, определяющих конкретные задачи воинского обучения и воспитания, различных отчетов, докладов и других документов. В этих документах сосредоточены богатейшие данные о законах жизни и деятельности воинов и, значит, о законах их психологического формирования; содержатся богатейшие данные об опыте ведения боевых действий и подготовки войск. В обобщении этих данных большую помощь должны оказать высказывания выдающихся полководцев, где дается характеристика условий воинской деятельности в бою и в учении, особенностей самой деятельности и качеств, необходимых воину для успешного ведения боя.

К числу источников, дающих дополнительный материал для психологии, относится также и анализ воинских традиций, которые представляют собой объективно выраженную и относительно устойчиво утвердившуюся систему отношений воинов к целям и задачам своей воинской деятельности, к условиям, в которых осуществляется эта деятельность, друг к другу и т. д. Воинские традиции — это опыт прошлого, проявляющийся в реальной деятельности, это стиль деятельности воинов части, соединения, имеющих свою историю. Воинские традиции закрепляются в соответствии с требованиями боя, боевой и политической подготовки, поэтому их изучение дает возможность вскрыть психологические особенности деятельности воинов.

Без учета уставов и наставлений — этой сокровищницы военного опыта — невозможно правильно понять и оценить данные той или иной операции или прогрессивность той или иной традиции, так же как и без учета новых данных военной науки невозможно совершенствование личного состава армии, его воспитание и обучение.

Без научного синтеза данных, полученных путем использования специальных источников, с данными, полученными при помощи основных методов психологической науки — наблюдения и эксперимента, невозможно правильное решение задач психологического изучения воинов.

Необходимо указать и еще на одну группу специальных вспомогательных материалов. Сюда относятся различного рода боевые и политические донесения, наградные материалы, в которых зафиксированы подвиги участников боев, дневники и письма, различного рода воспоминания, показания и т. д. К этому следует добавить соответствующие материалы, обобщенные в произведениях советской художественной литературы.

Такова краткая характеристика методов и источников рассматриваемой отрасли психологии. Что же касается других методов, разработанных психологией, в частности таких, как метод беседы, анкетный метод и т. д., то все они подчинены методу наблюдения и экспериментальному методу.

В дальнейшем, в соответствии с изложенным пониманием предмета психологии, ее задач и методов, необходимо дать более конкретную психологическую характеристику требований, которые предъявляются к человеку в условиях боя при решении им боевых задач, а затем рассмотреть с психологической стороны процессы обучения и воспитания советских воинов и те условия, в которых эти процессы осуществляются.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЛИЯНИЕ БОЕВОЙ ОБСТАНОВКИ НА ПСИХИКУ И ПОВЕДЕНИЕ ВОИНОВ

Чтобы успешно действовать в условиях сложного, маневренного современного боя, воин, как уже указывалось, должен быть хорошо подготовлен, т. е. иметь соответствующие знания, умения и навыки. Он должен вместе с тем обладать и многими личными качествами, которые отвечали бы требованиям, предъявляемым ему в бою. Все это воин приобретает в процессе боевой и политической подготовки. Но чтобы получить желаемые результаты, руководители всех видов боевой и политической подготовки учитывают как объективные условия, в которых осуществляется современный бой, так и особенности боевых задач, решаемых воинами по ходу боя.

1. Особенности условий боя и процесса решения боевых задач

Самое главное в конкретных условиях боя то, что они обеспечивают достижение особых целей, которые в других видах деятельности людей не ставятся и не достигаются. Цели же эти, подчиняясь главной задаче — одержание победы над врагом, непосредственно ведут к разрушению укреплений противника и других его военных объектов, к уничтожению и выводу из строя его техники и поражению живой силы. Именно для этого использовалась в прошлом сложнейшая для своего времени техника и самое совершенное оружие.

Характеризуя мировую войну 1914—1918 годов, В. И. Ленин говорил по этому поводу: «...первый раз в истории самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней»¹. С еще большей силой при помощи боевой техники и оружия осуществлялись разрушения и уничтожение во время второй мировой войны.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 386.

Совершенно очевидно, что в случае применения новых, более мощных средств ведения войны масштаб разрушений и истребления людей неизмеримо возрастет.

Важно подчеркнуть при этом, что в условиях боя процессы и события осуществляются с чрезвычайно большой силой и скоростью. Следовательно, условия современного боя являются максимально динамичными.

Баллистические межконтинентальные и континентальные ракеты различной дальности с атомными и водородными зарядами, самолеты и танки, самоходная артиллерия и многие виды транспорта, надводные и подводные корабли, а также многие другие современные технические средства ведения войны обеспечивают невиданные в истории войн темпы боевых действий и сокрушительную силу ударов по противнику. И если время всегда было очень важным элементом в расчетах полководцев и рядовых воинов, то теперь, при больших скоростях (например, самолеты с реактивными двигателями) и при огромной разрушительной силе (авиабомб и артиллерии), время должно приниматься в расчет как никогда раньше. Выигрыш в секундах и минутах, не говоря уже о часах, может решить успех боя.

Некоторое представление о силе воздействия на противника и о быстроменяющейся обстановке боя создается при чтении правдиво описанных писателем Михаилом Алексеевым событий на одном из участков фронта во время Великой Отечественной войны в романе «Солдаты».

«Ровно в четыре часа утра началось,— пишет автор —...После долгой, мучительной и страшной для фронтовиков тишины где-то прошумела «катюша». В ту же секунду из тысячи стволов ударили наши пушки. За Донцом сразу потемнело. Это советские снаряды всех калибров обрушились на огневые позиции вражеских артиллеристов и минометчиков. Снаряды рвались также на переднем крае неприятеля, где скопились для наступления немецкие войска. Потом заговорила немецкая артиллерия, слившись с ревом наших орудий в один оглушающий, потрясающий землю и воздух гул. Казалось, разверзлось небо и обрушило на землю море огня и металла. И земля задрожала, забилась в буйном припадке»¹. Дальше автор образно описывает действия танков, авиации и других средств ведения боя. Вместе с тем показываются и действия советских воинов, решающих боевые задачи.

Динамичность условий боя проявляется в очень многих формах: в действиях авиации, огне артиллерии, ударах танковых войск, ружейно-пулеметном огне, в наступлении и обороне, во встречных и арьергардных боях и во всех других видах боевых действий. Введение резервов, неожиданные и внезапные маневры, применение нового оружия и вообще все формы и способы борьбы представляют собой проявление динамичности. Если при этом учесть, что характер местности, время года и суток,

¹ Михаил Алексеев. Солдаты, Воениздат, 1951, стр. 141.

климат и даже погода влияют на формы, в которых проявляется динамичность боя, то можно сказать, что многообразие форм, в которых осуществляется динамика боя, также является одной из специфических особенностей боевой обстановки. Это значит, что нет и не может быть одинаковых и тем более стандартных условий в боевой обстановке. Каждый бой для его непосредственного участника представляет собой неповторимую обстановку.

Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства. Довольно образно и правильно говорит о них в своих записках В. Закруткин, характеризуя одну из деталей жизни солдата на Кавказском фронте осенью 1942 года.

«Кусок хлеба, спрятанный в вещевом мешке, превращается в липкий клейстер. Затвор и ствол винтовки ржавеют. От мокрой шинели идет пар. Сапоги покрываются зеленью. Везде тебя настигает проклятый дождь, и всюду слышится смертельно надоевший звук чавкающей, хлюпающей, брызгающей грязи. На дне окопа — вода; в ходах сообщения — вода; в землянках — вода; куда ни прислонишься — мокро; к чему ни прикоснешься — грязь»¹. Это, конечно, правильно, но есть неудобства и в других условиях и в другие времена года. Зимой — это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из очень хрупкого материала. Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устает, переутомляется и т. д. Все это неизбежно влияет на внутреннее состояние воина, которое сказывается на его поведении в условиях боя.

Итак, основными, органически связанными между собой особенностями условий боя являются: а) разрушение, уничтожение, поражение, б) динамичность, в) многообразие форм осуществления всех процессов и г) жизненные неудобства. Совершенно очевидно, что эти особенности создают огромную опасность для жизни всех участников боя и тем влияют на их психику и поведение.

В соответствии с учетом основных особенностей условий боя весь процесс подготовки воинов в мирное время, собственно, и ведется с целью выработки у них таких личных качеств, благодаря которым они в случае надобности смогут действовать в условиях сложного современного боя. Действовать же в бою — значит ре-

¹ Виталий Закруткин. Кавказские записки. 1942—1944, Крымиздат, Симферополь, 1950, стр. 242.

шать боевые задачи; и поскольку эти задачи ставятся перед каждым участником боя и решаются им в особых условиях, постольку они также характеризуются своими особенностями, которые необходимо учитывать при организации и проведении подготовки войск.

Каковы же особенности задач, которые решаются непосредственными участниками боя?

Основная особенность всех боевых задач определяется тем, что каждая из них решается в условиях двусторонне планируемой борьбы.

Это значит, что каждая из борющихся сторон ставит перед собой задачи на разрушение укреплений, на уничтожение техники противника и на его подавление и даже полное уничтожение.

Это обстоятельство ставит перед необходимостью обучить и воспитать каждого воина так, чтобы он имел не только знания о способах, приемах и средствах борьбы с противником, но и четкое представление о возможностях противника, о его планах и намерениях. Надо, чтобы каждый воин научился мобилизовать свои силы на преодоление препятствий, умел выдерживать максимальное напряжение своих моральных и физических сил. Значит, каждый воин в процессе боевой подготовки должен научиться правильно действовать при решении тактических, технических и других задач в условиях двусторонне планируемой борьбы.

Такова характеристика самой общей особенности боевых задач, рассматриваемых в связи с особенностями условий, в которых осуществляется боевая деятельность воина.

Если же боевые задачи рассматривать более конкретно и в связи с психологическими процессами, непосредственно выступающими в ходе их решения, то необходимо дополнительно обратить внимание еще на некоторые более частные особенности.

Первая из них заключается в том, что при возникновении боевой задачи по ходу боевых действий или при ее постановке старшим командиром участники боя, как правило, испытывают недостаточность и часто противоречивость данных, необходимых для ее решения. Это значит, что воинам, непосредственным участникам боя, независимо от звания и занимаемой должности приходится решать задачи, элементы которых не поддаются полному и точному учету. Да и благоприятных условий для такого учета нет. Так, например, если перед командиром группы разведчиков поставлена задача добыть «языка», то это вовсе не значит, что ему заранее известны все необходимые данные о местности, о мерах предосторожности противника, о его поведении в момент действий разведчиков и т. д. Можно даже сказать, что командир группы разведки получает задачу не с конкретными данными, а перед ним ставится общая задача, для достижения которой и в соответствии с которой он сам уточняет ее для своего подразделения, группы. Собственно для этого командир предварительно собирает необходимые данные о противнике путем наблюдения и другими путями. Причем эти данные к моменту начала активных действий, определяющих исход решения задачи, далеко

не всегда бывают точными и исчерпывающими. Это относится не только к командиру разведчиков и его подчиненным. Любой командир подразделения и даже рядовой солдат, идущий в атаку и решающий, таким образом, совершенно конкретную боевую задачу, встречается с рядом новых для него моментов (повреждение боевой техники и оружия, ранение и т. д.), о которых он раньше имел приближенное представление.

Следует при этом отметить, что участники боя испытывают недостаточность полных и точных данных не только о расположении укреплений противника, но и о его силах и паличных средствах, о возможностях получить подкрепление и т. д.

При решении боевых задач испытывается также недостаточность данных о планах и замыслах противника. Это известно каждому, кто принимал непосредственное участие в решении боевых задач.

В романе «Солдаты» Михаил Алексеев со знанием дела описывает случай, когда советский генерал, несмотря на сложность обстановки и тяжелое положение части, ведущей боевые действия на левом фланге соединения, разгадал замысел противника и своевременно послал подкрепление части на правый фланг, положение которого казалось значительно легче¹. Раскрывать замыслы противника приходится, конечно, командирам всех степеней и даже солдатам. Необходимость в этом возникает и в случаях единоборства (снайпер со снайпером, летчик с летчиком и т. д.).

В заключение характеристики рассматриваемой особенности боевых задач необходимо указать на то, что участники боя не всегда знают, какова взаимозависимость конкретной задачи, которую они решают в данный момент, и задач, которые решаются другими подразделениями (частями), и более общих. Например, командир части может не знать в каждый конкретный момент боя, как обстоит дело на участке соседнего соединения и только в случае надобности он получает соответствующие данные.

Итак, рассмотренная особенность боевых задач заключается в том, что участники боя, как правило, испытывают недостаточность и противоречивость самых различных данных, необходимых для ведения успешных боевых действий. Это обстоятельство ставит командиров перед необходимостью организовать боевую подготовку в целом и проводить каждое занятие так, чтобы воины упражнялись в решении задач с недостаточным количеством данных и с противоречиями между ними. Подобные упражнения способствуют формированию у воинов наблюдательности, умения правильно понять и оценить противника, местность и местные предметы, использовать время года и суток, действовать в условиях ограниченной видимости, устранять технические неполадки и т. д.

Решая в условиях мирного времени задачи с недостаточным количеством данных, воин учится добывать необходимые ему данные и сочетать их с уже имеющимися в его распоряжении. Больше

¹ См. Михаил Алексеев. Солдаты, Воениздат, 1951, стр. 150—152.

того, в результате таких упражнений у воина образуется способность к тому, чтобы на основе уже известных ему данных домыслить неизвестное, скрываемое противником, догадаться об этом неизвестном и раскрыть хитрость противника, если он пытается ввести его в заблуждение.

Вторая частная особенность боевых задач заключается в том, что при их решении воины, как правило, встречаются с элементами **внезапности**¹. И это неизбежно, так как, не имея всех необходимых данных, о которых шла речь, непосредственные участники боя не могут абсолютно все учесть и предвидеть. Поэтому по ходу боя воины, решающие боевую задачу, могут неожиданно для себя встретить активно действующую, ранее молчавшую, огневую точку противника, заминированный участок, воздействие авиации и т. д. Попутно следует отметить, что элемент внезапности возникает не только по инициативе противника. Внезапность может исходить и от своего командования, которое в интересах дела может неожиданно для непосредственных участников боя ввести новые элементы воздействия на противника, видоизменить и даже отменить ранее поставленную боевую задачу.

Такова вторая частная особенность боевых задач, непосредственно вытекающая из первой особенности.

Рассматриваемая особенность боевых задач должна учитываться в процессе подготовки воинов в том отношении, что решаемые ими учебные тактические, огневые и другие задачи должны также характеризоваться наличием элемента внезапности. При решении такого рода задач у каждого воина вырабатывается быстрота ориентировки в самых различных условиях, развивается сообразительность, благодаря которой правильно понимается обстановка, совершенствуется находчивость, способствующая определению правильного выхода из, казалось бы, безвыходного положения, укрепляется самообладание, предохраняющее от растерянности, и формируются многие другие личные качества, необходимые воинам для решения боевых задач.

Третья особенность боевых задач заключается в их **изменчивости**. Эта особенность находится в прямой зависимости от двух уже рассмотренных. Совершенно очевидно, что если непосредственные участники боя в ходе боевых действий добыли недостававшие им данные и, встретившись с элементом внезапности, хотя бы частично видоизменили формы и способы борьбы с противником, то это в большей или меньшей степени неизбежно повлечет за собой изменение характера решаемой ими боевой задачи. Так, например, атакующие могут несколько изменить направление своего удара, а прорыв обороны противника может быть осуществлен не абсолютно точно в намечаемом на карте пункте, который оказался сильнее, чем предполагалось до начала практических боевых действий, а в соседнем, где обнаружился успех.

¹ В данном случае рассматривается значение внезапности, которая возникает по ходу боя. Что же касается вопроса о внезапности оперативного и тем более стратегического масштаба, то он должен решаться особо.

Характеризуя боевую задачу со стороны ее изменчивости, следует иметь в виду, что эта особенность проявляется не только под влиянием действий противника. Частично или полностью боевая задача может изменяться и по инициативе командира, непосредственно руководящего боем, и тем более по указанию вышестоящего командования.

Итак, в связи с недостаточностью данных и наличием элемента внезапности боевые задачи характеризуются такой особенностью, как изменчивость. Это обстоятельство накладывает отпечаток на процесс подготовки воинов. Практически это выражается в том, что на самых различных занятиях по боевой подготовке воины приучаются к решению задач, характеризующихся изменчивостью.

В процессе решения частично или полностью изменяющихся задач (в первую очередь тактических) у воинов развивается способность улавливать изменения в обстановке, вырабатывается умение перестраивать планы своих действий, в соответствии с возникшими целями совершенствуются такие качества, как умение предвидеть ход событий, находчивость в использовании оружия и техники и многие другие умственные и волевые качества, так же как и чувства. В целом же занятия, характеризующиеся такой особенностью, как изменчивость, приучают воинов к творческому решению боевых задач и предостерегают их от пассивности, шаблона и дезориентации в бою.

В заключение характеристики конкретных особенностей боевых задач и в этой связи целей обучения и воспитания воинов в условиях мирного времени необходимо отметить, что не всегда боевые задачи характеризуются всеми выше рассмотренными особенностями. Бывает и так, что участники боя располагают всеми необходимыми данными, что внезапность не возникает и все идет точно по заранее разработанному плану без особых изменений и потерь. Однако такие случаи не типичны для возможных чрезвычайно сложных и маневренных действий на поле боя.

Для более полной характеристики боевых задач важно выделить вопрос о том, что многие их особенности присущи и всем другим задачам, которые решает человек в процессе труда или учения. Совершенно ясно, что если бы имелись все данные, если бы не было элемента внезапности, если бы не было изменчивости, то вообще и задачи не было бы.

Почему же так настойчиво подчеркивается необходимость учета этих особенностей, когда речь идет именно о боевых задачах и о подготовке воинов? Потому, что каждая из названных особенностей боевых задач, во-первых, резче выделяется объективно и, во-вторых, имеет чрезвычайно большое субъективное значение для ее исполнителей. Так, например, если в процессе трудовой деятельности возникает какая-либо задача, для решения которой необходимы дополнительные данные, то их можно добыть или организовать для этого соответствующие поиски. В этих условиях нет такого противника и такой опасности, как в бою, противника, который планирует свои действия и намеренно затрудняет

выяснение необходимых данных, который сам стремится выяснить необходимые ему данные для решения своей боевой задачи. Значит, воину приходится не только решать боевую задачу. Ему надо в то же время мешать противнику в получении интересующих его данных, вводить его в заблуждение и всеми боевыми средствами и силами ставить его в опасное положение, не давать возможности выполнить боевую задачу.

То же самое можно сказать и об элементе внезапности и об изменчивости задач. Природа, которую подчиняет человек в процессе труда, не планирует своих контрдействий, она не создает для человека намеренно подготовленных трудностей.

Все это говорит о том, что боевые задачи действительно имеют свою специфику и объективно отличаются от всех других задач, которые приходится решать человеку в процессе труда и в процессе подготовки к трудовой деятельности. Из этого следует, что при подготовке воинов к успешным действиям в бою необходимо учитывать все особенности боевых задач и в соответствии с ними формировать у личного состава такие качества, которые соответствовали бы требованиям современного боя.

Однако дело в конечном счете не в том, чтобы установить наличие особенностей боевых задач, а в том, чтобы понять, как эти особенности непосредственно влияют на ход их решения и тем самым ставят каждого воина перед необходимостью обладать соответствующими личными качествами.

Каким же образом на основе учета особенностей боевых задач возможно выяснение необходимых воину психологических качеств и каковы в этой связи задачи подготовки войск в условиях мирного времени?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проследить ход самого решения боевых задач. Известно, что психологическая характеристика процесса решения этих задач отличается, например, от тактической характеристики того же процесса. Это отличие заключается прежде всего в том, что психология как наука о психике человека, о его отражательной деятельности рассматривает процесс решения боевой задачи не во всем его объеме, а только со стороны его психологического содержания.

Что же касается специальных средств, форм, способов, приемов и других подобных моментов практического решения боевой задачи, то они не являются предметом психологического исследования. В этом отношении психология опирается на данные тактики и других отраслей военной науки.

Для того чтобы правильно представить роль психики человека в ходе решения боевой задачи, необходимо считаться с тем, что по своему происхождению все боевые задачи подразделяются как бы на два вида. К одному из них относятся те, которые ставятся командиром перед исполнителями, а к другому — возникающие перед исполнителями в ходе боевых событий. Начальные этапы решения тех или других боевых задач психологически несколько отличаются друг от друга.

Решение задач, которые ставятся в приказном порядке, психологически начинается с уяснения замысла командира, его идеи, с осознания цели боя. Для этого, как известно, исполнитель должен иметь соответствующие данные о более общей задаче, частью которой является задача, поставленная перед ним. Так, например, командир полка должен знать задачу дивизии и даже в большем масштабе, командир батальона — минимум задачу полка и т. д., вплоть до рядового солдата, который должен знать задачу своего подразделения.

Уяснение боевой задачи является основой выработки плана непосредственно боевых действий, основой выбора конкретного способа нанесения удара по противнику. Это относится ко всем участникам боя. Уяснение боевой задачи является основой для определения каждым участником предстоящих практических боевых действий, своего места и своей роли.

Но для того чтобы правильно уяснить замысел вышестоящего командира, чтобы понять смысл поставленной задачи, участники предстоящего боя должны иметь соответствующую подготовку. Это значит, что в процессе боевой и политической подготовки воины должны получить знания о силе и возможности своего и соседних подразделений, о наиболее эффективных способах и приемах ведения боевых действий в различных условиях местности и времени, о наиболее возможных вариантах нанесения удара, о моральном состоянии противника и о многом другом. Вместе с тем воины должны обладать умениями и навыками осмысленно относиться к полученной боевой задаче и правильно оценивать свое место и роль в предстоящих действиях.

Второй этап решения боевой задачи заключается в оценке обстановки.

Уяснив смысл боевой задачи, ее существо, уяснив, следовательно, цель боя, офицеры, сержанты и рядовые солдаты сопоставляют ее с конкретной обстановкой. В данном случае учитывается поведение противника, с которым непосредственно придется вступить в борьбу, и различные данные о нем. Учитываются и действия соседей. Кроме того, учитываются имеющиеся в своем распоряжении силы и средства, рельеф местности, климатические условия и другие моменты. Только на основе учета многих данных, представляющих собой обстановку в целом, можно более конкретно поставить перед собой задачу и определить конкретный способ своих действий. В этом сила планирования боевых действий, направленных на достижение поставленной цели.

Для правильной оценки обстановки каждый воин должен обладать соответствующими знаниями, умениями, навыками, которые формируются еще до начала военных действий, т. е. в процессе боевой и политической подготовки. Это значит, что на занятиях по тактике, по изучению техники и оружия, по огневой и другим видам боевой подготовки необходимо приучать воинов соотносить общий смысл решаемой задачи с конкретными объективно существующими условиями. Необходимо учить воинов правильно осмыс-

ливать эти условия, вырабатывать у них умение анализировать различные положения, создаваемые на тактических учениях, развивать выдержку, предохраняющую от поспешных выводов, связанных с оценкой обстановки, и формировать многие другие личные качества, необходимые им для успешных действий в условиях боя.

Третий этап решения боевой задачи состоит в принятии конкретного решения на бой. Это решение вытекает из уяснения замысла командира и всесторонней оценки обстановки.

Принять решение в данном случае — значит определить место нанесения главного удара по противнику, определить силы, которые будут наносить удар, темп действий, время начала боя и т. д. Такое важное качество, как умение быстро принять правильное решение на бой, вырабатывается в процессе боевой и политической подготовки. При этом следует иметь в виду, что, прежде чем принять решение, каждый воин (солдат, сержант и офицер) осуществляет сложную умственную работу на основе соотношения данных, благодаря которым уяснялась боевая задача и давалась оценка обстановки. Поэтому для правильного использования данных необходимо обладать соответствующим опытом, т. е. соответствующими знаниями, умениями, навыками и, значит, представлениями в их взаимодействии (сопоставление боевых порядков своих и противника, учет своих технических средств и средств, которыми располагает противник, выбор направления для движения танков и пехоты и т. д.).

Последний, четвертый, этап сводится к практическому исполнению принятого решения, т. е. к фактическому нанесению или отражению удара. Для командиров всех степеней — это главным образом управление подчиненными людьми, а для рядовых солдат — управление своим поведением в соответствии с характером боевой задачи. Причем главным звеном в исполнении принятого решения является организация взаимодействия внутри подразделений и между подразделениями всех родов войск, принимающих участие в бою.

Анализ четвертого этапа решения боевой задачи показывает, что в процессе боевой и политической подготовки наряду с формированием моральных качеств и с вооружением воинов теоретическими знаниями необходимо вырабатывать у них умения и навыки практической деятельности. Сочетание теории военного дела с практическими действиями в процессе обучения и воспитания обеспечивает действенность теоретических знаний воинов и делает их поведение в условиях боя более организованным и целенаправленным. Именно в этом и состоит одна из важнейших задач подготовки войск. Что же касается объема и содержания знаний воина, характера его навыков, умений и других личных качеств, то они определены соответствующими уставами, наставлениями и приказами в зависимости от рода войск и выполняемых воинами обязанностей.

Так в общих чертах осуществляется процесс решения боевых задач и такова в этой связи психологическая характеристика целей боевой и политической подготовки.

Несколько иначе выступают этапы решения боевых задач, которые возникают как бы стихийно, по ходу событий. Так, например, в процессе наступательного боя командир части обнаружил, что противник, не выдерживая натиска в центре участка своей обороны, сосредоточил на флангах крупные силы и готов нанести ответные фланговые удары по наступающим, несколько продвинувшимся в глубину обороны. Это обстоятельство, естественно, ставит перед командиром, который руководит наступательными действиями, дополнительную боевую задачу. Но для того чтобы уяснить сущность возникшей задачи и сформулировать ее, необходимо дополнительное время для обдумывания нового решения. Хорошо, если у командира, ведущего наступательные действия, есть возможность (время, средства, связь и т. д.) доложить старшему начальнику о намерении противника контратаковать его на флангах и в зависимости от полученных указаний продолжать бой. Если же такой возможности нет, если нужно принимать экстренные контрмеры для упреждения действий противника, то крайне необходимо выяснение характера возникшей задачи. Пока задача не ясна, у командира наступающей части могут быть различные варианты возможных действий. Первый из них — это продолжение наступательных действий, продвижение в глубину обороны противника с расчетом на поддержку соседей и соответствующих резервов; второй — перестроение своих боевых порядков для отражения фланговых ударов противника с последующим продвижением в глубину его обороны; третий — выделение части сил для борьбы с противником на флангах и одновременно с этим нанесение основного удара в соответствии с замыслом старшего командира, первоначально поставившего боевую задачу. Могут быть, конечно, и другие варианты. Но ни один из них, как уже отмечено, не может быть осуществлен, пока не выяснена сущность возникшей задачи.

Как же она может быть выяснена?

Только при помощи оценки сложившейся обстановки. Оценив обстановку, учтя все «за» и «против» (свои силы и средства, состояние противника, его возможности и др.), командир наступающей части принимает решение, возникшее в ходе боя.

Таким образом, процесс решения боевых задач, возникших в ходе боя, начинается с оценки обстановки, далее идет принятие конкретного решения и, наконец, исполнение принятого решения.

Из того, что первый и второй этапы решения боевых задач, поставленных командиром и возникших дополнительно по ходу боя, как бы меняются местами, вовсе не следует, что эти задачи принципиально отличаются друг от друга. Напротив, это говорит о постоянном взаимоотношении между ними и о том, что при их решении выступают общие психические процессы и свойства людей, участвующих в бою. Имеющееся же различие рассматриваемых задач заключается, например, в том, что при постановке задачи командиром у исполнителя может быть больше времени для ее уяснения (хотя не исключается и обратное), в том, что получающий задачу должен проявлять свою инициативу в соответствии

с замыслом старшего командира (хотя не без учета замысла противника), в то время как при решении задачи, возникшей по ходу событий, инициатива должна проявиться в соответствии с замыслом противника (хотя не без учета замысла командира, поставившего основную задачу). И эти моменты в решении боевых задач необходимо иметь в виду при подготовке войск в условиях мирного времени или до ввода их в бой во время войны.

В заключение следует сказать, что поскольку условия боя и особенности боевых задач отличаются от всех других условий деятельности человека и от решаемых им в тех условиях задач, постольку и процесс решения боевых задач отличается от процесса решения всех небоевых задач. Причем это отличие заключается не в последовательности этапов решения задачи, а в содержании хода ее решения, т. е. в участии соответствующих психических процессов и свойств действующего человека.

Таким образом, особенности решения боевых задач определяются объективными особенностями целей воинской деятельности, особенностями самих боевых задач. Учет всего этого при определении личных качеств, необходимых воинам для успешных действий на поле боя, накладывает отпечаток на процесс подготовки личного состава к решению боевых задач, т. е. на процесс боевой и политической подготовки.

Что же с психологической точки зрения должно учитываться при формировании у воинов личных качеств, соответствующих особенностям условий боя и требованиям, предъявляемым при решении боевых задач в процессе боевой и политической подготовки?

Необходимо учитывать: а) как каждый воин осознает цели и задачи своей деятельности в условиях боя и каковы в связи с этим мотивы его поведения при решении боевых задач, б) особенности умственной деятельности при решении боевых задач, в) характер чувств в условиях боя и г) актуальность управления воинами своим поведением в бою.

Но чтобы правильно учесть особенности важнейших качеств, характеризующих воина как личность, необходимо знать, что они собой представляют. Рассмотрим эти качества.

2. Решающая роль политической сознательности воинов и особенности мотивов их поведения в условиях боя

Сознательность в широком смысле — это сложное качество человека, характеризующее его как личность, осознающую предметы и явления объективной действительности, других людей, свою деятельность и самого себя, т. е. свое место и роль в системе общественных отношений, свои силы, свои способности, свое положительное или отрицательное внутреннее отношение ко всему им осознаваемому.

Говоря о сознательности вообще, следует иметь в виду, что каждый человек в силу своей социальной сущности обладает со-

знательностью. Необходимо подчеркнуть, что по своему содержанию, по тому, как человек осознает и как он относится к осознаваемому, сознательность определяется общественными отношениями, в которых живет человек. Поэтому, например, в капиталистическом обществе в силу классовых отношений и различия жизненных интересов сознательность рабочего по своему содержанию отличается от сознательности капиталиста. Сознательность советского человека также имеет свои особенности по сравнению с сознательностью людей других общественно-экономических формаций.

Для людей советского общества характерным является то, что их сознательность формируется под непосредственным и систематическим влиянием учения марксизма-ленинизма о природе, обществе и сознании и на основе их практической деятельности, направленной на осуществление развернутого строительства коммунизма в СССР. В силу этих условий советские люди осознают единство жизненных интересов всех народов Советского Союза, единство интересов общественных и личных. Показателем уровня сознательности того или иного советского человека является его готовность подчинять свои собственные, индивидуальные интересы интересам общественным. Это очень важная черта, характеризующая личность, так как степень сознательности оказывает прямое влияние на деятельность человека, на его поведение.

Зная эту черту, можно определить и политическую сознательность как наиболее существенное качество личности. И это понятно, так как правильное осознание интересов социалистического государства, политики Коммунистической партии и Советского правительства и основ морально-политического единства советского народа представляет именно политическую сознательность и является силой, побуждающей советского человека полностью и безоговорочно подчинить свои личные интересы интересам общественным.

История показывает, что Коммунистическая партия всегда проявляла заботу о развитии сознательности трудящихся и воинов советского общества, особенно сознательности политической, характеризующей личность со стороны ее отношения к своему обществу.

Роль политической сознательности очень ярко выступает в воинской деятельности. Подчеркивая роль сознательности Красной Армии, В. И. Ленин говорил, что «Красная Армия сильна тем, что сознательно и единодушно идет в бой за крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть»¹.

Партия всегда руководствовалась этим ленинским положением при строительстве Советской Армии и Военно-Морского Флота. «При строительстве вооруженных сил,— говорил К. Е. Ворошилов,— наша партия исходила из того непреложного принципа, что боеспособность армии прямо пропорциональна уровню политического сознания и моральной устойчивости ее рядового и командного состава»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 220.

² К. Е. Ворошилов. Статьи и речи, Партиздат, 1936, стр. 233.

Только руководствуясь этим принципом строительства вооруженных сил, можно было создать армию нового типа — армию страны социализма. Осознавая интересы Советского государства и защищая их, воины Советской Армии также уважают народы других стран и не посягают на их интересы и независимость. Поэтому Советская Армия пользуется уважением трудящихся всех стран.

От чего же конкретно зависит процесс формирования у воинов их политической сознательности? В первую очередь, от глубокого осознания воинами идейного содержания целей и задач их воинской деятельности. Совершенно ясно, что осознание идейного содержания воинской деятельности может осуществляться главным образом через осознание воинами политических целей и задач, которые стоят перед армией в целом и перед каждым воином в частности.

Осознание воинами своих личных целей и задач на фоне целей и задач всей армии, т. е. осознание воинами общественной сущности целей и задач их воинской деятельности, представляет чрезвычайно важный фактор в организации поведения каждого воина. Только осознание человеком целей и задач своей деятельности обеспечивает подлинную осмысленность этой деятельности в целом и смысл каждого поступка в частности. Именно поэтому на протяжении всей Великой Отечественной войны партия неоднократно подчеркивала роль политической сознательности советских воинов и ее влияние на их боеспособность. В силу этого во время Великой Отечественной войны партия вела огромную воспитательную работу со всем советским народом и личным составом Вооруженных Сил Советского Союза, мобилизуя их на разгром фашистской Германии.

Иллюстрацией роли осознания идейного содержания воинской деятельности в условиях боя может быть случай, описанный Г. Березко в повести «Ночь полководца». Речь идет о молодом, неопытном солдате Николае Уланове, о его мыслях и переживаниях, о его действиях непосредственно перед первым для него боем и в бою.

Заняв на опушке леса исходное положение для атаки, солдаты тихо разговаривали друг с другом.

«— Ох, и достанется нам,— снова услышал он (Николай.— Г. Л.) недобрый голос Кулагина.— В такую мокрель наступать вздумали. (Согласно описанию Г. Березко условия для наступления были действительно неблагоприятными.— Г. Л.)

— Содержательный день предвидится,— произнес глуховатый бас, принадлежавший малознакомому солдату со странной фамилией Двоеглазов.

— Ничего не достанется,— звенящим голосом заговорил Николай... (Он был в чрезвычайно возбужденном состоянии.— Г. Л.)

— Ничего не достанется,— повторил Николай.— Зачем панику разводить...

— Какая тут паника? Застрянем в грязи, вот и все,— проговорил Кулагин.

— Кому интересно застревать, тот, конечно, застрянет,— пере-

бил Николай. — ...А кто понимает, что враги топчут родную землю, что родина в опасности, — тот застревать не станет...

Но Николай спорил не столько с Кулагиным, сколько с вероломной судьбой. Испытания, выпавшие на его долю, были слишком тяжелы, и со страстным отчаянием он защищал то, что облагораживало их»¹.

Конечно, не у всех воинов Советской Армии с такой силой и остротой происходит внутренняя борьба и ощущается такая потребность в опосредствованной идейной опоре, как это описано в повести Г. Березко в связи с характеристикой состояния Николая Уланова в первом бою. Но то, что в бою каждый человек ищет опору в своих взглядах, идеях, убеждениях, в своих жизненных принципах, представляет собой несомненный психологический факт, и чем сложнее обстановка боя, тем больше роль политической сознательности бойца. Только наличие внутренней идейной опоры обеспечивает мужество и самоотверженность воина. Без осознания политических и идейных целей и задач деятельности в бою, без идейной основы воин не видел бы смысла всей своей деятельности и не смог бы самоотверженно пойти на большой риск при выполнении поставленной перед ним задачи.

Именно политическая сознательность как сила, обеспечивающая боеспособность воина, имеется в виду, когда многие прославленные воины говорят о том, что вместе с отличным знанием своего дела, вместе с физической закалкой для преодоления трудностей при решении боевой задачи необходимо обладать, и это главное, соответствующими моральными качествами, и в первую очередь идейностью, политической сознательностью. Если же этого нет, если боец воспитан, как говорят некоторые теоретики и политические деятели США, для осуществления профессиональных, узаконенных убийств, то он не сможет сознательно и творчески выполнять боевые задания. Ведь известны случаи, когда гитлеровские танкисты во время Великой Отечественной войны при повреждении их танка в бою теряли боеспособность и часто сдавались в плен, даже не пытаясь найти выход из сложившейся ситуации.

Совсем не так вели себя советские танкисты. Они в случае необходимости часто устраняли повреждения под огнем противника на поле боя или вели боевые действия имеющимися у них средствами. И артиллеристы, когда выходило из строя их орудие, использовали гранаты, вели огонь из карабинов, автоматов и других видов оружия. Так же храбро, с полным сознанием своего долга перед Родиной, вели себя воины и других родов войск.

Только в армии социалистического государства могут быть такие герои, как Николай Гастелло, Александр Матросов, Юрий Смирнов и тысячи других воинов, отдавших и готовых отдать свою жизнь за счастье и независимость своего народа. Только Советская Армия, состоящая из высокосознательных, знающих свое дело и

¹ Г. Березко. Ночь полководца, Воениздат, 1948, стр. 43—45,

хорошо вооруженных воинов, кровно связанных с пародом, смогла победить немецко-фашистские войска, посягнувшие на свободу и независимость советского парода.

Осознание воинами Советской Армии справедливости политических целей и задач, которые стояли и стоят перед Советским государством, осознание ими того, что Советский Союз не может вести несправедливые войны, понимание своей исторической миссии, которая заключается в защите интересов первого в мире социалистического государства и интересов трудящихся всего мира, осознание воинами идейного содержания воинской деятельности определяет силу их морального духа. Моральный же дух армии, как известно, является одним из важнейших факторов, решающих судьбу войны.

Совершенно прав был комиссар прославленного партизанского отряда С. Руднев, говоря в беседе с П. Вершигорой о том, что «без сознательности, без понимания превосходства наших идей... голый солдатский азарт — только пустая авантюра. Азарт, задор, рвение солдатское, основанные на большевистской сознательности, — это удар по врагу в полную силу. И сердцем и умом»¹.

Но политическая сознательность является основой не только конкретно осуществляющегося поведения советских воинов в условиях боя. Политическая сознательность представляет собой основу также и процесса формирования всех личных качеств, необходимых воину для успешного ведения боя. **Только на основе высокой политической сознательности возможно воспитание у воина выносливости, стойкости, мужества, самоотверженности, презрения к смерти, бдительности и многих других нравственных качеств, необходимых ему в бою.**

Характеризуя роль высокой сознательности в целом, и особенно политической сознательности в боевой деятельности советских воинов, невозможно обойти вопрос о значении мотивов поведения воинов в условиях решения боевых задач.

Мотивы — это силы, побуждающие человека к отдельным движениям, действиям, поступкам и деятельности в целом. Могут быть, конечно, и такие мотивы, которые побуждают человека к тому, чтобы затормозить то или иное движение, действие или поступок, т. е. удержаться от его совершения. К числу мотивов относятся, например, влечения, желания, интересы и другие силы, побуждающие человека к чему-либо.

Мотивы представляют действительную сторону сознательности человека, так как именно через них сознательность, направляя ум, чувства и волю, регулирует поведение человека. Конкретно это заключается в том, что при осознании целей и задач своей деятельности у человека возникает либо желание, либо нежелание достигнуть осознаваемую цель и решить стоящую задачу, либо приятное, либо неприятное чувство и другие мотивы.

¹ П. Вершигора. Люди с чистой совестью, «Советский писатель», 1951, стр. 357.

Такова в общих чертах зависимость Мотивов деятельности человека от его сознательности.

В чем же проявляется эта зависимость в условиях боя?

Во-первых, в том, что под влиянием осознания целей и задач воинской деятельности многие мотивы, которые были у воинов до начала боевых действий, в процессе боя ослабевают или усиливаются.

Во-вторых, в том, что некоторые из этих мотивов отмирают по ходу боя, а некоторые новые рождаются.

Так, например, всем, кто непосредственно участвовал в бою, известно, что желание победить врага и даже желание уничтожить его принимает в бою совершенно реальное, конкретно осязаемое содержание и большую побудительную силу. Но желание победить есть у воина, конечно, и до его вступления в бой. Однако оно в этом случае носит более обобщенный характер и по своему содержанию менее конкретно. Что же касается, например, злости и ярости, то они, представляя собой чрезвычайно большую силу, побуждающую воина к активным действиям, по-настоящему могут возникнуть непосредственно в бою, в то время как ненависть, формами проявлений которой является и злость и ярость, может быть воспитана задолго до начала боя и даже войны. Примерно то же можно сказать о боевом возбуждении атакующего, об интересах разведчика, о чувстве ответственности за судьбу Родины всех советских воинов и т. д.

Следует при этом подчеркнуть, что главным и решающим в определении сущности мотивов поведения воинов в условиях боя является осознание ими идейного содержания их воинской деятельности, осознание в конечном счете политических целей и задач этой деятельности. Поэтому, если советскому воину, например, приходится в воздушном бою или в разведке рисковать своей жизнью, если ему нельзя уйти с поста, если он в конечном счете должен стоять «на смерть» или идти на смерть, то он поступает так во имя своей Родины, в интересах своего народа, а не в зависимости от своих сугубо индивидуальных и непосредственно выступающих интересов, желаний и даже склонностей.

Именно от таких мотивов, побуждающих советских воинов к деятельности, зависит их самоотверженность, дисциплинированность, мужество и многие другие личные качества, представляющие собой залог совершения подвига.

Из этого следует, что основные особенности мотивов поведения советских воинов заключаются главным образом в том, что каждый воин в силу своей прежде всего политической сознательности осознает цели и задачи, которые стоят перед армией в целом, как свои собственные цели и задачи, как цели и задачи, внутренне близкие ему.

Это значит, что подлинное осознание представляет собой не только понимание советскими воинами возвышенного характера целей и задач их деятельности и благородства миссии, которую они призваны выполнить. Осознание каждым воином целей и за-

дач, которые стоят перед Советской Армией, осознание этих целей как их одобрение, осознание, как их принятие вместе с пониманием представляет собой и внутреннее положительное отношение к ним воина. Положительное же отношение воина к целям и задачам своей деятельности определяет его отношение к выполнению своего воинского долга, т. е. к своей деятельности и к самому себе как к воину, как защитнику социалистической Родины. Такое отношение придает особый смысл всей деятельности советских воинов и каждому их поступку. Совершенно ясно, что без внутреннего положительного отношения воина к целям и задачам, без отношения к ним, как к своим собственным, как к таким, которые имеют для него жизненно важное значение, воин не увидел бы смысла своей деятельности и не смог бы действовать в бою по-настоящему храбро и самоотверженно, не смог бы рисковать своей жизнью.

В этой связи необходимо специально отметить, что в процессе достижения общественных целей в бою советский воин не игнорирует и тем более не отказывается от своих, как бы чисто личных, целей и задач. По ходу своей боевой деятельности он их только полностью и безоговорочно подчиняет интересам общественным. Факт признания воином политики партии и правительства и, следовательно, принятия целей и задач, которые ставятся перед Советской Армией в целом, свидетельствует о том, что каждый воин, защищая в бою интересы всего советского общества, тем самым защищает свои личные интересы как члена этого общества и бойца. Больше того, в бою, по ходу боевых действий, у воина непосредственно возникают конкретные, деловые и в определенном смысле как бы сугубо личные цели и задачи и мотивы их достижения и разрешения. Так, например, для того чтобы решить боевую задачу и сохранить свою жизнь, воин действует быстро и энергично во время броска в атаку, использует местность и местные предметы для укрытия и маскировки, оказывает помощь товарищам, экономно расходует боеприпасы и т. п.

Все это возникает под влиянием сознания и мотивов, определяющих содержание, направленность и активность боевой деятельности воина как индивидуума. Но для того чтобы воин правильно соотносил в своей боевой деятельности цели общественные со своими личными целями, он должен пройти школу политической подготовки. Это обстоятельство необходимо иметь в виду потому, что общественная сущность целей и задач воинской деятельности и ее идейных основ и мотивов со всей очевидностью выступает в сравнении, которое волею или неволею может сделать воин с целями, задачами и мотивами трудовой деятельности.

В процессе труда каждый советский человек, как известно, стремится к таким целям и решает такие задачи, которые соответствуют, с одной стороны, уровню развития производства и, с другой — конкретным запросам и потребностям общества. Но, создавая определенные продукты труда для общества, человек получает возможность удовлетворить и свои собственные, личные потребности. Поэтому в сознании трудящихся наряду с общественной зна-

чимостью целей и задач их трудовой деятельности выступает личная не только духовная, но, что очень важно, и материальная заинтересованность. В социалистическом обществе, как известно, принцип материальной заинтересованности имеет большое мобилизующее значение.

Что же касается специфически воинской деятельности, осуществляющейся непосредственно в условиях боя, то достижение целей и задач, которые ставятся перед воином, связано главным образом с моральным удовлетворением, с чувством выполненного долга перед Родиной, с чувством радости и гордости за свой народ, с чувством собственного достоинства и чести. В этом отношении цели и задачи, определяющие содержание воинской деятельности и ее направленность, действительно имеют свои специфические особенности, и для того чтобы человек мог действовать в соответствии с ними, т. е. действовать в условиях боя, он должен обладать рядом необходимых личных качеств. Иллюстрацией этого положения может служить правдиво описанный в романе О. Гончара «Знаменосцы» разговор трех офицеров о необходимости заботиться о людях, об их личных качествах и о мотивах деятельности воина-фронтовика.

«— Может быть, потому, что фронтовики ежедневно встречается со смертью с глазу на глаз,— вслух размышлял Антоныч (командир минометной роты.— Г. Л.),— он лучше других узнает подлинную цену жизни. Вы заметили, что на фронте люди живут дружнее? И мне кажется, что даже процесс формирования нового сознания здесь происходит интенсивнее».

Обращаясь к командиру взвода, Антоныч говорит:

«— Возьми, к примеру, отношение фронтовика к деньгам. Он попросту забывает их цену, ни во что не ставит. Или вспомним такое старое выражение: сделать карьеру. Это выражение я слышал тысячи раз среди нашего офицерства, и всегда оно употреблялось только в ироническом смысле... Разве это случайно?

— Нет.

— Потому что на настоящего воина, по-моему, меньше всего давит та отвратительная сила, которая у нас, на политическом языке, зовется родимыми пятнами капитализма. Или, вернее сказать, он скорее сбрасывает с себя этот груз, освобождается от этих пятен. Ибо воин меньше других захвачен узкими личными интересами. Он постоянно, днем и ночью, живет, так сказать, идейной общественной жизнью»¹.

Высокая идейность советских воинов ставит их перед необходимостью обладать высокой политической сознательностью, свойственной передовым советским людям.

Важно отметить, что личные качества, необходимые воину для успешного ведения боя, со всей четкостью определены в соответствующих документах. Так, в Декрете о создании Красной Армии, подписанном В. И. Лениным, говорится, что в ряды армии поступает каждый, кто готов отдать свои силы и свою жизнь для защиты завоеваний революции.

¹ Олесь Гончар. Знаменосцы, «Советский писатель», 1950, стр. 271,

А вот как определяются качества, необходимые советскому воину, в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Союза ССР. В Уставе говорится, что воин является защитником Родины — Союза Советских Социалистических Республик, что он должен быть честным, правдивым, храбрым, что он должен не щадить своих сил и самой жизни при выполнении воинского долга, обязан стойко переносить все тяготы и лишения военной службы и т. д.

Только перед советским воином ставятся обществом и государством такие высокие и четко обозначенные требования. И это потому, как уже подчеркивалось, что воину приходится действовать в соответствии с особыми боевыми целями и задачами, достижение и разрешение которых необходимо связано с наличием высокой политической сознательности и благородных мотивов.

В дополнение к сказанному о целях и задачах воинской деятельности следует добавить, что все советские воины в своей практической деятельности встречаются с более или менее близкими и далекими целями и частными и общими задачами.

Так, например, такая цель в бою, как овладение указанной командованием высотой, по сравнению с целью сражения, которая заключается, например, в прорыве обороны противника с последующим его окружением, является целью относительно близкой, а цель ворваться в первую траншею противника является более близкой, чем овладение всей высотой. В то же время и цель сражения является более близкой, чем цель всей войны. Более близкие цели выступают в виде ступеней достижения целей более далеких. Поскольку же задача — это цель, выступающая в определенных условиях при наличии потребности ее достижения, постольку и задачи соотносятся между собой по аналогии с целями. Целям далеким соответствуют задачи общие, а близким — задачи частные. Решение частной задачи, связанной с достижением близкой цели, является этапом или ступенькой в решении задачи общей, обеспечивающей достижение далекой цели. Поэтому поставленная, например, цель — овладеть высотой с учетом конкретной обстановки на данном участке фронта и имеющихся средств (люди, техника и т. д.) представляет собой боевую задачу, которая в зависимости от того, перед кем она ставится, может быть задачей ближайшей или задачей последующей.

Осознавая самые общие в конечном счете политические цели и задачи, стоящие перед Вооруженными Силами, принимая эти цели и задачи и относясь к ним как к своим, внутренне близким, советский воин имеет возможность осознать и взаимную зависимость между целями далекими и близкими и между задачами общими и частными. Осознание же подлинного соотношения различных по своему характеру целей и задач воинской деятельности, осознание их специфики и единства является прочной основой мотивов поведения воина в условиях боя.

Страстное желание советских воинов победить, их неудержимое стремление решить боевую задачу, какой бы сложной она ни была,

ненависть к врагу и другие мотивы деятельности возникают на основе их высокой сознательности.

Из этого следует, что в процессе подготовки, формируя политическую сознательность воинов, их необходимо приучать к правильному соотношению далеких целей с близкими и общих задач с частными.

Осознание далеких целей и общих задач определяет собой возникновение общих, или, как их еще называют, широких, социальных мотивов, формирование и значение которых выходит далеко за пределы какой-либо конкретной обстановки, в которой фактически осуществляется деятельность воина. Так, например, чувство долга и ответственности, чувство чести, желание победить врага, заинтересованность в овладении военным мастерством и многие другие силы, побуждающие советского воина к активной деятельности, являются общими мотивами. Мотивы такого рода формируются у советского человека в течение всей его жизни и, следовательно, еще до того, как он становится воином и вступает в бой. Это мотивы, которые определяют собой направленность личности в целом.

Общими эти мотивы являются еще и потому, что они свойственны не только отдельным индивидуумам, а всем советским воинам независимо от их воинских званий и характера конкретно исполняемых обязанностей. Такая общность мотивов обуславливается морально-политическим единством личного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота. Единство мотивов является активным началом целенаправленной деятельности войск и их морального состояния.

Поскольку политические взгляды и убеждения воинов являются внутренней опорой в ориентировке их поведения и представляют собой смысловую основу боевой деятельности, постольку в процессе обучения и воспитания всех воинов необходимо приучать к тому, чтобы они сочетали ближайшие цели и задачи своей деятельности с конечными, более общими целями и задачами политического характера. Это значит, что каждый воин должен научиться видеть конечные политические цели и задачи за каждым, даже небольшим, делом, которое поручено ему.

В третьей части романа «Знаменосцы», описывая встречу солдат нового пополнения со старшиной роты Хомой Хаецким, писатель О. Гончар показывает пример сочетания практических, казалось бы малозначимых для ведения боя, дел с идейным содержанием воинской деятельности.

После проверки знания новичками своего оружия, состояния их обмундирования и т. п. старшина поучает солдат:

«— То, что номер карабинки заучил,— это раз хорошо. То, что погоны на тебе сидят, как влитые,— это два хорошо. А то, что вид имеешь молодецкий,— это три хорошо. Таким будь! — восклицал Хома.— Должны и в дальнейшем внимательно за собой следить... Звезды на пилотках чтоб сияли у вас на две версты вперед! Иначе я не признаю. Ведь ты не какой-нибудь там айн-цвай, ты — вели-

кий человек! На тебя весь мир смотрит, следит, как ты ед, как встал, как двинулся, как пошел!..»¹ Мобилизующую роль общественных мотивов, влияющих на сознание воина, так же выразительно описывает О. Гончар, передавая разговор командира взвода Черныша с рядовым Ягодкой, который перед форсированием реки и боем за плацдарм явно чувствовал себя обреченным на смерть, что отрицательно сказывалось на его боеспособности.

«...— Давайте подумаем так: вот вы скоро выйдете на тот берег. Что он сейчас представляет собой? Чужая опасная земля, начиненный фашистскими войсками клочок австрийской территории. Место, где только предполагается создать плацдарм. Но как только ты, Ягодка, ступишь туда своей ногой, сразу все изменится. Тот загадочный берег перестанет быть просто берегом, он уже станет плацдармом. Произойдет на земле событие, пусть небольшое, пусть не решающее, но оно вызовет немедленно сотни других событий, повлияет на них, внесет изменения в судьбу многих людей. И если сейчас, пока ты сидишь в этих кустах и изливаешь мне свою хандру, о тебе, может быть, и в самом деле мало кто думает,— то тогда о тебе подумают все. Для противника ты станешь большой опасностью. Другим ты будешь крайне нужен, не только нужен, а просто-таки необходим и дорог. Тогда ты увидишь, какая у тебя родня! Весь полк, вся армия с молниеносной быстротой узнает, что у нее на таком-то участке за Моравой появился плацдарм. Откуда, каким образом? Очень просто: ведь там уже стал своей ногой гвардии рядовой Ягодка. Поддержать его немедленно! Помочь ему во что бы то ни стало! Можешь представить себе, сколько людей будет тогда за тебя тревожиться. Все взгляды обратятся к тебе, все мысли будут о тебе, тысячи людей будут работать для тебя. А как же? Для тебя где-то на Урале дивчина целые сутки не выйдет из цеха. Из-за тебя Верховная Ставка даст кому-нибудь добрый нагоняй, чтобы лучше о тебе заботились, чтобы случайно не погиб там, не пропал этот гвардии рядовой Ягодка! В высоких штабах, недосыпая ночей, будут вырабатывать самые лучшие маршруты. Для тебя саперы будут строить мосты. К тебе по всем путям-дорогам потянутся обозы. А кто о тебе, рядовом Ягодке, забудет в это напряженное время, тот, чего доброго, и под трибунал пойдет... Тут не до шуток. Как же ты можешь после этого сказать, что ты безродный, ненужный? Да какой отец, какая мать вложит столько сердца в своего Ягодку, сколько вложит в тебя Отчизна?!»²

Так говорил командир взвода Черныш своему солдату Ягодке, помогая ему найти идейные основы поведения в предстоящих боевых действиях и мобилизуя общественные мотивы его поведения.

Важно в этом примере то, что даже солдат-новичок Ягодка,

¹ Олесь Гончар. Знаменосцы, «Советский писатель», 1950, стр. 317.

² Там же, стр. 336—337.

родившийся и выросший в Измайловской области в годы румынской оккупации, батрачивший всю свою жизнь, «безродный» и неграмотный, осознав с помощью своего командира себя как воина и свою связь с советским народом, из пассивного человека, не имевшего внутренней идейной опоры для организации своего поведения, становится активным бойцом.

Однако это не значит, что каждый воин обязательно, всегда и везде ищет все опосредствующие связи между каждым конкретным моментом его деятельности и осознаваемыми им политическими целями и задачами, стоящими перед всей армией. Необходимо еще раз подчеркнуть, что не выискивание связей, о которых идет речь, является самоцелью. Целью, как об этом сказано, является мобилизация идей воина и общественных мотивов его поведения. Если же воин выполняет каждое порученное ему дело в соответствии с приказанием, которое объективно содержит в себе цели и задачи подразделения, а через него цели и задачи части, соединения и всей армии,— значит, он действует мотивированно, ибо все конкретные дела его будут представлять собой систему его деятельности, его поведение, которое в конце концов направляется его же взглядами и убеждениями, его идеями, его сознанием. И если воин, как и любой человек, даже не полностью осознает отдельные моменты своей деятельности, но все его действия объективно соответствуют стоящим перед ним целям и задачам, то такая деятельность является сознательной, так как она имеет смысл и направленность, опирающуюся на соответствующие мотивы.

Некоторые авторы, описывая поведение воина в бою, не совсем правильно оценивают его сознание. Так, например, П. Вершигора в произведении «Люди с чистой совестью», анализируя свое собственное поведение и состояние в острой обстановке первого для него боя, говорит о том, что «в бою бывают моменты, когда сознание уходит». И здесь же он обобщает: «...И в последующих боях мне приходилось испытывать подобное состояние. Вот и в этот первый мой бой я не помню, что именно было со мной дальше»¹.

Эти слова относятся к тому, что он сразил немца, стрелявшего из автомата в него и в других солдат. Интересно здесь то, что непосредственно перед тем, как сказать об «уходе» сознания, сам П. Вершигора говорит о четком осознании им обстановки, целей и задач своей деятельности как помощника командира взвода в связи с тем, что он узнал о смерти своего командира. «И тут я понял,— говорит он,— что мое место вместе со взводом...» И дальше: «...У меня мелькнула мысль: «На войне нельзя бегать (после того, как увидел гибель убежавших.— Г. Л.). Даже отступать нужно лицом к врагу». Эти факты, как и многие другие, описанные самим автором, свидетельствуют как раз о том, что его со-

¹ П. Вершигора. Люди с чистой совестью, «Советский писатель», 1951, стр. 8.

знание не «уходило», а присутствовало, так как деятельность его была целенаправленной.

Что же касается того, что отдельные моменты боя забываются, то это вовсе не свидетельствует о бессознательности его участника. Часто бывает так, что даже в обычной спокойной обстановке человек может не помнить отдельных частных моментов своей деятельности, может их не осознавать. Из этого следует, что судить о сознании человека и о сознательности его деятельности нужно не по отдельным моментам его поведения, которые могут осуществляться автоматически и которые, конкретно не осознаваясь, могут не запечатлеваться в памяти, а по целенаправленности и мотивам поступков, поведения человека в общей сложности в соответствии с его мировоззрением, с его политическими взглядами и убеждениями.

Такова общая характеристика широких общественных мотивов поведения воинов в связи с их сознанием и политической сознательностью.

Но есть мотивы, которые возникают в процессе самой, конкретно осуществляемой деятельности и которые не выходят за пределы данной реальной обстановки. Такие мотивы носят частный характер и угасают вместе с достижением конкретной цели и решением конкретной задачи, т. е. вместе с завершением какого-то этапа деятельности или даже действия. Мотивы такого рода возникают в связи с сознанием близких целей и частных задач, поэтому они и носят конкретный, ситуационный характер. К таким мотивам воинской деятельности относится, например, стремление во время атаки поскорее вскочить в траншею противника и уничтожить его, желание попасть в цель с первого же выстрела, потребность почистить оружие после стрельбы, стремление выполнить приказание и т. д.

Таким образом, частные мотивы непосредственно связаны с отдельными действиями и поступками воинов. Однако не только в этом заключается их частный характер. Частными их можно назвать и потому, что их содержание непосредственно зависит от характера конкретно выполняемых обязанностей военнослужащими и от их личных качеств (знания, умения и т. п.). Так, например, у командира подразделения в соответствии с поставленной задачей может быть непосредственное стремление прорвать оборону противника, а у рядового солдата также в соответствии с его задачей может быть непосредственное стремление сблизиться с противником, ворваться в его траншею и уничтожить его. Правда, у командира подразделения тоже может быть желание самому пойти в атаку. Однако это не всегда целесообразно и не всегда разрешается. Зато тот же командир может страстно хотеть, чтобы его атакующие поскорее ворвались в траншею противника. В данном случае желание командира выступит в качестве мотива его деятельности, направленной на организацию взаимодействия, на руководство, обеспечивающее успех атаки. Однако одно дело хотеть самому принять участие в успешной атаке и другое — хотеть,

чтобы ее совершили подчиненные. Это относится и ко всем остальным частным мотивам поведения воина. Так, например, у командира второго подразделения может возникнуть настоятельное желание получить подкрепление. В то же самое время у командира части в соответствии с обстановкой может быть желание усилить не второе, а первое подразделение. И в данном случае мотивы непосредственно связаны с характером стоящих целей и решаемых задач.

Различие частных мотивов может наблюдаться даже в одной и той же группе воинов, решающих общую для них задачу. Так, например, если группа разведчиков пошла за «языком», то относительно общим мотивом для всех будет желание выполнить приказ, желание привести пленного. Но уже в силу разнообразия обязанностей у каждого разведчика появляются, так сказать, свои мотивы. У одного — незаметно приблизиться к объекту нападения, у другого — наблюдать и предупредить возможное контрдействие, у третьего — прикрыть огнем своего оружия отход товарищей, у четвертого — отвлекать внимание противника, а может быть, и его огонь от товарищей и т. д. Все это зависит от содержания частных задач, возникающих по ходу деятельности разведчиков, от конкретных условий их разрешения (вплоть до рельефа местности) и даже от характера того или иного разведчика, от его мужества, от чувства долга и ответственности, от исполнительности и выдержки и т. д. В связи с этим может быть так, что внешне сходные и соответствующие общим мотивам поступки воинов могут обуславливаться различными частными мотивами. Так, например, по предложению командиров многие воины добровольно идут на выполнение рискованного боевого задания и выполняют его. Уже сам факт добровольного согласия содержит в себе возможность различной мотивации. Один, может быть, идет в силу своего сознания необходимости лучше выполнить это задание, чтобы приблизить час победы над врагом, т. е. в силу чувства долга перед Родиной, другой — в силу ненависти к врагу, третий — под влиянием желания отличаться и т. д.

Но частные мотивы поведения, несмотря на их многообразие и конкретность, сливаются, как об этом уже говорилось, с такими едиными и общими для всех советских воинов мотивами, как любовь к своей Родине, как преданность своему народу, и с другими общими мотивами, непосредственно связанными с их политической сознательностью, с их идейностью. В конечном счете, все частные и общие мотивы поведения советских воинов подчинены идейному содержанию воинской деятельности, которое осознается воином.

Единство далекой и близкой мотивации является предпосылкой преодоления советскими воинами тех препятствий, с которыми они встречаются в бою. Это единство, являясь залогом успешного решения боевых задач, как раз и создает перспективность всей деятельности воинов.

В связи с огромной ролью мотивов необходимо в процессе боевой и политической подготовки приучать воинов правильно соотно-

сильные мотивы частные, ситуационные с мотивами широкими, социальными, т. е. подчинять первые вторым.

В силу морально-политического единства личного состава Вооруженных Сил Союза ССР и единства общих и частных мотивов поведения советских воинов приказ, в котором всегда содержится постановка цели и указание задачи деятельности, в принципе соответствует идеям воина, его интересам и стремлениям. Поэтому приказ, будучи осознанным и внутренне принятым воином, становится самоприказом и выступает в качестве силы, побуждающей советского воина к деятельности и организующей его поведение в бою и учебе.

Этим, собственно, и объясняется описанное в книге М. Алексеева «Солдаты» поведение в бою рядового — связиста Акима Ерофеенко.

Перебираясь через реку в маленькой лодочке с целью установить связь с небольшой группой разведчиков, вцепившихся в клочок земли, занятой врагом, связист был обстрелян артиллерией противника. Его лодки не стало видно, и разведчики думали, что он погиб. Но связист добрался до разведчиков и на вопрос одного из них, как это он не утонул, ответил:

«— Жить хотелось, вот и не утонул...

Не веря своим ушам, Семен переспросил:

— Жить? Так почему ж ты к тому берегу не плыл, а к нам, когда тебе назад было ближе?.. Жить?.. Тут ты с нами много не проживешь...

— Мне приказано на этот, а не на тот берег плыть...— ответил связист¹.

И разведчик Ковалев, выведенный в романе О. Гончара «Знаменосцы», смотрел на дело освобождения Праги, как на свое «личное дело», и поэтому приказ, отданный полку, казался ему его собственным приказом.

Приведенные примеры отражают действительность и типичны для советских воинов. Приказ является мотивом деятельности советского воина. Только так и может быть, раз воин действительно осознает и в соответствии с этим внутренние положительно относятся к далеким и близким целям и большим и малым задачам, раз он правильно осознает их соподчиненность.

Мотивация такого рода обеспечивает активность, творческий характер и самостоятельность в решении советскими воинами боевых задач; она обуславливает формирование и реализацию таких личных качеств, свойственных советским воинам, как дисциплинированность, храбрость, инициативность, упорство, находчивость, быстрота ориентировки, самоотверженность и т. д.

Все сказанное о высокой сознательности, которая необходима в условиях боя, о решающей роли, в частности, политической сознательности и мотивов поведения, без которых невозможно творче-

¹ Михаил Алексеев. Солдаты, Воениздат, 1951, стр. 57—58.

ское и самоотверженное решение боевых задач, должно быть учтено при организации и проведении обучения и воспитания воинов.

Итак, история войн и опыт ведения боевых действий свидетельствуют о том, что главнейшим качеством воина является его политическая сознательность. Высокая политическая сознательность является прочной морально-политической основой дисциплинированности, смелости, храбрости, отваги, мужества и боевого мастерства, благодаря которым воин совершает героические подвиги при решении боевых задач.

Политическая сознательность вместе с широкими общественными мотивами представляет собой силу, направляющую всю психическую деятельность воина и его внешнее поведение в целом.

Такова общая характеристика политической сознательности воина и мотивов его поведения в условиях боя. Однако сама по себе политическая сознательность и наличие необходимых общих мотивов без специальных военных знаний, без умения наблюдать, оценивать обстановку, понимать противника и т. п. не смогут обеспечить успех действий воина в бою. Поэтому в дальнейшем должна быть рассмотрена умственная деятельность воина в условиях боя.

3. Характеристика умственной деятельности воина в связи с решением боевых задач

Умственная деятельность человека — это познавательная, опосредствованная деятельность, отражение им объективной действительности и закономерностей ее существования.

Умственная деятельность — это активное взаимодействие всех психических процессов при ведущей роли мышления. Поэтому в психологической характеристике умственной деятельности воина особое внимание должно быть уделено именно мышлению. Следует заметить, что данная характеристика представляет попытку рассмотреть мышление не в целом, не всесторонне, а главным образом в связи с особенностями тех условий, в которых оно должно осуществляться, т. е. в связи с требованиями, предъявляемыми воину в бою. Что же касается свойств и особенностей мышления, непосредственно не связанных с воинской деятельностью или имеющих к ней такое же отношение, как и к другим видам деятельности, то они в настоящих очерках описываться не будут.

Давно известно, что в каждом конкретном случае мышление возникает вместе с возникновением у человека какого-либо вопроса, требующего выяснения, вместе с появлением той или иной задачи, которую ему необходимо решить.

Когда же на вопрос получен ответ, когда решение задачи завершено, то данный период мышления заканчивается. Но так как в процессе выяснения вопросов и решения задач, возникших ранее, всегда появляются новые вопросы и задачи, то в течение активной деятельности человека его мышление постоянно возбуждается и мобилизуется, постоянно осуществляется.

Совершенно очевидно, что при постановке и решении боевых

задач мышление человека также выполняет соответствующую функцию.

Что же представляет собой мышление человека?

Мышление — это высшая форма отражения, обобщенное, непосредственно связанное с языком отражение объективной действительности в ее наиболее глубоких и существенных связях и отношениях¹.

В процессе решения всех, в том числе и боевых, задач мышление человека осуществляется в таких мыслительных операциях, как анализ и синтез, сравнение, абстракция и обобщение и конкретизация. В процессе решения задач наблюдаются такие основные формы мышления, как суждения, умозаключения и понятия.

Боевые задачи, как это было показано, несколько отличаются от других задач, которые приходится решать человеку в его жизненной деятельности. В зависимости от этого обстоятельства мышление человека, успешно решающего боевую задачу, характеризуется специфическими качествами. Так, например, в связи с тем, что при постановке боевой задачи испытывается недостаточность соответствующих данных, человек должен домыслить необходимые данные, догадаться, предположить или изобрести пути сбора недостающих данных. Это очень важное качество мышления воина. Без него не решить боевой задачи, так как могут остаться неизвестными замыслы противника, его силы и средства, его возможности, которые он намеренно скрывает, стремясь обмануть своего врага. Но это только одна сторона дела. Другая заключается в том, чтобы скрыть от противника необходимые ему данные, дезориентировать его и ввести в заблуждение.

Таково одно из качеств мышления, необходимое для решения боевой задачи.

В связи с тем, что при выполнении боевой задачи, как правило, имеется элемент внезапности, в связи с огромной динамичностью условий, в которых эта задача ставится и решается, воин должен уметь быстро думать. Быстрота умственной деятельности (мыслительных операций, суждений, умозаключений и т. п.) обеспечивает своевременное осмысливание отдельных событий, возникающих по ходу боя с молниеносной быстротой, и всего процесса боя. Это качество мышления крайне необходимо воину потому, что ему, как никому другому, в предельно короткие сроки приходится познавать действительность в условиях боя, успе-

¹ В связи с недостаточной разработкой психологической проблематики, имеющей отношение к воинской деятельности, мышление, как и все другие психические процессы, может быть рассмотрено пока только в связи с ранее описанными условиями боя, особенностями боевых задач и процессом их решения.

В силу того же обстоятельства опущен и вопрос о физиологических основах психической деятельности воина, решающего боевую задачу в сложных и опасных условиях.

вать за событиями, опережать их и на этой основе планировать свои действия и упреждать противника.

В зависимости от такой особенности боевой задачи, как ее изменчивость, воин должен уметь познавать события, совершающиеся по ходу боя, так, чтобы уловить начинающееся изменение обстановки и, следовательно, изменение задачи. Указанное изменение происходит, как известно, в зависимости от усиления ударов по противнику, от использования противником замаскированных, ранее бездействовавших огневых средств, от ввода им резервов и т. д. Вместе с этим воин должен уметь правильно понять направление, в котором идет изменение боевой задачи, понять тенденцию этого изменения.

Например, противник может приложить все силы к тому, чтобы создать впечатление, будто он по ходу боя вынужден изменить свои планы. Для этого он начинает неожиданно проявлять активность в том месте, где у него недостаточно сил и средств для серьезных боевых действий, с тем чтобы за счет соответствующей перегруппировки сосредоточить силы и нанести удар все-таки в том месте, которое определено его первоначальным планом.

Если сразу не разгадать замыслов противника, принять его активность как начало изменения боевой задачи, если вовремя не изменить своего ошибочного предположения, то это будет свидетельствовать о недостаточной тонкости и гибкости мышления, о том, что человек, решающий боевую задачу, не разгадал подлинных намерений противника и находится в плену своего собственного неправильного суждения о его планах.

В связи с особенностями процесса решения боевых задач воину приходится распознавать то, что часто скрывается за поверхностными связями и отношениями. Например, уяснение боевой задачи, замысла старшего командира неизбежно связано с аналитической и синтетической умственной работой. Без понимания существа дела, без понимания причин и следствий, на основе которых возникла или поставлена задача, невозможно правильное планирование действий, направленных на ее решение. Это практически заключается в сопоставлении задач частных с задачами общими, задач своих с задачами соседей и с задачами, которые ставит перед собой противник в предвидении результатов их успешного решения.

Наряду с этим воин должен уметь обстоятельно учитывать взаимоотношения многих элементов, составляющих условия боя и прямо или косвенно влияющих на характер боевой задачи и на процесс ее решения. Например, оценивая обстановку в соответствии с уяснением боевой задачи, командир обязательно должен учесть все имеющиеся у него данные о противнике, свои возможности, положение соседей, рельеф местности, видимость, время года и суток, погоду, местные предметы и многое другое.

Опыт показывает, что без обстоятельного учета множества самых разнообразных и иногда кажущихся второстепенными элементов, без их всестороннего анализа невозможна правильная оценка обстановки и, следовательно, успешное решение боевой задачи.

Очень важным качеством мышления воина является самостоятельность, без которой совершенно невозможно принятие твердого и устойчивого решения. Самостоятельность мышления непосредственно проявляется в уверенности в своих суждениях и умозаключениях. Даже солдат перед началом атаки принимает самостоятельное решение того, как он по сигналу «атаки» выскочит из укрытия, как преодолеет расстояние, отделяющее его от противника, как при этом использует местные предметы, складки местности и т. д. Когда же он сблизится с противником, то в зависимости от обстоятельств принимает последующее решение (забросать противника гранатами или незаметно и без шума, быстро и неожиданно проскочить простреливаемую местность или использовать лошину и т. д.).

Самостоятельность мышления непосредственно связана с четкостью и определенностью суждений и умозаклучений. Каждому участнику боя хорошо известно, что выводы, к которым приходит воин, должны быть четкими и определенными. Если же солдат, сержант или офицер не может остановиться на каком-то выводе, наиболее подходящем для него, если он часто меняет свое мнение и у него возникают все новые и новые варианты умозаклучений и различные гипотезы, то он не сумеет четко спланировать свои собственные действия в бою.

К числу основных умственных качеств, которые необходимы воину, относится еще и целеустремленность мышления. Роль этого качества особенно ясно выступает при анализе заключительного этапа решения боевой задачи, когда воины практически приводят в исполнение принятое решение.

Опыт боевых действий показывает, что по ходу боя могут возникнуть такие препятствия, такие трудности, которые в большей или меньшей степени уведут мысли участника боя от принятого им решения и даже толкают к отказу от него. В таких случаях мышление направляется не на то, чтобы, сосредоточившись на ранее принятом и обоснованном решении, найти необходимые формы, способы и средства преодоления возникших затруднений, а на то, чтобы подобрать аргументы в пользу принятия нового решения.

Ясно, что в случае потери первоначально поставленной в принятом решении цели, в случае отсутствия целеустремленности мышления достижение победы над врагом намного усложняется. Вместе с этим необходимо специально подчеркнуть, что далеко не всегда и не во всех условиях необходимо слепо придерживаться поставленной цели и подчинять ей процесс мышления, делая его целеустремленным только в этом отношении. Бывает, конечно, и так, что по ходу боя приходится видоизменять основную цель действий и соответственно этому принимать новое решение. Но это делается при помощи всех ранее рассмотренных качеств мышления.

Итак, мы рассмотрели кратко умственную деятельность воина в условиях боя.

В процессе боевой и политической подготовки должны вырабатываться у воинов именно эти особенности, связанные, с одной стороны, с особенностями боевых задач, с другой — с особенностями процесса их решения. В этой связи возникает необходимость хотя бы кратко рассмотреть вопрос о взаимоотношении наглядно-действенного и отвлеченного мышления при решении боевой задачи.

В целом современная научная психология устанавливает три основных, взаимодействующих между собой вида мышления. Это, во-первых, — **наглядно-действенное мышление**, представляющее отражение предметов и межпредметных связей и отношений, непосредственно включенных в практическую деятельность человека; во-вторых, — **образное мышление** как отражение объективной действительности в виде зрительных, слуховых и других образов предметов и их взаимоотношений между собой; в-третьих, — **отвлеченное мышление**, при помощи которого человек, отвлекаясь от второстепенных моментов, может выделить и обобщить наиболее важные и существенные стороны объективной действительности, может познать не только явление, но и сущность, т. е. может вскрывать причинно-следственные связи и отношения.

Почему же в процессе подготовки воинов необходимо иметь в виду специфику взаимоотношений между наглядно-действенным и отвлеченным мышлением?

Потому, что в условиях боя, решая боевую задачу, каждый воин имеет дело как с моментами теоретического характера (замысел старшего командира, предположение о планах противника и т. д.), так и с реальными объективно выступающими в его практической деятельности предметами и явлениями (местные предметы на поле боя, характер видимости, погода и т. д.). Причем и то и другое находится в теснейшем взаимоотношении. Физиологически это объясняется тем, что в процессе решения боевой задачи чрезвычайно активизируется работа как первой, так и второй сигнальных систем, активизируется их взаимодействие. Поэтому так остро выступает связь отвлеченного и наглядно-действенного мышления в воинской деятельности. Из этого следует, что в процессе подготовки воинов надо практически ставить их в такие условия, когда им необходимо считаться с **фактически** выступающими предметами и явлениями окружающей среды и не терять из виду **замысла**, **идеи** решаемой задачи.

Возникает вопрос: всегда ли в сознании воина отчетливо выступают рассмотренные выше этапы решения боевой задачи?

Нет, не всегда. Нередко наблюдаются случаи, когда человек успешно решает какую-либо задачу и при этом не следит за последовательностью этапов ее решения, за своими мыслительными операциями. Поэтому процесс решения, т. е. уяснение задачи, оценка обстановки, принятие решения и мысли, возникающие во время практических действий, в которых реализуется принятое решение, может казаться **неожиданным** даже для того, кто решает задачу, и возникать как бы **внезапно**. По поводу такого решения задач говорят, что оно осуществляется как бы на основе особого

чутья, что оно является интуитивным. При этом имеется в виду решение как сложных, так и простых задач.

В данном случае под интуицией понимается способность человека быстро отражать явления и события окружающей действительности, принимать решения и действовать в соответствии с ними.

Диалектический материализм не отрицает интуиции, рассматривая ее как результат приобретенных знаний, часто повторяющегося опыта, но в процессе познания отводит интуиции подчиненную роль, так как знание, основанное на интуиции, требует в конечном счете проверки и доказательств. Идеалистическая психология рассматривает интуицию как таинственную способность, как познание якобы более глубокое и полное, чем познание, полученное логическим путем и жизненной практикой, с которыми интуиция несовместима. Такое понимание интуиции является антинаучным и ориентирует на то, чтобы человек надеялся на чутье или вдохновение, возникающее по неизвестным причинам или вовсе без них.

Научное понимание интуитивного решения задачи находит объяснение в закономерностях физиологии высшей нервной деятельности. И. П. Павлов показал, что не все участки коры головного мозга одинаково активно работают в одно и то же время.

В лекциях о работе больших полушарий головного мозга И. П. Павлов писал, «что такой важный корковый акт, как синтезирование, может совершаться и в частях полушарий, находящихся в известной степени торможения под влиянием преобладающего в коре в данный момент сильного раздражения. Пусть этот акт тогда не создается, но он произошел и при благоприятных условиях может обнаружиться в сознании готовым и представляться как возникший неизвестно как»¹.

Такова физиологическая сторона мыслительных процессов, которые могут протекать без прямого контроля со стороны сознания и быстро, внезапно приводить к решению различных, в том числе и боевых, задач.

Из всего сказанного следует, что в процессе боевой и политической подготовки каждый воин путем выполнения соответствующих упражнений тренируется в намеренном применении своих навыков, знаний и умений в сочетании их с конкретными условиями своей деятельности.

Такая система подготовки обеспечивает формирование у воинов военной хитрости, находчивости, сообразительности, сметки, представляющих собой очень важные для воинской деятельности умственные качества. Благодаря этим качествам воин, как известно, может быстро сориентироваться в новых условиях и по многим внешним признакам разгадать существо дела, расшифровать способы маскировки и не поддаться обману противника, который часто использует знакомые предметы и их свойства в необычных

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. IV, АН СССР, 1951, стр. 433.

сочетаниях, создавая ложные впечатления, представления, суждения, мнения и даже иллюзии.

Все это необходимо учитывать при организации и проведении обучения и воспитания воннов.

Такова краткая характеристика процессов мышления в связи с особенностями боевых задач и особенностями хода их решения, такова характеристика целей и задач подготовки воинов до ввода их в бой.

В непосредственной связи с мышлением выступает речь человека, представляющая процесс общения между людьми при помощи языка. Язык является средством, при помощи которого люди общаются друг с другом, орудием, при помощи которого человек передает свои мысли другим людям. Наблюдаемые в жизни факты показывают, что если задачи, решаемые людьми в процессе их деятельности, характеризуются специфическими особенностями, то и язык их как средство общения также имеет своеобразные черты. Именно в силу этого обстоятельства и военный язык несет на себе отпечаток особенностей воинской деятельности.

Каковы же особенности языка как средства общения военнослужащих?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует учесть, что особенности этого языка определяются не столько специальной терминологией, сколько своеобразным сочетанием и формой передачи мыслей, т. е. особенностями языка и способами его использования во взаимоотношениях между военнослужащими.

Так, например, язык письменного боевого приказа характеризуется определенной последовательностью изложения отдельных пунктов. Кроме того, язык такого приказа не преследует целей обоснования замыслов того, кто имеет право отдавать приказ. Всем военнослужащим известно, что если бы приказ каждый раз составлялся в неопределенной форме, то это усложняло бы общение в процессе воинской деятельности. Известно также и то, что если бы старший командир попытался разъяснять подчиненным все свои замыслы и доказывать правильность отдельных положений, то такое общение не могло бы называться приказом.

Так же обстоит дело и с любыми приказами или распоряжениями, язык которых характеризуется: а) категоричностью, исключающей обсуждение и уклонение от выполнения, б) краткостью, обеспечивающей четкое определение смысла приказа и экономии времени, в) ясностью, определяющей быстрое и правильное понимание, и г) однозначностью, предупреждающей различные варианты истолкования приказа или распоряжения и обеспечивающей их правильное понимание.

Язык рапорта или доклада характеризуется своими особенностями. К ним относятся: а) сжатость, благодаря которой четко выделяется суть дела, б) обстоятельность, благодаря которой (несмотря на краткость) излагаются все необходимые для выяснения данные, и в) объективность, благодаря которой

обеспечивается соответствие рапорта или доклада действительному положению, т. е. обеспечивается их правдивость.

Таковы в общей сложности особенности языка, зависящие от особенностей воинской деятельности, и их, конечно, необходимо иметь в виду при организации и проведении обучения и воспитания воинов. Это значит, например, что солдат и тем более сержантов и курсантов военных училищ, не говоря уже об офицерах, необходимо приучать к пониманию языка приказов, приказаний, распоряжений, докладов и рапортов и к тому, чтобы они в случае необходимости сами могли активно и умело пользоваться этим языком. Вместе с этим необходимо следить за культурой военного языка и прививать ее воинам. Отсутствие такой культуры выражается чаще всего в чрезмерном выпячивании вышеназванных особенностей или в недооценке их. Совершенно ясно, что излишняя категоричность приказа перерастает в резкость, которая может ущемить самолюбие того, кому это приказание отдается, а отсутствие категоричности уводит от приказной формы общения и толкает на путь обыкновенной беседы, уговаривания или даже просьбы, что не должно иметь места в отношениях при исполнении служебных обязанностей в условиях мирного времени и тем более в бою. К отрицательным результатам приводит преувеличение или недооценка и всех других ранее названных особенностей военного языка.

Необходимость учета особенностей военного языка и умения использовать их в процессе общения подтверждается и данными физиологии высшей нервной деятельности.

Указывая на особую специфику слова, выступающего в качестве исключительно человеческого условного раздражителя, И. П. Павлов говорит о том, что «слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызывать все те действия, реакции организма, которые обуславливают те раздражения»¹.

Таким образом, слово, согласно учению И. П. Павлова, будучи «сигналом сигналов», может вызвать работу нервных клеток и целых участков коры головного мозга, как и многие называемые данным словом предметы и явления, ранее воздействовавшие на человека. Учитывая это обстоятельство, можно сказать, что все ранее рассмотренные особенности военного языка способствуют возбуждению именно тех нервных процессов и связей, которые вырабатываются в процессе воинской деятельности и способствуют ее успешному осуществлению. Так, характер изложения приказа способствует выработке такого к нему отношения, при котором не возникает внутренней потребности его обсуждения и несогласия с ним. А определенная последовательность изложения пунктов

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. IV, АН СССР, 1951, стр. 429.

письменного боевого приказа создает привычку в восприятии приказа в целом и его частей в отдельности. То же можно сказать о категоричности приказа или распоряжения. Категоричность (тон, выражение лица, поза и другие моменты) мобилизует именно те клетки коры головного мозга, которые связаны с деятельностью воина и направляют ее на решение поставленной задачи, а не на колебание или внутреннюю неопределенность. Также и краткость способствует мобилизации только тех клеток, работа которых нужна в определенных, конкретно ограниченных условиях. Все остальные особенности военного языка служат делу возбуждения нужных и торможения ненужных нервных клеток и участков коры головного мозга, прямо влияющих на поведение человека.

Следует еще раз обратить внимание на непосредственную связь языка с мышлением, на речевую природу человеческого мышления. Это необходимо сделать для того, чтобы в процессе обучения и воспитания войск путем решения различных тактических, технических и других задач и путем привития воинам культурной военной речи формировать у них требуемые в условиях боя качества мышления и языка.

Так выступает мышление и речь в умственной деятельности, направленной на решение боевых задач. Но дело не только в этих самих по себе рассмотренных процессах. Известно, что мышление вместе с языком может осуществляться на основе тех познавательных данных, которые добываются при помощи всех других психических процессов. Поэтому в дальнейшем необходимо, хотя бы в виде отдельных примеров, рассмотреть эти процессы и их роль в воинской деятельности¹.

Наиболее элементарным процессом отражения реальной действительности является ощущение.

Ощущение — это простейший акт отражения отдельных свойств и особенностей предметов и явлений, непосредственно воздействующих на органы чувств человека. К числу таких свойств и особенностей относятся цвет, форма, температура, твердость или мягкость, шероховатость или гладкость и т. п.

Какова роль ощущений в воинской деятельности?

Роль ощущений можно показать на самых различных примерах и фактах. Но, так как это в данном случае не является предметом специального рассмотрения, то можно указать только на то, что воину необходимо уметь различать форму предметов, их цвет, температуру, вкус и многие другие свойства. Без правильных и тонких ощущений воин не смог бы правильно ориентироваться в различных условиях и не смог бы успешно действовать.

Из этого следует, что в процессе подготовки войск необходимо каждого воина обучать правильно видеть, слышать, обонять и т. д. Известно, что бывалые воины по звуку выстрелов опреде-

¹ Более детально можно ознакомиться с данными познавательных процессов в учебниках психологии для педагогических институтов и в специальной литературе.

ляли в условиях боя место, откуда произведены выстрелы и из какого оружия, а запах дыма многое мог подсказать опытному разведчику. Хорошо развитые ощущения нужны и наблюдателю, и часовому, и дозорному, и водителю машины, и всем другим воинам.

В связи с указанием на большую роль ощущений в воинской деятельности и на необходимость их развития у воинов в процессе обучения и воспитания следует обратить внимание на так называемые пороги ощущений.

Порогов ощущений, согласно данным психологии, — два. Один — нижний, или абсолютный, другой — порог различения.

Нижний порог измеряется минимальной силой раздражителя, воздействующего на орган ощущения и вызывающего едва заметное ощущение. Поэтому, если один человек ощущает воздействие более слабых раздражителей, чем другой, то порог его ощущений ниже, и благодаря этому его чувствительность по отношению к раздражителю является более высокой. Такой человек раньше других почувствует слабый запах, услышит слабый звук, увидит маленький или далекий предмет и т. д.

Порог различения измеряется минимальным различием в силе раздражителя, воздействующего на орган ощущения и вызывающего едва заметное ощущение этого различия. Благодаря наличию такого порога человек может очень тонко различать силу звуков, их тембр и высоту, величину предметов, их окраску и т. д. Чем меньше порог различения, тем большая чувствительность к различению силы воздействующего раздражения.

Знать о порогах ощущений и учитывать их в процессе подготовки войск необходимо для того, чтобы путем упражнений и тренировок развивать и совершенствовать у каждого воина нужные ему ощущения.

Вместе с порогами ощущений следует иметь в виду и такое явление, как адаптация, т. е. приспособление органа чувств к интенсивности раздражителя. Сильную адаптацию, т. е. большую изменчивость чувствительности, можно наблюдать, например, в тактильных, температурных и обонятельных ощущениях. Это выражается в том, что человек через 30—60 секунд после начала прикосновения почти полностью перестает ощущать наручные часы, которые находятся у него на руке, в том, что войдя в холодную воду (18—20°), он через 30—40 секунд ощущает ее не такой холодной, как с самого начала, в том, что, войдя в помещение и ощущая какой-то (приятный или неприятный) запах, он через 1—1,5 минуты почти его не замечает и как бы привыкает к нему.

Необходимо специально отметить роль адаптации зрительных и осязательных ощущений.

Известно, что, когда человек из затемненного помещения попадает в освещенное, он сначала плохо видит, но через 3—4 минуты наступает адаптация и он видит так хорошо, как вообще способен. Но если человек из освещенного помещения попадает в темноту, то для того, чтобы его глаз видел настолько хорошо, насколько он

вообще способен, необходимо 30—40, а то и 60 минут. Такой длительный срок, необходимый для адаптации, может отрицательно сказаться на деятельности воина, решающего задачу в условиях ночного боя. Это особенно необходимо иметь в виду потому, что засвет глаза может происходить довольно часто (при выходе из освещенного помещения, под влиянием осветительной ракеты, прожектора, вспышки близкого выстрела и т. д.) и, значит, частично, а иногда на короткий срок и полностью лишать воина зрения, что явно снижает его боеспособность.

Опыт показывает, что есть довольно эффективные способы и средства, ускоряющие приспособление глаза к видению в темноте при резком переходе от света. Эти способы связаны с учетом характера взаимодействия органов ощущений. Так, первый способ заключается в использовании раздражителей, вызывающих вкусовые ощущения. Для этого употребляются таблетки кисло-сладкого вкуса. При употреблении их перед выходом из освещенного помещения для зрительной адаптации требуется не 30—40 минут, как обычно, а около 8 минут.

Второй способ ускорения рассматриваемой адаптации сводится к легкой мышечной нагрузке типа гимнастических упражнений. В данном случае потребуется около 5—6—8 минут.

Третий способ предусматривает использование холодово-го раздражителя (холодное обтирание лба и затылка), ускоряющего адаптацию в 6—7 раз (тоже 5—6—8 минут). Однако этот способ дает хороший эффект в теплое время года, а не зимой, при низкой температуре воздуха.

Четвертый способ — это гипервентиляция легких, т.е. усиленное дыхание путем глубоких вдохов и выдохов, которые нужно делать чаще, чем это требуется в данный момент для организма.

Эти основные элементарные способы могут и должны быть использованы в условиях ночных действий, которые, как известно, приобретают все большее значение в современном бою. Значит, в процессе подготовки войск необходимо научить каждого воина пользоваться вышеназванными способами ускорения зрительной адаптации.

В связи с частичным рассмотрением вопроса о роли ощущений в решении боевых задач необходимо специально указать на роль осязательных ощущений, имеющих большое значение в деятельности каждого воина.

Осязание представляет собой совокупность нескольких ощущений. Так, например, когда человек что-то ошупывает, то от прикосновения к предмету у него образуется тактильное ощущение, ощущение тепла или холода, ощущение движения и положения пальцев и кисти руки, может быть ощущение боли и т. д.

При помощи осязания каждый человек решает многие познавательные задачи, возникающие по ходу его практической деятельности. Известно, например, что воинам приходится довольно часто действовать в условиях резко ограниченной видимости (осо-

бенно ночью) и при этом эксплуатировать и сберегать боевую технику, оружие и другое снаряжение. Фактически это выражается в чистке оружия, в его смазке, в устранении различного рода задержек, в использовании различных приборов, в устранении технических неполадок и во многом другом. Особенно велико значение осязательных ощущений в деятельности минера. Ведь делать, например, проход в минном поле противника минер должен скрытно и, как правило, под покровом ночной темноты, используя поэтому главным образом свои осязательные ощущения.

Из сказанного о характере и роли осязательных ощущений в воинской деятельности следует вывод, что в процессе тактической подготовки, проводимой в ночных условиях, необходимо учить каждого воина тренировать органы своих ощущений и совершенствовать их, а при изучении боевой техники и оружия и вообще всей материальной части нужно приучать воинов к решению таких задач и в таких условиях, которые способствуют достижению этой же цели. Вопрос о тренировке органов ощущений обязательно должен предусматриваться при планировании процессов обучения и воспитания воинов.

Следующий психический процесс, непосредственно влияющий на мышление при решении боевой задачи,— это восприятие.

Восприятие—это опосредствованное прошлым опытом отражение объективно существующих предметов и явлений, непосредственно воздействующих на органы ощущений. Значит, речь идет не об отражении отдельных свойств и особенностей, как это происходит в ощущениях, а об отражении свойств и особенностей в их совокупности. Из этого следует, что восприятие представляет собой своеобразный синтез ощущений и выступает как процесс отражения свойств и особенностей предметов и явлений в их связях и отношениях. Благодаря восприятию человек выделяет и различает предметы и явления окружающего его мира и ориентируется в пространственно-временных связях и отношениях.

Совершенно очевидно, что восприятие играет чрезвычайно важную роль в воинской деятельности. Проблема восприятия является очень сложной, поэтому в дальнейшем необходимо кратко рассмотреть только те особенности процесса восприятия, которые имеют самое близкое отношение к воинской деятельности.

К числу особенностей восприятия, которые, по-видимому, играют большую роль в процессе решения боевых задач, относится так называемая апперцепция восприятия, под которой понимается влияние опыта прошлой деятельности человека и характера решаемой им задачи на его же восприятие в каждом конкретном случае. Благодаря апперцепции человек по какому-нибудь одному свойству или по нескольким, которые вызывают ощущения в данный момент, узнает предмет в целом, хотя не все свойства ощущаются им в момент восприятия. Так, например, если опытный артиллерист посмотрит на артиллерийский снаряд крупного калибра, то ощущать он будет его величину, форму и цвет. Вос-

принимать же он будет снаряд как большой предмет определенной формы и цвета, как тяжелый, холодный (или не очень холодный) и т. д. Это происходит потому, что под влиянием зрительно ощущаемых в данный момент особенностей снаряда возбуждается система связей между теми нервными центрами, работа которых в прошлой деятельности вызывалась другими особенностями этого же снаряда (его твердостью при прикосновении, тяжестью при передвижении и т. д.).

Примерно так же обстоит дело и с восприятием определенного типа самолета или танка по какому-нибудь одному признаку. А такое различие, как известно, играет очень важную роль в деятельности артиллериста-зенитчика и артиллериста-истребителя танков. Но и летчик, и танкист, и все другие воины должны уметь узнавать противника и друг друга.

Еще один пример. Всем известно, что человек, как правило, в своей практической деятельности имеет возможность более или менее полно обозреть место действия и окружающие предметы и явления. Если же видимость совершенно неудовлетворительна, то он пользуется соответствующими приборами (например, летчик во время «слепых» полетов). А вот у механика-водителя танка дело обстоит иначе. Он через смотровую щель или перископ порой видит только участок местности, по которой ведет машину. Но так как танк в условиях боя движется не по ровной местности, то он делает крен влево или вправо, вперед или назад. Поэтому из танка, идущего в атаку, можно просматривать отдельные фрагменты местности, да и то часто не совпадающие друг с другом. При восприятии таких резко изменяющихся частей окружающей местности можно потерять ориентиры и не заметить замаскированных противником противотанковых средств, а это приведет к тому, что танк из грозной боевой машины превратится в мишень. Значит, механик-водитель должен уметь управлять не только работой мотора и движением танка, но и уметь правильно видеть поле боя, правильно его воспринимать. Это относится и к летчику-истребителю, и к водителю бронетранспортера, и к артиллеристам самоходной артиллерии, и ко всем другим воинам. Значит, в процессе обучения и воспитания войск необходимо у каждого воина создавать соответствующий опыт, благодаря которому по отдельным наиболее существенным признакам предметов и явлений он сумеет их быстро и правильно воспринимать, т. е. воспринимать осмысленно и относительно устойчиво (константно), даже в изменяющихся условиях. В результате такого обучения и воспитания воин сможет узнать самолет или танк противника, воспринимая его под любым углом зрения, в любом ракурсе.

В связи с характеристикой некоторых особенностей восприятия и их значения для успешных действий в условиях боя следует обратить внимание на восприятие пространства и времени.

Пространство и время существуют не сами по себе, а представляют в своем неразрывном единстве основную форму существования материи. В соответствии с этим пространство и время

воспринимаются вместе с восприятием предметов и явлений, существующих в пространстве и во времени. И так как в воинской деятельности огромную роль играет правильное восприятие пространственных и временных отношений между предметами и явлениями, то в процессе обучения и воспитания необходимо специально приучать воинов к тому, чтобы они, например, по величине воспринимаемых местных предметов (дерево, дом, телеграфный столб, заводская труба и т. д.) могли определять и воспринимать расстояния, а по различным событиям определять время (приближение времени атаки по соответствующим дополнительным указаниям, приближение времени активных действий противника по его поведению, по величине воспринимаемого танка или корабля о времени, которое ему понадобится для сближения, и т. д.).

Наличие богатого опыта, влияющего на процесс восприятия, и правильное восприятие пространства и времени помогают человеку преодолевать такое явление в восприятии, как иллюзию.

Иллюзия — это неправильное, искаженное восприятие предметов и явлений объективной действительности. Например, большой предмет в окружении предметов малых воспринимается значительно большим, чем он есть на самом деле. И, наоборот, малый предмет в окружении больших — меньшим, чем он есть в действительности. Так же обстоит дело и с цветом, и с формой, и с расстоянием, и с другими свойствами воспринимаемых предметов и явлений.

Эту особенность восприятия воины часто используют в условиях боя, стремясь к тому, чтобы исказить восприятие противником боевых порядков и боевой техники. Собственно для этого используются разнообразнейшие средства маскировки. Причем главные из них сводятся к подравниванию маскируемых объектов под фон местности и к искажению их формы и цвета. Так, например, при помощи специальной окраски целое городское здание может быть представлено так, что летчик-бомбардировщик будет воспринимать его как развалины, а танк или автомашина при маскировке с помощью веток дерева может выступать в восприятии как кусты или какие-то неопределенные предметы. Вот почему в процессе тактической подготовки войск необходимо учитывать эти особенности восприятия, знакомить воинов с явлениями иллюзий при восприятии, со средствами маскировки, вызывающей у противника желаемые иллюзии, и со способами расшифровки маскировки противника. Так, например, летчик-разведчик, обнаружив на дороге движение каких-то ему непонятных предметов, т. е. замаскированных объектов движения, должен уметь учесть некоторые дополнительные признаки в виде скорости, характера волн пыли, времени дня, величины тени и т. д.

Характеризуя особенности восприятия, имеющие непосредственное отношение к воинской деятельности, необходимо отметить роль наблюдения.

Наблюдение является произвольным, или преднамеренным, восприятием, т. е. таким восприятием.

которое соответствует желаниям человека и способствует успешному осуществлению его деятельности.

При каких же условиях возникает необходимость наблюдения? Она возникает при наличии у человека задачи сосредоточенно и систематически воспринимать какую-либо часть окружающей его действительности. Такого рода восприятия встречаются во всех видах человеческой деятельности, а в условиях боя связаны с боевыми действиями. В войсках, как известно, есть служба наблюдения за противником в воздухе, на местности и т. д. Совершенно очевидно, что без тщательного наблюдения за передним краем, поведением противника и за многим другим невозможно спланировать свои действия, организовать разведку в расположении войск противника, предусмотреть его ближайшие действия, разгадать его замыслы и т. д. Значит, в процессе обучения и воспитания войск, в частности в процессе тактической подготовки, необходимо каждого воина приучать к тому, чтобы он целенаправленно сосредоточивал свое восприятие и управлял им в соответствии с решаемой задачей. Для этого должна использоваться система упражнений, в которых наблюдателю, во-первых, дается объект наблюдения и некоторые данные о нем и, во-вторых, указываются способы наблюдения. При этом выполнение упражнений по наблюдению должно вестись за активным объектом (за местностью, на которой происходят те или иные события, за населенным пунктом, за действиями «противника» на тактических занятиях и учениях и т. д.). Проявляя заботу об организации условий, способствующих систематической активизации у воинов наблюдения, следует иметь в виду, что этот вид наиболее сложного восприятия в результате упражнений может превратиться в такое личное качество, в такую черту характера, как наблюдательность. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в процессе тактической подготовки действительно необходимо уделять серьезное внимание вопросам обучения воинов наблюдению и формированию у них наблюдательности.

Такова краткая характеристика восприятия как отражения. Но восприятие не является изолированным процессом.

В процессе восприятия в мозгу человека создается образ воспринимаемого предмета или явления, когда же восприятие прекратилось, когда соответствующий предмет или явление не воздействуют на органы ощущения, тогда и образ перестает быть таким, каким он был во время восприятия, тогда образ становится представлением.

Образ восприятия обязательно единичен, так как он полностью зависит от конкретного объекта восприятия. Некоторые же элементы обобщенности образа создаются только за счет влияния на восприятие опыта человека. Представление же всегда является более обобщенным, чем образ восприятия, ибо оно всегда сливается с родственными представлениями. Так, например, при восприятии танка у воина создается образ именно воспринимаемого танка, притом воспринимаемого в конкретной обстановке.

Представляя же этот самый танк, воин имеет дело с представлением, которое является обобщением многих восприятий этого же танка с различных сторон и в различных условиях. Если же воин воспринимал данный танк только один раз, то его представление этого танка будет, во-первых, значительно беднее образа восприятия и, во-вторых, будет содержать в себе много элементов представлений других танков, которые он воспринимал в своей жизни.

Это значит, что представления, будучи более обобщенными, чем образы восприятия, являются вместе с тем и более отвлеченными. Поэтому человек может представить себе даже то, что он не может воспринять. Эту особенность представлений необходимо иметь в виду в связи с деятельностью человека, и в частности в связи с воинской деятельностью. Так, например, для того чтобы уяснить боевую задачу, дать оценку обстановке и т. д., необходимо многое иметь в представлении. Сюда относятся представления о переднем крае противника и о расположении своих войск, о рельефе местности, занимаемой противником, о технике врага, о своих средствах ведения борьбы и о многом другом, не воспринимаемом в данный момент и конкретно не воспринимавшемся никогда ранее.

Такого рода представления могут вызываться практически осуществляющимся восприятием и соответствующими разъяснениями, т. е. при помощи языка как средства общения между людьми. Но для того чтобы возникли нужные в бою представления, участник боя, воин, должен быть к этому специально подготовлен до ввода в бой. Это значит, что в процессе тактической подготовки, организуя восприятие каждого воина, необходимо следить за созданием у него соответствующих представлений. Именно в силу этой необходимости часто говорят воину: «Представьте себе, что действует огневая точка противника» или «что появился танк противника» и т. д. Такого рода «вводные» разъяснения и различные примеры из опыта боевых действий, безусловно, способствуют обогащению и развитию представлений воина, и он, читая, например, топографическую карту, представляет себе реальную местность, решая тактические задачи, представляет различные варианты боевых действий и т. д. Но представления воина носят не только, так сказать, тактический характер. Они тесно связаны и с тем, как воин овладевает боевой техникой и оружием, как умеет выполнять соответствующие команды и т. д. Это конкретно выражается в том, что у воина создаются представления о невоспринимаемой работе замка пулемета, о работе поршня в цилиндре мотора, о сгорании пороха и выталкивании пули или снаряда и многие другие представления, без которых невозможно эффективное использование сложных средств ведения современного боя.

При решении задачи по развитию представления у воинов необходимо учитывать характер связей между отдельными представлениями и использовать их в соответствии с требованиями подготовки войск.

В общей сложности между представлениями различаются сле-

дующие связи: 1) по сходству и контрасту, 2) по смежности.

Так, например, если при помощи слова вызвать представление, скажем, автомата, то вслед за ним может возникнуть представление карабина, винтовки, пистолета или какого-нибудь другого сходного огнестрельного оружия. А представление о большом может вызвать по контрастной связи представление о малом, так же как близкое — о далеком, светлое — о темном и т. д.

Но связь представлений может пойти и по другой линии. Так, представление об автомате может связаться с тем местом, где он хранится, с автоматической стрельбой, с автоматчиком, т. е. вызвать представления по смежности. При этом необходимо учитывать, что смежность может быть пространственная, когда в представлении воспроизводятся образы предметов или явлений, встречавшихся в восприятии рядом, близко друг к другу, и временная, когда в представлении воспроизводятся образы предметов или явлений, встречавшихся в одно и то же время или вслед друг за другом.

Знание характера связей между представлениями дает возможность использовать их в целях организации представлений в процессе обучения и воспитания воинов.

В очень тесной связи с представлениями должна рассматриваться и память, благодаря которой образы восприятий сохраняются у человека в виде самых различных представлений.

Память — это запечатление, сохранение и воспроизведение или узнавание того, что человек воспринял, совершил и пережил. Представления могут быть зрительные (предметы и явления), слуховые (звуки или голоса), обонятельные (запахи) и другие.

Память в общей сложности бывает двух видов:

1) Непреднамеренная (непроизвольная). Она характеризуется тем, что запечатление и воспроизведение, а следовательно, и сохранение осуществляются без намеренных усилий человека и как бы стихийно, как бы само собой, как бы механически.

2) Преднамеренная (произвольная). Она характеризуется наличием намерения человека запомнить с тем, чтобы в будущем вспомнить, воспроизвести то, что запечатлено и сохранено. Активная память, или преднамеренная, организуется человеком при помощи установки на запоминание, путем осмысливания того, что запоминается, и применением определенных средств, облегчающих запоминание (запись, повторение восприятия и т. п.).

Все вышесказанное относится к таким конкретным видам памяти, как двигательная (запоминание движений), эмоциональная (запоминание переживаний), образная (запоминание зрительных и слуховых образов) и словесно-логическая (запоминание отдельных мыслей, оборотов речи).

Совершенно очевидно, что даже из того небольшого, что сказано о памяти, вытекают очень важные выводы, связанные с задачами развития памяти в процессе воинской деятельности с учетом осо-

бенностей боевых задач и тех условий, в которых они решаются. Ясно, например, что у воинов необходимо развивать в первую очередь память активную, преднамеренную, так как в условиях боя их память может быть стихийно перегружена представлениями, имеющими весьма отдаленное отношение к боевым задачам и не всегда способствующими их решению. Это, конечно, не значит, что можно игнорировать память непреднамеренную. И ее надо тренировать, но в порядке подчинения памяти преднамеренной.

Особого внимания заслуживает вопрос о развитии и совершенствовании памяти на местность, т. е. топографической памяти. Такой памятью, естественно, должен обладать как разведчик, так и артиллерист, как летчик, так и танкист и все остальные воины. Без такой памяти воины не смогли бы ориентироваться в степной местности, в горах, в лесу и даже в населенных пунктах. Но память на местность может совершенствоваться только на местности в процессе проведения соответствующих занятий и учений.

В связи с характеристикой психических процессов, благодаря которым человек решает те или иные задачи, необходимо упомянуть о роли воображения в решении боевых задач.

Воображение — это преобразование имеющихся представлений и понятий и создание на этой основе новых представлений и понятий.

Воображение может быть пассивным и активным. Пассивное характеризуется стихийностью и непоследовательностью. Осуществляется оно в виде случайных комбинаций и сочетаний представлений. Воображение самой пассивной степени сливается с сновидениями. Активное же воображение характеризуется тем, что оно как бы подчинено намерениям человека и его желаниям. Такое воображение является продуктивным и способствует решению стоящих перед человеком задач, и, так как это очень важно в воинской деятельности, у воинов необходимо развивать именно активное воображение. Благодаря этому воображению представления воина, сочетаясь друг с другом в соответствии с характером его деятельности, будут способствовать решению боевой задачи, а не отвлекать от нее.

Есть два основных вида воображения:

1) Воссоздающее воображение, которое характеризуется тем, что на основе уже имеющихся представлений и понятий человек при помощи словесного описания (рисунка, чертежа или схемы) создает представление описанных предметов или явлений, которые ранее им не воспринимались.

2) Творческое воображение, которое характеризуется тем, что на основе имеющихся представлений и понятий человек путем их переработки в соответствии с реальной действительностью создает представления и понятия о не воспринимавшихся им и никем ему не описанных предметах или явлениях.

Так, например, у читателя при чтении художественной литературы воображение воспроизводящее, а у писателя, когда он писал

книгу, воображение было творческим. У воина, который по наставлению изучает оружие, воображение воспроизводящее, а у конструктора, который конструировал это оружие, воображение было творческим.

Ясно, что эти два вида воображения не могут существовать одни без другого и находятся в неразрывной связи и взаимодействии.

Что касается практического значения воображения в воинской деятельности, то оно совершенно очевидно. Например, в условиях ведения боя воин нуждается в том, чтобы правильно представить поведение противника в случае более активного на него воздействия, ход событий, которые должны развернуться после начала атаки, свои собственные действия и действия своих товарищей в бою, представить, с чем он может встретиться в расположении войск противника и многое другое, что связано с особенностями боевых задач и с этапами их решения. Но создать представление того, что еще не воспринималось, не совершилось и не переживалось, можно только в процессе воспроизводящего и творческого воображения.

В связи с таким значением воображения в воинской деятельности нельзя в процессе подготовки войск упускать из виду вопрос об особенностях воображения, о его спецификации в плане особенностей решения боевых задач и о его развитии у каждого воина.

К числу психических процессов, включенных в процесс решения боевых задач, относится и внимание.

Внимание — это избирательная направленность отражательной деятельности человека на определенную часть объективной действительности.

Значит, для того чтобы что-то ощутить, воспринять, запомнить и т. д., на это «что-то» необходимо направить внимание, необходимо выделить его из множества окружающих человека предметов и явлений.

Факты показывают, что внимание вызывается в первую очередь такими раздражителями, которые характеризуются новизной и силой. Благодаря этому человек правильно ориентируется в изменяющихся условиях его деятельности.

Внимание бывает двух видов:

1) Непреднамеренное (непроизвольное). Оно возникает как бы стихийно и не управляется человеком.

2) Преднамеренное (произвольное). Оно характеризуется тем, что человек прилагает усилия и использует такие средства и приемы, благодаря которым внимание становится управляемым.

Непреднамеренность или преднамеренность внимания накладывает отпечаток на все свойства внимания, выступающие в виде устойчивости, измеряемой временем, в течение которого внимание сосредоточено на каком-либо объекте; в виде объема, который измеряется количеством одновременно воспринимаемых объектов; в виде распределения, которое измеряется количеством действий,

выполняемых человеком одновременно, и в виде переключения, которое представляет собой перемещение внимания с одного объекта на другой.

Внимание со всеми его свойствами развивается и совершенствуется в процессе деятельности человека. Это значит, что и деятельность воина должна быть организована так, чтобы вместе со всеми другими психическими процессами развивалось его внимание. При этом особые усилия необходимо приложить к развитию преднамеренного внимания, т. е. такого внимания, которое в условиях решения боевой задачи, несмотря на отвлекающие раздражители огромной силы (звуки, свет, вибрация и т. п.), все время оставалось бы управляемым и не перемещалось на объекты, тормозящие деятельность, не уводило от достижения поставленной цели. Вместе с этим в процессе обучения и воспитания следует совершенствовать и все свойства внимания (расширять объем, увеличивать устойчивость и т. п.).

В заключение характеристики основных психических процессов в связи с решением боевых задач следует специально указать, что все кратко рассмотренные процессы представляют собой различные формы отражения единой по своей сущности психики человека. Заслуга И. П. Павлова и состоит в том, что он исследовал основные закономерности отражательной деятельности мозга и научно раскрыл физиологическую природу психической деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что все психические процессы советского воина, т. е. его умственная деятельность в целом, мобилизуются и направляются на решение сложных и опасных боевых задач его же политической сознательностью и широкими общественными мотивами.

4. Чувства воинов в условиях боя

В воинской деятельности, как и в любом другом виде человеческой деятельности, чувства играют чрезвычайно важную роль.

Воин, решая задачи, возникающие по ходу его деятельности, не только мыслит, воспринимает, запоминает и т. д. Он вместе с тем и переживает успех и неуспех, удовлетворенность и неудовлетворенность и т. д.

Чувство — это переживание человеком своего внутреннего отношения к предметам и явлениям объективной действительности, непосредственно или опосредствованно включенным в его деятельность в связи с характером удовлетворения его потребностей.

Чувства могут быть элементарными и очень сложными. К первым относятся органические чувства, чувства, связанные с отдельными ощущениями и вызываемые удовлетворением или неудовлетворением непосредственно материальных потребностей. К сложным чувствам относятся интеллектуальные, эстетические и морально-политические чувства,

Чем же характеризуются чувства человека в бою?

В процессе боевой деятельности войны переживают то, что они делают, переживают свое отношение к условиям боя в целом, к товарищам, с которыми вместе действуют, к решаемой задаче и т. д. Эти переживания отличаются большой силой и разнообразием. «На войне,— отмечает М. И. Калинин,— человек за один или несколько месяцев переживает то, что в мирное время не переживается и за десять лет, а может быть, за одно сражение он переживает то, что не переживает и за полжизни»¹.

Проявление сильных жизнеутверждающих чувств у советских воинов в период Великой Отечественной войны было связано с характером этой войны в целом, так как в ней решались вопросы жизни и смерти Советского государства, жизни и смерти народов СССР, вопрос о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Великая Отечественная война вызвала у советских людей небывалый подъем чувства патриотизма и ненависти к врагам, чувства долга и личной ответственности за судьбу своей Родины, за защиту ее от немецко-фашистских захватчиков.

Проявление и возникновение сильных чувств у воина связано также с преодолением трудностей в бою (неизвестность, внезапность, изменчивость боевых условий, опасность, максимальное напряжение моральных и физических сил и др.).

Чтобы преодолеть трудности боя, воину часто приходится пережить немало неприятных и даже мучительных моментов. Но для воина, умеющего и желающего бороться с трудностями, и самые тяжелые моменты связаны с такими чувствами, как бодрость, уверенность в своих силах, радостное и гордое сознание возвышенности тех целей, за которые он борется.

Решение задачи, неизбежно требующее преодоления ряда трудностей, сопровождается переживанием своеобразного напряжения, которое достигает своей вершины в решающий момент и затем сменяется чувством облегчения, разрешения.

Успешное решение боевой задачи вызывает радость, ликование.

«Вам известна радость любви и, быть может, радость творчества... Но кто не испытал радости победы над врагом, радости боевого подвига — тот не знает, что такое самая сильная, самая глущая радость»².

Таким образом, в бою у воинов возникают и проявляются самые различные чувства: любовь к Родине, ненависть к врагу, чувство чести, радости, чувство тревоги и волнения и т. д.

Эту гамму чувств воина условно можно подразделить на две группы: 1) непосредственные переживания и 2) опосредствованные переживания.

Непосредственные переживания возникают по ходу деятельности и проявляются прямо в ситуации боя. Они возникают и обиа-

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воениздат, 1958, стр. 404

² Александр Бек. Волоколамское шоссе, Воениздат, 1956, стр. 6.

руживают себя тогда, когда соответствующие обстоятельства уже возникли. Примером непосредственных переживаний может служить чувственный тон органических ощущений (сухость во рту, учащенное дыхание, давление в груди и т. д.); чувства, связанные с ходом и исходом деятельности (переживания успеха, неуспеха); чувства по отношению к видимому врагу (отвращение, презрение, гадливость и брезгливость, злость и гнев); чувства, возникающие в ходе совместной боевой деятельности по отношению к товарищам (восхищение смелым поступком товарища, стремление отомстить тут же в случае его гибели, стремление спасти командира, политработника или товарища в случае угрозы ему); чувство морального удовлетворения от того, что выполняется опасное и ответственное боевое задание.

Большая роль непосредственных переживаний в условиях боя совершенно очевидна. Некоторые из них обладают огромной силой. Например, подвиг взаимовыручки (закрыв своим телом командира или политработника от пули врага) непосредственно связан с чувством, возникающим в конкретной ситуации, а чувство восхищения смелым поступком может повести воина на такие же смелые и отважные действия.

Приведенные примеры показывают, что непосредственные чувства могут быть подразделены на два типа. Одни из них являются органическими, связанными с биологическими отправлениями организма (сухость во рту, давление в груди и т. д.), а другие — нравственные, связанные с моральным обликом человека (презрение к врагу, радость успеха и т. д.). Несмотря на это различие, и те и другие чувства являются непосредственными и могут рассматриваться с этой стороны с целью их учета в процессе боевой и политической подготовки с тем, чтобы воина, еще до ввода в бой, ставить в такие условия, в которых у него возникали бы все непосредственные чувства. Тактическая подготовка и другие разделы обучения и воспитания воинов располагают необходимыми средствами для того, чтобы познакомить каждого воина с его собственными чувствами, которые непосредственно связаны с конкретными условиями, и тем самым подготовить его к такого рода переживаниям. Это необходимо делать потому, что возникновение сильных, незнакомых да еще неприятных чувств может усложнить и затруднить умственную деятельность воина, направленную на решение стоящей перед ним задачи.

Опосредствованные переживания по своему содержанию и особенно по происхождению зависят не столько от конкретных условий, сколько от предыдущей жизни и деятельности человека, от его опыта, взглядов и убеждений.

По своему характеру опосредствованные переживания могут быть подразделены на следующие два вида:

а) переживания, опосредствованные через образ; б) переживания, опосредствованные через идею, понятие.

Образами, которые могут вызвать переживания, способствующие мобилизации сил воина на решение боевых задач, могут быть

только образы авторитетных для него и уважаемых им людей, которым он готов следовать, например, образ В. И. Ленина, образы литературных героев (Павел Корчагин из произведения Н. Островского «Как закалялась сталь» и др.). Именно к воздействующей силе образа часто обращались ораторы в своих речах на митингах, проводимых во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов в связи с различными событиями. Такой прием использовал, например, И. В. Сталин в своем выступлении, которое состоялось на Красной площади 7 ноября 1941 г., когда, обращаясь к советским воинам, он сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»¹.

На основе положительных образов возникают чувства, которые предваряют, предвосхищают поведение. Такие образы помогают бороться со страхом, укрепляют выдержку. В этом их большое значение. Образы, вызывающие высшие чувства, парализуют, предотвращают переживания, не способствующие успешной боевой деятельности. Через образ воин как бы видит, как бы усматривает в поведении другого, авторитетного и любимого им человека нужное для себя поведение в данной обстановке.

Трижды Герой Советского Союза И. Кожедуб в статье «Всегда с нами» хорошо показал влияние образа на мысли, чувства и поведение.

«...Во время боев над Берлином,— пишет автор,— я вылетел в паре с гвардии капитаном Титаренко на «охоту» в район города. Из вечерней дымки вылетело большое количество неприятельских истребителей. Соотношение сил было неравным: нас, «охотников», было всего двое, а фашистских самолетов — сорок. В одно мгновение я подумал, что бы сделал на моем месте Чкалов. И решил атаковать. Взять их дерзостью, чкаловской напористостью и умением — вертелось у меня в голове. И в этом бою я сбил две вражеские машины».

Этот пример свидетельствует о большом значении образов, вызывающих сильные положительные переживания. В качестве образов могут выступать героические дела деда, отца, брата и т. д.

В одном из своих произведений² периода военного времени М. Шолохов словами лейтенанта Герасимова (до войны он работал механиком) выражает это следующим образом: «Семья у меня — жена, двое ребят, отец-инвалид. Ну, на проводах, как полагается, жена и поплакала, и напутствие сказала: «Защищай Родину и нас крепко. Если понадобится — жизнь отдай, а чтобы победа была нашей». Помню, засмеялся я тогда и говорю ей: «Кто ты мне есть,

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1951, стр. 40.

² Михаил Шолохов. Наука ненависти, Военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР, стр. 7—8.

жена или семейный агитатор? Я сам большой, а что касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем, не беспокойся!»

Что же касается отца лейтенанта Герасимова, то о нем М. Шолохов пишет так: «Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось: «Смотри, говорит, Виктор, фамилия Герасимовых — это не простая фамилия. Ты — потомственный рабочий; прадед твой еще у Строганова работал; наша фамилия сотни лет железо для Родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным».

Но образом, вызывающим соответствующие переживания, может быть и часть природы (знакомый с детства вид) и т. д.

Другим видом опосредствованных переживаний являются переживания, возникающие в сознании на основе соответствующих идей, понятий.

Например, понимание единства с народом, понимание полезности своей деятельности для Родины порождает у советского воина чувство ответственности перед страной, перед народом. Такие чувства способны определять собой действия, поступки в известном смысле как бы независимо от складывающейся обстановки, определять их как план, как идею. Такие чувства возникают в процессе развития моральных отношений человека к другим людям, к обществу, возникают в процессе главным образом длительной деятельности. Они являются результатом воспитания советских людей в духе советской идеологии и морали. К числу таких высших чувств относится чувство любви к Родине и уважения к другим народам, чувство долга, чувство ответственности, чувство товарищества и другие.

Огромное значение нравственных опосредствованных чувств объясняет к тому, чтобы в процессе обучения и воспитания воинов создавать необходимые образы и развивать высокие нравственные и политические идеи. Но дело не только в создании образов и внедрении в сознание идей. Дело еще и в том, чтобы при решении задач обучения и воспитания в условиях мирного времени умело мобилизовать имеющиеся у воинов образы и идеи и использовать их в качестве средств, вызывающих высокие нравственные переживания, при помощи которых преодолеваются переживания, тормозящие деятельность воинов.

Следует при этом учитывать, что переживания, возникающие на основе различных образов, нельзя формировать в отрыве от переживаний, возникающих на основе идей, понятий. Они друг друга дополняют. Это же относится и к взаимоотношению непосредственных и опосредствованных форм переживаний, которые образуют единство при ведущей, главенствующей роли опосредствованных нравственных переживаний. Единство всех чувств и их взаимопереходы определяются тем, что в бою переживает целостная личность и что каждое переживание свойственно личности в целом.

Из сказанного об опосредствованных переживаниях вытекает, что именно они играют ведущую роль в боевой деятельности советского воина. К числу таких, общественных по своей сущности, нрав-

ственных чувств относится, как уже говорилось, чувство патриотизма.

Осознанное, осмысленное чувство любви к Родине, беззаветной преданности Коммунистической партии и Советскому правительству, являясь мотивом боевой деятельности, сосредоточивает психические и физические силы советского воина и во многом обуславливает успешное решение им боевых задач. Бессмертные подвиги советских воинов имеют своим источником чувство глубокого советского патриотизма.

Вместе с чувством патриотизма выступает и чувство ненависти к врагам нашей Родины. Это чувство предохраняет от беспечности и благодушия, способствует активизации действий в бою и вызывает у воинов такие непосредственные чувства, как злость, гнев, ярость, непримиримость и беспощадность к врагам. Эти чувства увеличивают энергию и силу воинов в непосредственных схватках с врагом на поле боя.

С чувством ненависти тесно связано чувство мести, а это чувство у советского воина неотделимо от чувства справедливости и общественного долга.

Очень важным чувством, влияющим на решение советским воином боевых задач, является чувство долга. Чувство долга выражает преданность воина своей родной Коммунистической партии, делу коммунизма, его действительную любовь к советской Родине. В основе чувства долга лежит сознание воином общности интересов народа и государства и своих обязательств по отношению к ним. Чувство долга ведет советского воина к сознательному совершению подвигов. В годы Великой Отечественной войны советские люди показали, что выполнение долга, даже при условии неизбежности смерти, рассматривалось ими не как жертва обреченных, а как единственно возможное, сознательное действие защитников Родины.

С чувством долга тесно связано чувство личной ответственности за порученное дело перед своим государством, перед народом. Ответственное отношение к обязанностям, к выполнению боевых задач не только понимается советским воином, но и переживается; выполнение долга, успешное исполнение обязанностей вызывают у воина чувство удовлетворенности.

Добросовестное выполнение долга советским воином вызывает у него чувство чести и собственного достоинства. Чувство чести советского воина основывается на единстве личных и общественных интересов. В силу этого чувство личной чести воина неразрывно связано с его же переживанием и заботами о чести всей армии, чести социалистической Родины.

Чувство чести, как и другие чувства, является одним из мотивов деятельности воина на поле боя.

Чувство долга, чувство личной ответственности и чести непосредственно влияют на дисциплинированность советских воинов. В Советских Вооруженных Силах воин ясно осознает цели и задачи своей армии и соблюдение дисциплины считает делом своей чести и достоинства. Чувство долга, чувство ответственности и чести пре-

вращают выполнение боевой задачи советским воином в дело одновременно общественное и личное. Так это дело и переживается.

Чувство советского патриотизма и ненависти к врагам Родины, чувство долга и личной ответственности еще в тылу, до ввода в бой и даже до начала войны, порождают у советского человека эмоциональный подъем, выражающийся в стремлении к смелым и отважным действиям, в желании победить врага.

Большое значение для успешного ведения боя имеет чувство уверенности. Без достаточно сильного чувства уверенности в успехе невозможно добиться хороших результатов в бою.

«А что было бы, если бы мы воспитывали молодежь в духе уныния и неверия в наше дело? А было бы то, что мы не победили бы в Великой Отечественной войне»¹.

Вера в себя у советского воина неотделима от веры в свой коллектив, от веры в командование, от веры в правоту и справедливость войны.

В зависимости от того, как оценивает воин свои силы и внешние трудности, он испытывает или уверенность в себе и в успехе дела, или чувство сомнения.

Чувство уверенности в своих силах повышается в ходе накопления опыта и знаний, при преодолении трудностей, при выполнении сложных боевых задач. Опытные командиры и политработники готовят молодых солдат путем включения их вначале в такие дела, которые обеспечивают успех. В результате боя, выполнения задания боец, впервые пришедший на фронт, приобретает уверенность в собственных силах, боевую закалку.

Чувство уверенности, однако, не должно вести к переоценке своих сил и возможностей и недооценке противника. В случае зазнайства, излишней или неоправданной самоуверенности нельзя добиться полной мобилизации умственных и волевых сил для борьбы с врагом.

Очень важную роль в боевых условиях играет чувство коллективизма.

В основе чувства коллективизма советских солдат, сержантов и офицеров лежит их морально-политическое единство, советский патриотизм, братская дружба народов нашей страны. Советская Армия представляет собой боевой коллектив, крепко спаянный единой идеологией. Поэтому советский воин готов идти на любые жертвы для того, чтобы помочь товарищу в борьбе с врагом.

Боевые действия советских воинов в период Великой Отечественной войны были проникнуты постоянным стремлением к взаимовыручке и взаимопомощи.

Решая боевую задачу, советский воин всегда уверен в том, что боевые друзья не оставят его в тяжелую минуту и выручат из беды. Это чувство взаимного доверия вселяло уверенность в своих силах, поддерживало постоянную бодрость и готовность к решению боевой задачи.

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 17.

На основе этих чувств и в неразрывном единстве с ними у советских воинов возникает в соответствующей обстановке (и даже в первом бою) чувство самоотверженности. Только великая сила патриотизма и ненависти к врагам, чувство долга и ответственности, чести и достоинства, чувство правоты защищаемого дела могут породить внутренний отказ от своих узко личных, индивидуальных побуждений и интересов во имя интересов общественных, народных.

Великая Отечественная война Советского Союза показала, что советским воинам присущи все эти высокие чувства, что они проявляли массовый героизм во имя великих целей победы над врагом, во имя освобождения и процветания своей Родины. Это объясняется тем, что Коммунистическая партия Советского Союза повседневно проводила огромную идеологическую работу по воспитанию советских людей, воинов армии и флота в духе марксизма-ленинизма, в духе идей коммунизма. Партия придавала огромное значение вопросам воспитания у советских воинов высоких морально-боевых качеств, верности своему воинскому долгу, преданности народу и советской Родине.

Воспитательная работа в Советских Вооруженных Силах должна проводиться систематически, вдумчиво всеми командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями. Нельзя пускать на самотек дело формирования и развития чувств советских воинов. Особенно важно при этом учитывать, что сложные, опосредствованные нравственные чувства, способствующие успешным действиям на поле боя, формируются в течение длительного времени и требуют при своем формировании особенно тонкого индивидуального подхода. Все это необходимо иметь в виду командирам и политорганам при планировании организации боевой и политической подготовки, а также различных политико-воспитательных мероприятий в частях и подразделениях.

Опыт современных войн показывает, что массовый героизм могут проявить только воины, обладающие высокими морально-боевыми качествами, воины армии, которая защищает правое дело. Такой армией является Советская Армия и армии стран социалистического лагеря.

Военнослужащие империалистических армий не могут иметь таких высоких морально-боевых качеств, которыми обладают наши воины.

Отдельного рассмотрения заслуживает такое чувство, как страх.

«Стихия войны,— говорил В. И. Ленин,— есть опасность. На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружен опасностями»¹. Наличие опасностей в бою, их осознание воином может вызывать чувство страха. И. П. Павлов отмечал, что «...война как постоянная и серьезная угроза жизни, конечно, есть натуральнейший импульс к страху»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 75.

² И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 209.

То обстоятельство, что в боевой обстановке действуют на человека раздражители большой силы, и то, что они несут в себе смертельную опасность, породило довольно распространенную точку зрения многих наблюдателей и даже некоторых участников боя, будто все дело в бою психологически сводится к предотвращению чувства страха.

По этому поводу советский ученый профессор Б. М. Теплов пишет: «Нередко думают так: состояние смертельной опасности, неотделимое от боевой обстановки, неизбежно вызывает эмоцию страха (т. е. некоторую отрицательную эмоцию); люди храбрые, мужественные умеют, однако, побеждать эту эмоцию и владеть собой: это достигается силою разума, чувства долга и т. д.; большое значение имеет привычка»¹. Критикуя эту несостоятельную точку зрения, Б. М. Теплов высказывает мысль о том, что далеко не у всех участников боя возникает чувство страха и что, следовательно, не все они ставят перед необходимостью преодолевать его. Он считает, что у многих воинов в бою возникает положительное боевое возбуждение, и поэтому боевая обстановка притягивает их, влечет их к себе. Если бы все бойцы нуждались в преодолении чувства страха, то, по мнению Б. М. Теплова, никто и никогда не испытывал бы наслаждения в бою. «Человек, владеющий собой,— говорит он,— и привыкший переживать опасные ситуации, мог бы выработать в себе более или менее выдержанное отношение к ним, но откуда могло бы взяться у него переживание «особенной прелести опасности» и «высочайшее напряжение всех душевных струн»? Страх,— продолжает Б. М. Теплов,— согласно обычному употреблению — эмоция угнетающая. Даже и полная победа над страхом может сама по себе дать в самом лучшем случае только нормальное психическое состояние и отсутствие мучительных переживаний»².

Таким образом, по словам Б. М. Теплова, имеются две категории воинов. Одни переживают в бою страх и вынуждены преодолевать его. Они не имеют высшего боевого возбуждения. Боевая обстановка не влечет их. Другие характеризуются отсутствием страха и наличием боевого возбуждения. Эти воины стремятся к бою. Бой для них, по словам Б. М. Теплова, высшее наслаждение. Тот, кто преодолевает свой страх, не испытывает наслаждения в бою. Он, по мнению Б. М. Теплова, в лучшем случае имеет нормальное состояние психики.

Однако такое объяснение внутреннего состояния воина, ведущего бой, не вполне соответствует действительности. Многочисленные высказывания воинов, принимавших активное участие в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, свидетельствуют о том, что чувство страха в бою далеко не всегда является угнетающим и

¹ Б. М. Теплов. К вопросу о практическом мышлении. (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам.), «Ученые записки», вып. 90, Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1945, стр. 158.

² Там же, стр. 159.

мучительным. Бывает и так, что страх заставляет воина мобилизовать свою волю, напрячь усилия и активизировать боевую деятельность. Это чувство, если оно не достигло большой силы и не деморализовало воина, быстро и правильно ориентирует его и помогает управлять своим поведением. Преодоление же угнетающего чувства страха никогда не завершается только нормальным, спокойным психическим состоянием, как считает Б. М. Теплов. Сам по себе факт преодоления страха вызывает у воина чувство удовлетворенности собой, своими возможностями, вызывает уверенность в себе и радость за себя. Преодоление чувства страха неотделимо от боевого возбуждения, преодоление это всегда перерастает в боевое возбуждение, способствующее активным действиям воина в бою и творческому решению боевой задачи.

Так обстоит дело с преодолением страха и возникновением боевого возбуждения. Это говорит о том, что в боевой обстановке не может быть абсолютно спокойного состояния, не имеющего отношения к чувствам тревоги, страха и боевого возбуждения. Правильно об этом писал Д. А. Фурманов: «...**Спокойных нет, это одна рыцарская болтовня, будто есть совершенно спокойные в бою, под огнем,**— этаких пней в роду человеческом не имеется. Можно привыкнуть **казаться** спокойным, можно держаться с достоинством, можно **сдерживать себя и не поддаваться** быстро воздействию внешних обстоятельств,— это вопрос иной. Но **спокойных в бою** и за минуты перед боем нет, не бывает и не может быть»¹.

Нельзя страх у человека полностью сводить к биологическим основам, нельзя его отождествлять со страхом и, значит, с инстинктом самосохранения у животных, ибо человек имеет прежде всего социальную сущность, которая заключается в совокупности общественных отношений. Человек — активное, деятельное, общественное существо, связанное с другими людьми. Он имеет иной, чем животное, организм, очеловеченный процессом труда в течение длительного исторического развития. Он имеет речь и мыслит при помощи языка, слова которого, являясь сигналами сигналов, выступают в качестве заместителей реальных раздражителей и вызывают соответствующие процессы возбуждения, прогивостоящие торможению, порождающему чувство страха. Только исходя из этого положения, можно правильно понять, почему и чего боится человек и как он преодолевает страх.

У воинов существует различное отношение к опасности, зависящее от их индивидуальных особенностей. Но можно выделить некоторые общие виды переживания страха.

Элементарным видом страха является испуг, возникающий при внезапном появлении опасности. Испуг чаще не связан с предварительным ожиданием и представлением опасности, несчастья, неприятности.

Крайне острым видом страха является аффект, страх, который стремительно и бурно овладевает человеком. Но и в этом случае

¹ Д. А. Фурманов. Соч., т. 1, Гослитиздат, 1951, стр. 102.

нормальный человек никогда не теряет памяти и сознания. Он может и должен владеть собой и потому несет ответственность за свои действия при любых условиях.

В чем заключается отрицательное действие страха в бою? Страх влияет на выполнение сложных действий, отдельных приемов и операций, из которых слагаются эти действия. Но от прочных навыков быстрого и правильного использования боевой техники и оружия, от устойчивого умения применять соответствующие формы борьбы нередко зависит успех в бою даже при наличии чувства страха. Если нет твердых знаний, прочных навыков и устойчивых умений, то человеком овладевает страх, который может вызвать неточность, несоизмеримость и несогласованность движений, требующихся для решения боевой задачи. Такой страх может породить тенденцию выхода из опасной ситуации, из ситуации боя.

Чувство страха может преодолеваться при помощи других чувств.

Среди положительных чувств, которые не дают развиваться страху и способствуют его преодолению, прежде всего надо выделить все ранее названные опосредствованные чувства: патриотизм, чувство воинского долга, войскового товарищества, личной ответственности и другие морально-политические чувства. Большое значение для борьбы со страхом имеют и непосредствованные чувства. Так, ненависть к врагу порождает гнев и возмущение в ожидании боевой встречи с ним и переходит в злость и ярость тогда, когда эта встреча происходит.

Преодолению страха способствует и чувство мести, которое связано у советских воинов с чувством своей правоты и с чувством общественного долга. Чувство уважения к командиру, привязанность к нему и коллективу в целом побуждают воина на выполнение самых сложных и опасных заданий и оказание упорного сопротивления страху.

В рассказе «Любимый товарищ» Вадим Кожевников описал влияние примера офицера и его слова на переживания солдата в бою.

«— Я, как в первый бой, помню, пошел, стеснялся. Чудилось — все пули прямо в меня летят. Норовил в землю, как червяк, вползти, чтобы ничего не видеть. Вдруг слышу, кто-то смеется. Смотрю — политрук. Снимает с себя каску, протягивает: «Если вы, товарищ боец, такой осторожный, носите сразу две: одну на голове, а другой следующее место прикройте. А то вы его уж очень выставили». Посмотрел я на политрука... ну, и тоже засмеялся. Забыл про страх. Но все-таки, на всякий случай, ближе к политруку всегда был, когда в атаку ходили!»¹.

Немаловажную роль в преодолении страха играют чувства воина, направленные на самого себя, — чувство военной гордости; чувство чести и достоинства. В силу этого воин считает унижительным для себя поддаться страху, даже если никто об этом не узнает.

¹ Вадим Кожевников. Дорогами войны, Воспиздат, 1955, стр. 53—54.

Одним из важнейших путей преодоления страха является активная и сознательная боевая деятельность по выполнению боевого задания. Многие участники Великой Отечественной войны говорят об этом. Это очень выразительно раскрыто и в художественной литературе. Например, Г. Березко так описывает действия и состояние артиллеристов-зенитчиков в очень сложной и опасной обстановке: «Ничего, однако, кроме тяжелого, яростного труда, не существовало сейчас для зенитчиков, обслуживавших свои сложные боевые машины. Солдаты оружейных расчетов были похожи на кузнецов, кующих в жарком цехе раскаленный металл, либо на матросов, работающих в шторм на открытой палубе. Каждый боец расчета очень быстро, не отвлекаясь, в точном согласии с другими делал свое дело, и большая пушка легко поворачивалась, выбрасывала пламя, ствол ее откатывался, скрывался в казеннике снаряд, опять вылетал огонь, опять гремел гром, и мокрые от пота, полуоглохшие люди повторяли в установленной последовательности однообразные движения»¹.

Как показывает опыт войны, увлечение своей деятельностью, стремление во что бы то ни стало выполнить задание, активная форма действий не позволяют страху овладеть воином.

Таким образом, воин преодолевает страх с помощью всех своих качеств: убеждений, взглядов, различных чувств, мышления, воли, мастерства и активностью своих действий.

Необходимо заметить, что активизация деятельности в данном случае должна основываться на положительном внутреннем отношении к боевым задачам. Это отношение, как показано выше, присуще советскому воину. Активизация действий не даст нужных результатов, если она является следствием употребления алкоголя или применения насилия.

Но опасность, как было отмечено, может вызвать чувство, противоположное страху,— чувство боевого возбуждения, которое связано с своеобразным состоянием чрезвычайной активности. Оно повышает активность психической деятельности. Чувство боевого возбуждения и родственное с ним чувство отваги относятся к приятным, радостным чувствам, характеризуются подъемом, легкостью действий, своеобразной неутомимостью. Воин, переживая чувство боевого возбуждения, как бы восхищается тем, что он может сделать своей силой и своими высокими моральными качествами. Советский воин увлекается процессом преодоления трудностей и опасностей, сознавая большую общественную важность своих смелых и отважных действий на поле боя.

Таким образом, источником чувства боевого возбуждения является не опасность сама по себе, а высокие морально-боевые качества воина.

Наиболее часто встречающимися видами страха в условиях боя является боязнь, опасение, которые бывают двоякими: за свою жизнь и за выполнение боевой задачи. Чувство обоснованной

¹ Георгий Березко. Мирный город, Восниздат, 1955, стр. 262.

боязни, разумное опасение организующим образом действуют на сознание человека, так как заставляют его направлять свои мысли к опасности, правильно понять ее и найти лучший способ действия. Чувство опасности, заставляющее бойца осторожно переползать на поле боя и, если есть необходимость, прятаться от врагов, является полезным чувством.

Опасение ведет к психической и физической собранности человека. Оно не подавляет сознательной деятельности, а поддерживает ее. Опасение за выполнение боевой задачи рождает чувство осторожности и хитрой предусмотрительности. Внимание оказывается прикованным к поставленной задаче и способствует наблюдению за врагом, за обстановкой боя и за состоянием собственного оружия.

Однако не всегда так бывает. История войн показывает, что в некоторых армиях со стороны военнослужащих были попытки преодолеть чувство страха при помощи таких искусственных средств, как алкоголь. Это можно было наблюдать во время гражданской войны в СССР, когда пьяные белогвардейцы, заглушая свой страх алкогольными напитками, пытались идти в психические атаки. И гитлеровцы в состоянии опьянения предпринимали активные боевые действия против наших войск.

Но факты показывают, что все это ни к чему хорошему не приводит.

Практика жизни и наука точно устанавливают, что если человек принял такую дозу алкоголя, которая тормозит у него чувство страха, то он вообще небоеспособен, так как у него притупляется реакция на воздействие раздражителей внешней среды, и в условиях боя теряет ориентацию, цель боя и смысл боевой задачи. А это неминуемо ведет к тому, что воин теряет способность использовать местные предметы и местность в целом, осознать ситуацию и возможность целесообразного управления своим поведением. Пьяному, как говорит русская пословица, — море по колено. А в бою это значит, что пьяный человек небоеспособен и в конечном счете нежизнеспособен.

Итак, воздействие алкоголя, доведенное до степени торможения чувства страха в бою, представляет собой фактор более опасный, чем сам страх в условиях боя.

Кроме вышеказанного, следует учитывать, что алкоголизм разрушает деятельность сердца человека и его центральную нервную систему. Злоупотребление алкоголем может вывести человека из строя до ввода его в бой и привести к чрезвычайно опасным и неприятным последствиям как для него, так и для всего подразделения, части, соединения. С алкоголизмом надо бороться всегда, используя для этого все имеющиеся средства, формы и методы.

Бесстрашие советского воина заключается не в полном отсутствии страха, а в его активном преодолении.

Бесстрашие бывает в основном двух видов: как черта характера и как временное, ситуативное состояние. Эти виды бесстрашия взаимосвязаны. Черты бесстрашия проявляются в отдельных

состояниях воина, а отдельные случаи проявления бесстрашия формируют бесстрашие как черту характера.

Бывают случаи, когда человек не испытывает чувства страха не потому, что он бесстрашен. Отсутствие чувства страха может иногда зависеть от чрезмерной усталости, истощения сил, моральной подавленности, когда человек безразличен к опасности.

Но может быть такое «бесстрашие», которое у неопытного бойца проявляется как результат непонимания им условий боя, опасности. Такое «бесстрашие» может не выдержать испытания боем. И поэтому командиру надо требовать от такого бойца соблюдения мер предосторожности в бою, а вместе с тем учить его проявлению самоотверженности там, где это требуется.

Участие в боях может до неузнаваемости изменить характер человека, развить черты бесстрашия и непоколебимости в бою. Тот воин, который в тылу отличался робостью и нерешительностью, в бою может проявить подлинное бесстрашие и презрение к смерти, когда от его действий зависит жизнь многих товарищей и выполнение приказа, благодаря наличию у него чувства патриотизма, войскового товарищества, ненависти к врагам и других качеств.

Советская психология, используя богатейшие данные учения И. П. Павлова, может правильно решать проблему физиологических основ чувств как непосредственных (в частности, страха), так и опосредствованных. Известно, что воину в бою приходится преодолевать большие препятствия, особенно опасность. Согласно учению И. П. Павлова это не может осуществляться на основе врожденных, инстинктивных механизмов и первой сигнальной системы, так как ведущая роль в деятельности человека принадлежит второй сигнальной системе.

В свете этого становится ясным физиологический механизм преодоления страха. Страх появляется в ситуации, осознаваемой как опасная, но благодаря наличию у человека второй сигнальной системы, благодаря мужественному примеру товарищей, находящихся рядом с ним, он имеет возможность не бежать от опасности, а изучать ее, бороться с ней, активно преодолевать чувство страха.

Из всего сказанного о переживаниях воина в бою можно сделать вывод о большом значении чувств для боевой деятельности. Чувства воина являются одним из важнейших мотивов его боевой деятельности. Без переживаний, без активного чувственного отношения к обстановке боя и боевым задачам невозможно управление своим поведением и, значит, невозможно решение боевых задач.

В связи с этим встает задача формирования чувств советских воинов. Но, чтобы правильно наметить путь формирования чувств, необходимо помнить, что чувства человека, безусловно, социальные. Глубоко ошибочными, антинаучными являются взгляды буржуазных теоретиков, пытающихся свести чувства человека к инстинктам. Буржуазная психология (в частности, современная американская военная психология) связывает чувства солдата только с его биологическими и физиологическими потребностями. Цель этой

лженаучной, реакционной теории — объявить вечными и неизменными свойства человеческой природы и формы взаимоотношений между людьми, господствующие в капиталистическом обществе. Сведение чувств к инстинктам нужно военной буржуазной психологии для того, чтобы маскировать политические цели правящих классов, искажать у военнослужащих правильное сознание подлинных целей войны.

Советская психология раскрывает социальную природу чувств воина. Человек является продуктом общественных отношений, истории. Основные его чувства являются результатом отражения социального бытия. Каково бытие человека, таковы в основном и его чувства.

Из вышесказанного о морально-политических чувствах советского воина можно заключить, что все эти чувства, т. е. чувство патриотизма и ненависти к врагу, долга, чести, достоинства, чувство уверенности, чувство коллективизма и т. д., теснейшим образом связаны с уровнем сознательности воина, с пониманием им перспектив развития нашего общества. Поэтому самым главным, решающим условием воспитания высоких моральных чувств у советских воинов является повышение их идейно-политического и культурного уровня. Это основной путь воспитания чувств советского воина.

Источником и условием формирования разнообразных чувств воина является его общественная деятельность. Максимальное приближение условий деятельности воина в мирное время к боевым условиям также является одним из важных путей воспитания и закрепления нужных для боя чувств советского воина.

Вместе с тем в процессе боевой и политической подготовки необходимо приучать воинов к тому, чтобы они помогали своим товарищам словом и примером, вызывая у них соответствующие чувства, считались с этими чувствами. Чрезвычайно важным является и то, что каждого воина необходимо приучить заниматься самовоспитанием, помогать самому себе своим же словом, своей же идеей, которые вызовут у него чувства, способствующие решению стоящих перед ним задач.

5. Управление воинами своим поведением в бою

В процессе решения боевых задач у воинов выступают не только умственная деятельность и чувства, но и их воля.

Что же представляет собой воля человека?

Воля — это личная возможность человека регулировать свои действия и поступки в соответствии с поставленной целью на основе учета конкретно складывающихся обстоятельств. Воля — это, иначе говоря, способность человека управлять своим поведением в различных условиях.

Теоретической основой решения проблем воли является учение марксизма-ленинизма о свободе и необходимости. «...Пока мы не

знаем закона природы,— писал В. И. Ленин,— он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) **независимо** от нашей воли и от нашего сознания,— мы господа природы»¹.

Это значит, что чем выше уровень познания человеком законов существования объективной действительности, тем большей степенью свободы характеризуется его деятельность, тем большей свободой воли он обладает. «...Свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»².

Из этого следует, что деятельность человека, его реально осуществляемое взаимоотношение с окружающим миром, как и все явления природы и общества, имеют свои объективные закономерности и что человек, овладевая этими закономерностями, становится свободным по отношению к ним и опирается на них при организации своего собственного поведения. «Следовательно, свобода (человека.— Г. Л.),— по выражению Ф. Энгельса,— состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости; значит, она является необходимым продуктом исторического развития»³.

Таковы научные теоретические основы понимания сущности воли человека.

По своему происхождению и развитию воля непосредственно связана с практической деятельностью человека, направленной на овладение предметами и явлениями объективной действительности. Овладевая окружающим миром, человек овладевает и своими собственными, объективно для него выступающими действиями, направленными на этот мир. Овладение же своими практическими действиями неизбежно связано с выработкой у человека личного отношения как к предметам деятельности, так и к своим собственным действиям. Это отношение, как известно, выступает в качестве одобрения или порицания, в качестве согласия или возражения и т. д. Это значит, что всякое волевое действие всегда является действием сознательным, содержащим в себе внутреннее отношение человека как к объекту действия, так и к самому действию.

Однако в дальнейшем речь будет идти не вообще о воле и даже не о воле воина в целом, а об управлении воином своим поведением в бою.

Условия боя, как уже говорилось,— это особые условия, а в соответствии с этим и боевые задачи характеризуются рядом особенностей. Поэтому и воля в бою проявляется несколько иначе, чем в каких-либо других условиях деятельности человека.

В боевой обстановке мысли и все другие психические процессы вместе с чувствами воина напрягаются до предела, и это создает у него огромное внутреннее напряжение. При таком внутреннем со-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 177.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 114.

³ Там же.

стоянии управлять своим поведением, как известно, значительно труднее, чем в состоянии менее напряженном.

В связи с этим принципиально важно обратить внимание на то, как внутреннее состояние воина объективно соотносится с его поведением. В зависимости от характера этого соотношения и должна рассматриваться воля воина и ее проявления в бою.

Многочисленные наблюдения и показания участников боя свидетельствуют о том, что в зависимости от характера боевой обстановки сила внутреннего напряжения воина может совпадать, сливаться с активностью его внешнего поведения. В таком случае внешнее, практически осуществляемое поведение воина полностью соответствует его внутреннему состоянию. Например, во время атаки и контратаки (летчика, пехотинца, танкиста и т. д.), которые являются наиболее напряженными и ответственными моментами наступательного и оборонительного боя, огромное внутреннее напряжение воина как бы находит выход, оно реализуется в его практических движениях, действиях и в поведении в целом. При таком благоприятном, наиболее естественном соотношении внутреннего состояния и внешнего поведения воина в бою управлять ему своим поведением относительно легко, так как для этого не требуется особых дополнительных усилий. В таком случае внутреннее напряжение представляет собой боевое возбуждение, увеличивает моральные и физические силы воина, благодаря которым он преодолевает самые, казалось бы, неприступные препятствия.

Описывая свой первый воздушный бой, летчик-истребитель И. Кожедуб подчеркивает роль внутреннего состояния, роль, как он говорит, боевого воодушевления.

«Я был в каком-то самозабвении,— пишет он,— и в то же время не упускал ни одной мелочи, старался действовать точно, стремительно, с расчетом.

Быстро захожу одному из «юнкеров» в хвост. Ловлю его в прицел. Дистанция подходящая. Нажимаю на гашетки — пушки заработали. «Юнкерс» начал маневрировать. Почти вплотную сближаюсь с противником. Обжигает мысль: «Неужели уйдет безнаказанно?». Как во сне, слышу голос ведомого: «Бей, Ваня: прикрываю!».

Стиснул зубы, продолжаю стрелять и думаю: «Если не собою, то буду таранить, последую примеру Габуния».

Дал несколько длинных очередей. И вдруг самолет врага вспыхнул и пошел вниз. С каким торжеством, с какой радостью взрываю вверх!..

Только после этой первой настоящей встречи с врагом я понял,— продолжает И. Кожедуб,— какую силу придает боевое воодушевление: оно создает особенную находчивость, быстроту реакции, точность. Писатель Алексей Толстой назвал это состояние «расчетливым восторгом боя»¹. Так заканчивает И. Кожедуб

¹ Иван Кожедуб. Служу Родине, Лениздат, 1950, стр. 159—160.

анализ гармонического соотношения своего внутреннего состояния и внешнего поведения в бою.

Но бывают случаи, когда внутреннее напряжение не совпадает, не сливается с активностью внешнего, практического поведения воина. Бывает так, что в зависимости от характера боевой обстановки внешнее поведение воина значительно пассивнее, чем того требует его внутреннее состояние. В таком случае внутреннее напряжение не находит выхода во вне и поэтому само чрезвычайно возрастает и обостряется. При таком течении обстоятельств в бою управлять своим поведением чрезвычайно трудно, так как внутреннее напряжение ставит воина перед необходимостью активно действовать, а боевая обстановка требует внешне относительно пассивного поведения. Например, во время активного артиллерийского огня, предваряющего атаку противника, пехотинцу приходится внешне бездействовать или почти бездействовать, выжидая в укрытии и наблюдая за действиями противника. Именно в этот период боя можно наблюдать у воина наибольшее несоответствие между его внутренним напряжением огромной силы и внешним пассивным поведением. Примерно так же обстоит дело и у того воина, который находится под огнем вражеской авиации и не ведет с ней борьбы.

Совершенно прав В. Закруткин, описавший действия лейтенанта Перелешина в оборонительном противотанковом бою и его оценку обстановки и возможностей своих подчиненных. «Лейтенант Перелешин,— говорит В. Закруткин,— хорошо знал, что при встрече с танками самое главное — устоять, выдержать, подавить в себе невыносимо гнетущее желание бежать из окопа. Он знал это и боялся, что его «мальчики» не выдержат страшного испытания. Правда,— замечает В. Закруткин,— в окопах были противотанковые ружья, гранаты, зажигательные бутылки, но чего все это стоит без сильной человеческой воли, которая в состоянии подавить даже страх смерти?»¹.

Несоответствие внутренней напряженности и активности внешнего поведения имеет место, конечно, и во многих других случаях, но везде оно усложняет управление своим поведением. Например, тому, кто подвержен воздействию артиллерийского огня, кажется, что снаряды летят обязательно к месту его укрытия, что это место хуже других, и поэтому появляется желание найти место получше. Так же обстоит дело и во время авиабомбардировки, когда трудно удержаться от ненужных действий, связанных с поисками лучшего укрытия. И удержаться от преждевременной стрельбы по идущему в атаку противнику тоже трудно. «Самое страшное на войне не снаряды, не бомбы,— правильно говорит В. Некрасов,— ко всему этому можно привыкнуть, самое страшное — это бездеятельность, неопределенность, отсутствие непосредственной цели. Куда страшнее сидеть в щели в открытом поле под бомбежкой, чем идти в атаку. А в щели шансов на смерть гораздо меньше, нежели

¹ Виталий Закруткин. Кавказские записки. 1942—1944, Крымиздат, Симферополь, 1950, стр. 219.

в атаке. Но в атаке — цель, задача, а в щели только бомбы считаешь: попадет или не попадет»¹.

Роль соотношения внутреннего состояния и внешнего поведения и характер этого соотношения необходимо учитывать и при организации, и при проведении тактической подготовки воинов в условиях мирного времени.

Относительная легкость управления своим поведением при соответствии активности поведения внутренне напряженному состоянию и относительная трудность при несоответствии внутреннего состояния характеру поведения могут быть физиологически объяснены с позиций павловской теории о высшей нервной деятельности, устанавливающей соотношение не столько между отдельными частями организма, сколько между организмом и окружающей обстановкой. В соответствии с этим учением можно сказать, что активность практической деятельности человека является одним из очень важных условий, обеспечивающих благоприятную уравновешенность взаимодействия организма и среды.

Из этого следует, что, для того чтобы помочь воину управлять своим поведением в бою при всех условиях, необходимо всемерно активизировать его внешне проявляемую практическую деятельность. Известно, что бомбардировка вражеской авиации переносится значительно легче, если воин, подвергшийся нападению, ведет огонь по самолетам противника. Хорошо, если огонь ведется залпами, ибо такого рода стрельба преследует не только цели повышения эффективности огня. Залповый огонь, как известно, преследует еще и цели организационного характера. В этом отношении залп существенно помогает каждому воину организовать свои действия, т. е. помогает ему управлять своим поведением в соответствии с конкретно поставленной задачей. Так же обстоит дело во всех случаях активизации внешне проявляемых действий (перевеска, рытье окопа, маскировка, форсирование водных преград и т. д.).

Активизация такого рода необходима потому, что обстановка боя, если ее рассматривать со стороны воздействия на организм, представляет собой совокупность раздражителей чрезвычайно большой силы. Эти раздражители по сравнению с другими условиями жизни организма дают максимальную нагрузку на нервную систему и создают внутреннее напряжение огромной силы, которое должно найти выход в активных, практически осуществляемых действиях, в активном поведении воина в условиях боя.

О том, что активизация поведения в бою облегчает человеку управление собой и что сам человек, ведущий бой, испытывает потребность в такой активизации, свидетельствуют многие показания участников боевых действий. Поэтому и в процессе тактической подготовки активизация внешнего поведения может быть использована как прием, облегчающий воинам управление своим поведением.

¹ В. Некрасов. В окопах Сталинграда, Воениздат, 1948, стр. 66.

В связи с характеристикой соотношения внутреннего состояния воина и его поведения можно понять особенности управления войском своим поведением в таких основных видах боя, как наступление и оборона.

В наступательном бою, как показывают факты, больше моментов полного слияния внутреннего состояния и внешнего поведения. Но дело не столько в отдельных моментах, сколько в характере боя в целом. Наступательный бой ставит воина перед необходимостью практически действовать как можно активнее и стремительнее. Даже характер приказа на наступление содержит указание на эту особенность наступательного боя. В таком приказе, как правило, требуется решительно и смело прорывать оборону противника, непрерывно его преследовать, препятствовать его закреплению на промежуточных рубежах, неожиданными маневрами резать коммуникации противника, дробить его силы, окружать их и уничтожать.

При получении такого приказа, и особенно в процессе его выполнения, у воина внутренне происходит мобилизация всех сил, знаний, умений и помыслов. У него внутренне как бы создается установка наступать, продвигаться вперед, преодолевать все препятствия, сокрушать противника и уничтожать его. Именно эта установка реализуется в поведении воина, ведущего наступательный бой. Наступающий — это прежде всего активно действующий. Осознание себя наступающим способствует слиянию у воина в единый поток его внутреннего напряжения и внешнего поведения, способствует, следовательно, гармоническому взаимодействию его первой и второй сигнальных систем и тем самым, естественно, обеспечивает как бы обычность и относительную легкость управления своим поведением в наступательном бою.

Несколько иначе обстоит дело в оборонительном бою. В приказе на оборону ставится требование стойко и упорно обороняться, не давать противнику продвигаться вперед, изматывать его силы. В общей сложности в условиях оборонительного боя у воина, осознающего себя обороняющимся, создается внутренняя установка — противодействовать противнику, устоять, выдержать. Уже одно это свидетельствует о том, что обороняющийся по сравнению с наступающим представляет собой относительно пассивную сторону, так как не он задает тон событиям, не он инициатор. Из этого, конечно, вовсе не следует, что оборонительный бой должен вестись пассивно. Напротив, он должен быть активным и изнуряющим наступающего противника. Но как бы ни был активен обороняющийся, он все-таки действует в пределах противопоставления себя наступающему, который, имея, как правило, превосходство в силах, пытается навязать обороняющемуся свои планы и свою волю. Это осознается обороняющимся и, если учесть еще и то, что в оборонительном бою есть много моментов, обуславливающих несовпадение внутренней напряженности воина и его внешней активности (ожидание атаки противника, переживание воздвигания его артиллерии, авиации и т. д.), то станет ясно, как в непосредственной

зависимости от необходимости резко тормозить свою деятельность значительно усложняется управление воином своим поведением в этих условиях. В этом отношении наступающий, безусловно, имеет преимущество перед обороняющимся.

Критикуя идею о том, что оборона, если она проводится планомерно и сознательно, имеет преимущества перед наступлением, М. В. Фрунзе говорил: «Не правы те, кто думает, что наступление может действовать на психологию противника, лишенного средств или очень слабого, а на противника, сознающего свою силу, атака не производит угнетающего впечатления. Каждый из нас на своем личном опыте знает, как инициативный, хотя гораздо более слабый противник путает все расчеты врага, расстраивает его планы и одерживает победу.

...Я считаю,— подчеркивал М. Ф. Фрунзе,— что нападение действует всегда на психологию противника тем, что уже одним этим обнаруживается воля более сильная»¹.

«Надо,— говорил М. В. Фрунзе,— пережить и перечувствовать всю тяжесть положения атакуемого, чтобы понять, какое преимущество имеет наступление перед обороной»².

Из этой четкой психологической характеристики особенностей наступательного и оборонительного боя совершенно явно следует, что в условиях обороны по сравнению с наступлением воину значительно труднее управлять своим поведением. Совершенно ясно, что ожидание сигнала к атаке отличается от ожидания атаки противника. Получив команду атаковать, воин мгновенно применяет волевое усилие, напрягается, и в дальнейшем во всем его поведении осуществляется слияние его внутреннего напряжения, напряжения мыслительных процессов, процессов переживания и волевых процессов с его внешними чрезвычайно активными действиями. Ведь наступающий осуществляет движение к объекту нападения. Иначе обстоит дело у обороняющегося. Если, например, пулеметчик ждет, когда начавший атаку противник приблизится на дистанцию прицельного огня, или получит указание не открывать огня до особой команды, то это психологически не такое ожидание, как у атакующего, приближающегося к обороняющемуся. В данном случае атакующий не ждет. Он действует, а обороняющийся пока внешне бездействует. Не он движется к цели, а, так сказать, сама цель движется на него. Вот почему в обороне необходимо проявлять упорство и стойкость, а в наступлении — решительность, смелый маневр на поле боя, завершаемый окружением и уничтожением противника.

Вместе с этим необходимо учитывать, что в обороне обороняющемуся труднее изучать наступающего противника, чем наступающему обороняющегося. Известно, что наступающий по характеру обороны может судить об обороняющемся и использовать это в своих наступательных действиях вплоть до осуществления от-

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, Воениздат, 1950, стр. 191.

² Там же, стр. 192.

дельных маневров. Но если обороняющаяся сторона действует активно и, главное, разнообразно, то она усложняет действия наступающих, успешнее им противостоят.

В данном случае нужно иметь в виду, что изучение характера обороны — это понимание наступающим противником характера, знаний, умений и даже навыков организатора обороны, т. е. командира, а вместе с ним и его подчиненных.

Значит, наступающий имеет преимущество над обороняющимся. Все это, конечно, надо иметь в виду при обучении и воспитании воинов в условиях мирного времени.

Итак, тот или иной вид боя действительно ставит воина перед необходимостью обладать соответствующими волевыми качествами, без которых невозможно управление своим поведением в бою и, следовательно, невозможна победа над врагом.

По аналогии с наступлением и обороной можно сказать, что управлять поведением в авангардном или встречном боях значительно легче, чем в аррьергардном бою или в окружении, где внутреннее напряжение воина доходит до предела и далеко не всегда находит именно желаемый выход в активных действиях.

Однако дело не в механическом понимании наступления или обороны. Разведчик, например, добыв необходимые данные и возвращаясь в расположение своих войск под натиском преследующего противника, психологически вовсе не является отступающим. Его внешне отступательные действия являются для него основной целью и представляют собой реализацию его внутреннего напряжения во внешнем поведении. При таких «отступательных» действиях управлять своим поведением значительно легче, чем, например, в ночном наступательном бою, где отсутствие нормальной видимости вызывает у воина чрезвычайно сильное внутреннее напряжение, тормозит и усложняет его внешние действия. В этом отношении совершенно прав В. Некрасов, когда он на основе опыта пишет: «Ночной бой — самый сложный вид боя. Это бой одиночек. Боец здесь — все. Власть его не ограничена. Инициатива, смелость, чутье, находчивость — вот что решает исход. Здесь нет массового, самозабвенного азарта дневной атаки. Нет «чувства локтя». Нет облегчающего и возбуждающего «ура». Нет зеленых шинелей. Нет касок и пилоток. Нет кругозора. И пути назад нет»¹.

Трудности такого рода могут быть не только ночью. И при нормальной видимости в наступательном бою, который ведется недостаточно успешно и, значит, с большими потерями, управлять воинам своим поведением очень трудно, труднее, чем успешно обороняющимся.

Таким образом, бывают случаи, когда подразделение, часть или даже соединение, с тактической точки зрения, ведет наступательные действия, а психологическое состояние личного состава более тяжелое, чем у обороняющейся стороны. Это можно наблюдать при

¹ В. Некрасов. В окопах Сталинграда, Воениздат, 1948, стр. 208.

залегании под огнем противника во время броска в атаку, при ведении боя в глубине обороны противника, который остановил продвижение и сам готовится к контратакам, и т. д.

Факты такого рода свидетельствуют о том, что при оценке психологического состояния воинов в бою и их возможностей управлять своим поведением при решении боевых задач нельзя механически, формально понимать наступление и оборону. Что же касается отдельных моментов как наступательного, так и оборонительного боя, то о них уже сказано: чем больше внутреннее напряжение воина и чем меньший выход находит оно в его внешних действиях, тем труднее ему управлять своим поведением в условиях боя. И наоборот, чем большая активность внешних, фактически осуществляемых воинном действий, тем легче ему управлять своим поведением в бою.

Однако бывают и такие случаи, когда под влиянием раздражителей огромной силы, дающих чрезмерную нагрузку на нервную систему, внутреннее состояние человека из крайне напряженного превращается в пассивное. А внутренне пассивное состояние, как известно, не только не ищет выхода в активных, внешне проявляемых действиях, а, наоборот, оказывает тормозящее влияние на поведение в целом. Такое состояние может возникнуть во время сильного и длительного воздействия огня артиллерии или авиации противника в результате взрыва огромной разрушительной силы и т. д. Именно в таких случаях особенно остро испытывается нужда в активизации практической деятельности, ведущей к решению боевой задачи.

Следует особо подчеркнуть, что активизация деятельности воина ни в коем случае не должна сводиться только к ускорению внешних, физических действий. Да и не всегда есть возможность для активизации такого рода. Не менее важным, а часто самым важным в активизации деятельности воина является мобилизация его духовных, моральных, нравственных сил и возможностей. В этом отношении вовремя сказанное слово о Родине, долге, чести, ответственности, шутка, подбадривание, одобрение, порицание, пример и многое другое, что непосредственно обращено к сознанию воина, активизируют его моральное состояние и помогают ему управлять своим поведением в условиях боя. Особенно велика в этом роль приказа, приказания и команды, которые в бою являются для воинов основой планирования и, следовательно, управления своим поведением.

Таким образом, вся активизация должна быть направлена на организацию правильного взаимодействия сознания воина и мотивов его поведения, на осуществление правильного соотношения далеких и близких целей и больших и малых задач. Только такая внутренняя активизация, физиологически основанная на деятельности главным образом второй сигнальной системы, поможет воину учесть конкретные обстоятельства боя и управлять своим поведением в соответствии с поставленной в бою целью.

Учение И. П. Павлова о второй корковой сигнальной системе даст физиологическое объяснение внутренней, часто речевой, активизации деятельности воина в условиях боя.

«...В нормально развитом человеке,— говорит И. П. Павлов,— вторая сигнальная система есть высший регулятор человеческого поведения»¹. И поскольку слово является сигналом сигналов, оно через вторую сигнальную систему может повлиять на деятельность первой сигнальной системы и подчинить ее. Значит, при помощи слова, мобилизующего идеи воина, его стремления и помыслы и тем самым подчиняющего себе впечатления, идущие из внешне складывающейся боевой обстановки, действительно можно внутренне активизировать и регулировать деятельность воина в бою и, таким образом, помочь ему в управлении своим поведением.

Из всего сказанного о влиянии боевой обстановки и о влиянии внутреннего состояния воина на характер управления им своим поведением в бою следует, что управляемое поведение по своей сущности является поведением сознательным и целенаправленным, а не стихийным и неорганизованным. Управляемое поведение — это поведение волевое. Значит, для того чтобы воин мог управлять своим поведением в бою, он должен обладать необходимыми волевыми качествами.

Внешняя и внутренняя активизация деятельности воина является, как уже сказано, лучшим средством благоприятного сочетания его внутреннего состояния и внешнего поведения и, следовательно, лучшим способом оказания ему помощи в управлении своим поведением в бою. Однако воин не всегда находится в условиях, при которых кто-то может оказать ему такую помощь. Поэтому одиночный боец, разведчик, летчик-истребитель и многие другие воины должны уметь сами активизировать свою внешнюю и внутреннюю деятельность. Это очень важное требование должно быть предъявлено всем без исключения воинам, ибо каждый из них в условиях боя может попасть в положение одиночного бойца.

Но активизация своей деятельности — это и есть начало управления своим поведением, это и есть волевое усилие, направленное на преодоление внутренних трудностей, возникающих под влиянием внешних препятствий. Важно отметить, что систематическая активизация собственной деятельности лежит в основе формирования и совершенствования воли человека.

Следовательно, в процессе обучения и воспитания воинов необходимо учить их тому, как активизировать свою деятельность, и приучать к тому, чтобы они это делали систематически.

В заключение характеристики роли возможностей воинов управлять своим поведением в условиях боя необходимо еще раз сказать о том, что представляют собой боевые действия.

Бой — это такая практическая деятельность, в которой сосредото-

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 346.

точиваются и проявляются все теоретические, все познавательные и волевые силы и возможности воина, весь его жизненный опыт и все чувства.

Бой — это такой вид деятельности, для участников которой объективно нет и не может быть возможностей одностороннего успеха или неуспеха. Если одна из сторон победила, то другая потерпела поражение, а если одна из них имеет в бою частичный успех, то другая, воспрепятствовав полному решению боевой задачи, также имеет успех, она также частично решила свою задачу. Этим в известной мере и отличается бой от многих других видов деятельности.

Таким образом, победа или поражение в бою является непосредственным результатом практической деятельности воина. Вот почему при определении и, следовательно, при формировании личных качеств, необходимых каждому воину для успешного ведения боевых действий, в первую очередь следует обратить внимание на управление воином своим поведением как на самую действенную часть его воли.

Решающая роль практической деятельности воина в бою и связь этой деятельности с наиболее активными свойствами воли дали повод некоторым теоретикам утверждать, что волевые качества того, кто непосредственно ведет бой, должны преобладать над его умственными качествами. Так, например, генерал Драгомиров в свое время подчеркивал преимущество воли воина как исполнителя над его умом. Такой подход к психологическому объяснению поведения воина в бою является неверным. Нельзя рассматривать психику человека в отрыве от самого человека, в отрыве от его реально складывающегося отношения к объективной действительности, в отрыве от нервной системы. Абстрактное рассмотрение психики и, значит, воли препятствует успешному решению задач обучения и воспитания.

Еще И. М. Сеченов (1873) подчеркивал связь воли с другими психическими процессами и качествами человека и ее зависимость от них. «Ведь мы знаем,— говорил он,— что когда человек идет на смерть, в голове у него всегда какая-нибудь страшно сильная мысль или какое-нибудь крепкое чувство, убеждение, верование, из-за которых смерть становится не страшной или, по крайней мере, из-за которых он мирится с нею»¹.

Продолжая свою мысль о зависимости воли от мыслей и чувств человека, И. М. Сеченов говорит: «...Ни обыденная жизнь, ни история народов не представляют ни единого случая, где одна холодная, безличная воля могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвиг. Рядом с ней **всегда стоит, определяя ее, какой-нибудь нравственный мотив, в форме ли страстной мысли или чувства**»².

¹ И. М. Сеченов. Избранные труды, изд. Всесоюзного института экспериментальной медицины, 1935, стр. 286.

² Там же.

Так ставил и так решил этот вопрос основоположник подлинно научной психологии и физиологии нервной деятельности. Только так и может быть решен вопрос о соотношении, лучше сказать, о единстве познавательных процессов воина, процессов его переживаний и волевых процессов и вопрос о влиянии волевых качеств воина на управление им своим поведением в условиях боя.

Конкретно воля выступает в деятельности каждого человека в виде его личных волевых качеств.

Какими же волевыми качествами должен обладать воин для того, чтобы успешно управлять своим поведением в условиях боя?

Основным волевым качеством, непосредственно связанным с управлением воином своим поведением, является **самообладание**. Если воин не умест владеть собой, т. е. если он не умеет руководствоваться своими идеями и своими сложными общими мотивами, то, потеряв основную цель своей деятельности и попав в плен воздействий внешней среды, он, как говорят, теряется, и его поведение становится стихийным, неуправляемым.

Следующими волевыми качествами воина являются **самостоятельность** и **решительность**. Сознание цели действий в бою и ориентации на нее, определение средств для решения боевой задачи и использование их вместе с внутренней готовностью действовать являются основой самостоятельности и решительности. Ведь в бою, как правило, приходится воину самому принимать многие решения, необходимые для достижения победы. Если же он будет колебаться, если он будет легко поддаваться чьему-либо влиянию, если он не вовремя примет решение в быстро изменяющейся обстановке, то боевая задача не будет выполнена.

К числу волевых качеств, необходимых воину, относятся также **исполнительность** и **инициативность**.

Известно, что основная цель действий воина в бою и ряд средств достижения этой цели ставятся перед ним в приказном порядке. Приказ должен безоговорочно выполняться, а не обсуждаться. Следовательно, воин должен быть исполнительным. Если участник боя в своей деятельности попытается уклониться от поставленной перед ним цели, то он утратит ее и подменит другой. При такой пагубной в бою «самостоятельности» совершенно невозможно организовать единство действий всех участников боя. Но исполнительность должна быть творческой и инициативной. В бою каждый воин обязан проявлять полезную инициативу и увлекать за собой своих товарищей. Наиболее благоприятное сочетание исполнительности и инициативности заключается в том, что воин проявляет инициативу в плане творческого решения боевой задачи.

Если воин, решая боевую задачу, действует строго в соответствии с ее идеей, с ее замыслом, но по ходу решения изменяет или ставит перед собой дополнительные частные, промежуточные задачи и пользуется новыми, ранее не учитывавшимися средствами решения, то такой воин, безусловно, является исполнительным и инициативным. Такой воин успешно будет действовать в условиях боя.

Для того чтобы управлять своим поведением в бою, воин должен обладать еще и такими волевыми качествами, как **энергичность и настойчивость**.

Совершенно очевидно, что без достаточной энергичности и настойчивости воин не смог бы в бою предельно напрячь и направить все свои силы на преодоление внешних и внутренних препятствий. Нельзя, однако, смешивать энергичность с горячностью. Горячность свидетельствует об отсутствии выдержки и самообладания. Она проявляется в торопливости и спешке, которые в бою могут привести к тяжелым последствиям. Энергичность должна сочетаться с настойчивостью. Если воин достаточно энергичен в своей боевой деятельности, но у него не хватает настойчивости, то он, как говорят, быстро «выдохнется» и не сможет довести до конца хорошо начатое дело. Однако настойчивость далеко не то же самое, что упрямство. Упрямство — это слабость, а не сила личности, это неумение или необоснованное нежелание считаться с обстоятельствами, которые требуют пересмотра принятого решения и изменения плана действий. Настойчивость или упорство в достижении поставленной цели в сочетании с энергичностью и напористостью крайне необходимо воину в бою.

Таковы основные волевые качества, без которых воин не может управлять своим поведением в условиях боя. Эти качества в своем единстве определяют силу воли советских тружеников и советских воинов, эти качества формировались в труде и борьбе и с невиданной в истории силой проявлялись во время Великой Отечественной войны.

Воля и волевые качества воина формируются в течение всей его жизни. И в процессе боевой и политической подготовки продолжается развитие воли в целом и отдельных ее качеств.

При этом необходимо помнить, что в целях развития волевых качеств воина необходимо научить его сочетать далекие и близкие цели и общие и частные мотивы своей деятельности. Это значит, что конкретные цели деятельности воина, а также его влечения, желания, интересы, склонности и чувства должны органически сочетаться в его деятельности с его политическими взглядами и убеждениями, с его идеалами, помыслами и стремлениями. Сочетание такого рода приведет к формированию уверенности воина в целесообразности его действий и уверенности в себе, в своих собственных силах и возможностях.

Однако следует иметь в виду, что как излишняя самоуверенность, так и необоснованное неверие в свои силы могут оказать и фактически оказывают отрицательное влияние на управление воином своей деятельностью. В первом случае происходит недооценка трудностей, которые необходимо преодолеть в процессе деятельности, что ведет к недостаточной мобилизации сил для преодоления препятствий и управления своим поведением, а во втором — недооценка себя, обуславливающая неполное использование своей физической и моральной силы и своих знаний, умений и навыков, являющихся основой боевого мастерства воина.

Отсюда ясно, что в течение всей боевой и политической подготовки необходимо научить воина правильно оценивать свои умственные и волевые качества, свои знания, умения, навыки и привычки, свою физическую силу и ловкость, себя как личность и свои поступки и поведение в целом.

Если не учитывать всего вышесказанного о роли уверенности и самооценки, то процесс обучения и воспитания воина может стать формальным и превратится в голую муштру.

Для успешного формирования возможностей воина управлять своим поведением в сложных условиях воинской деятельности должна быть учтена еще и сила тенденции к завершению всякого волевого действия человека.

Психологии давно известно, что у человека есть тенденция к завершению своих действий, связанных с достижением целей. Об этом говорят многие факты. Так, например, когда человек читает, пишет или что-то мастерит, то на обращение к нему другого человека он, как правило, отвечает, что сейчас занят и что только после завершения какого-то этапа своей деятельности сможет, оставив эту деятельность, внимательно выслушать собеседника или принять его приглашение заняться чем-то другим. Учитывая эту тенденцию, характер трудностей и особенности задач воинской деятельности, необходимо приучать воинов к завершению всех своих действий. Если в процессе боевой и политической подготовки каждый воин приучится к тому, чтобы обязательно завершить все свои действия, и если учесть, что все его действия в своей основе побуждаются приказами командиров, то станет очевидным, что и в чрезвычайно напряженной обстановке боя он будет испытывать потребность в завершении всех своих действий. Но для того чтобы у воина действительно сформировалась такая потребность, к нему в соответствии с уставами и наставлениями должна быть предъявлена постоянная справедливая требовательность и организован систематический контроль над исполнением всех его обязанностей.

Тенденция к завершению действий, безусловно, положительно влияет на характер уверенности воина в своих силах, необходимых для решения боевых задач, уточняет его самооценку и обеспечивает необходимое управление своим поведением в условиях боя.

Характеризуя роль волевых действий в управляемом поведении воина, необходимо указать также и на его так называемые неволевые, автоматизировавшиеся действия¹.

Известно, что в сознательно управляемом, т. е. целенаправленном, поведении воина в бою содержатся и такие действия, которые как бы не осознаются воином и не контролируются им. Они не требуют волевого напряжения и осуществляются как бы сами собой, как бы автоматически (перезарядка оружия, прыжки, бросок гранаты и тысячи других действий). Наличие таких действий, входящих в состав сознательно контролируемой и регулируемой дея-

¹ О такого рода действиях более подробно сказано в следующем очерке.

тельности война, обеспечивает успех управления своим поведением в условиях боя.

В этой связи следует иметь в виду, что в данном случае речь идет о необходимых автоматизировавшихся действиях, т. е. о действиях, полезных для человека. Такие же автоматизмы, которые мешают действовать, рассматриваться сейчас не будут. Но для иллюстрации таких действий можно привести пример, описанный М. Шолоховым. Дело заключалось в том, что советские бойцы, готовые к бою (оборона), ждали подхода движущихся на них атакующих немецких танков. «У Николая,— пишет Шолохов,— от напряжения заслезились глаза, а все его большое, теперь уже не в полной мере принадлежащее ему тело стало делать десятки мелких, испуганных движений: зачем-то руки ощупали лежавшие в нише диски, как будто эти тяжелые и теплые от солнца диски могли куда-то исчезнуть, потом он поправил складки гимнастерки и все так же, не отрываясь взглядом от балки, немного подвинул автомат...» И дальше, описывая еще ряд таких бесцельных действий, автор говорит: «Это были произвольные движения, и Николай не замечал их»¹.

К этому следует добавить, что чем больше у человека полезных, специально выработанных автоматизмов, тем меньшей помехой для него будут автоматизмы ненужные. Поэтому опытные командиры в процессе подготовки воинов отрабатывают у них необходимые им автоматизированные действия, т. е. навыки. Подчеркивая необходимость отработки автоматизированных действий, следует сказать о том, что воин сможет управлять своим поведением только при наличии специальных знаний и умений, являющихся основой воинского мастерства. Без тактических знаний исключается правильное, действенное осознание цели боя, понимание боевой задачи и использование самых правильных способов ее решения. Без необходимых умений невозможен учет конкретно складывающихся обстоятельств в бою и невозможно своевременное и целесообразное применение имеющихся у воина теоретических знаний и даже автоматизированных действий. Значит, дело не в самой по себе воле и не в волевых качествах воина. Дело во всестороннем формировании личности воина. Обучение воина управлению своим поведением и воспитание у него в сочетании с знаниями и умениями соответствующих волевых качеств обеспечивает формирование у него таких личных специфически воинских качеств, как храбрость, отвага, мужество.

В связи с характеристикой управления воином своим поведением в бою необходимо из числа многих морально-боевых качеств, присущих советским воинам, особо выделить дисциплинированность.

Дисциплинированность — это личное качество, представляющее способность и готовность советского воина строго и точно соблюдать порядок и правила, установленные законами и воинскими

¹ Михаил Шолохов. Они сражались за Родину, Военгиздат, 1946, стр. 39.

уставами. Но соблюдать законы и правила — это значит соответствующим образом руководствоваться ими в практической деятельности, это значит управлять своим поведением. Воин, управляющий своим поведением в соответствии с требованиями законов и правил, — это дисциплинированный воин. Следовательно, обучение воина управлению своим поведением является основой формирования его сознательной дисциплинированности. Это обязательно необходимо учитывать в процессе боевой и политической подготовки войск, ибо каждый воин готовится к тому, чтобы в сложной и опасной обстановке современного боя с честью выполнить поставленную перед ним задачу.

Так в общих чертах можно охарактеризовать роль волевых качеств советского воина в управлении им своим поведением в условиях боя, и такова в этой связи характеристика задач боевой и политической подготовки советских воинов.

Итак, для того чтобы успешно действовать в условиях боя, воин должен обладать высокой политической сознательностью, обеспечивающей широкие общественные мотивы, организованную умственную деятельность, благородные чувства и сильную волю. Но для того чтобы быть таким, чтобы отвечать требованиям, которые предъявляются в бою, каждый воин должен пройти соответствующую школу. Он должен обучаться и воспитываться. Этот вопрос и является предметом дальнейшего рассмотрения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ВОИНОВ

Учитывая требования, которые предъявляются к советскому воину в условиях современного боя, командиры и политработники всех степеней стремятся к тому, чтобы в процессе обучения и воспитания сформировать у своих подчиненных высокие морально-боевые качества. А для того чтобы добиться желаемых результатов в этом деле, им необходимо опираться в своей деятельности на данные психологии, характеризующей особенности подготовки войск.

1. Общие вопросы психологии обучения и воспитания воинов

Для более конкретного рассмотрения психологических основ всего процесса подготовки войск необходимо дать психологическую характеристику процессов обучения и воспитания, выделив вопрос об особенностях этих процессов. Такой подход дает возможность вскрыть специфику основных разделов боевой и политической подготовки войск в соответствии с требованиями, которые предъявляются каждому воину в условиях современного боя.

Особенности военного обучения и воинского воспитания определяются тем, что советские воины являются не просто учениками или воспитанниками, а военнослужащими, призванными всегда находиться в постоянной боевой готовности, чтобы в любую минуту выступить с оружием в руках на защиту своей любимой Родины.

В зависимости от этого процессы обучения и воспитания воинов характеризуются некоторыми организационными и методическими особенностями. Это выражается, например, в том, что в системе боевой и политической подготовки войск есть зимний и летний периоды, в том, что различные мероприятия с целью обучения и воспитания, разумеется, по соответствующим планам могут проводиться в любое время года и суток, в любом месте и при любой погоде, в том, что обучающиеся и воспитывающиеся круглосуточно находятся в подчинении, в условиях казарменного режима, воинской дисциплины и т. д.

Особенности процессов военного обучения и воинского воспитания выражаются в сочетании приобретаемых знаний, умений, навыков и нравственных качеств с практической деятельностью, с поведением воина, в огромном значении и важной роли индивидуального подхода в этих процессах, а также личного примера командиров и товарищей и во многом другом.

В этом направлении может быть проведен анализ особенностей обучения и воспитания, если их рассматривать с организационной и методической стороны. Такого рода особенности обучения и воспитания учитываются как теоретиками, так и практиками боевой и политической подготовки войск. Поэтому этот вопрос можно не рассматривать во всех его деталях.

Что же касается особенностей процесса обучения по сравнению с процессом воспитания и, наоборот, особенностей воспитания по сравнению с обучением, то они хотя и учитываются в практике подготовки войск, но иногда не полностью, недостаточно. Поэтому особенности именно такого рода необходимо специально рассмотреть.

Процессы обучения и воспитания, несмотря на специфические особенности, присущие им, всегда находятся в единстве. Но для того чтобы это единство правильно понималось и осуществлялось не стихийно, не само по себе, а под влиянием воздействия организатора и руководителя обучения и воспитания, надо обязательно учитывать различие этих процессов, их специфику.

Обучение представляет собой передачу, сообщение соответствующих знаний учащимся и выработку у них необходимых умений и навыков. Так, например, солдаты получают знания о целях и задачах, которые стоят перед Вооруженными Силами СССР, о конкретных целях и задачах своей воинской деятельности, об организации жизни и быта, о правилах поведения, о боевой технике и ее назначении и т. д. Вместе с этим у солдат вырабатывается умение правильно обращаться с боевой техникой и оружием, правильно нести службу суточного наряда, отдавать рапорт командиру и т. д. Но для того чтобы образовались умения, воинам необходимы определенные навыки, которые и вырабатываются в процессе обучения.

Воспитание ставит перед собой несколько иные, более широкие цели. «...Воспитание,— говорит М. И. Калинин,— есть определенное, целестремленное и систематическое воздействие на психологию воспитуемого, чтобы привить ему качества, желательные воспитателю». В понятие воспитания М. И. Калинин вкладывает «внедрение определенного мировоззрения, нравственности и правил человеческого общежития, выработку определенных черт характера и воли, привычек и вкусов, развитие определенных физических свойств и т. п.»¹. Из этого следует, что результаты воспитания представляют собой чрезвычайно сложные, синтетические качества, характеризующие человека как личность

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воспиздат, 1958, стр. 343—344.

и не исчерпывающиеся отдельными или даже систематизированными знаниями, умениями и навыками. Именно в этом и заключается различие между обучением и воспитанием. Обращая внимание на эту сторону дела, М. И. Калинин говорил: «Нередко воспитание смешивают с обучением. Понятно,— разъяснял он,— воспитание имеет большое сходство с обучением, но ни в коем случае не синоним. Авторитетные педагоги считают, что воспитание — понятие более широкое, чем обучение. Оно имеет свои особенности»¹.

Итак, воспитание по сравнению с обучением имеет свои особенности, которые состоят главным образом в том, что в процессе воспитания достигаются цели формирования у людей чрезвычайно сложных личных качеств.

Сложность же целей определяет сложность процесса их достижения, т. е. процесса целеустремленного и систематического воздействия на ум, волю и чувства воспитуемого. Эта сложность по сравнению с обучением ощутимо выступает, например, в организации воспитательного процесса. Известно, что процесс обучения солдат, сержантов и офицеров регламентируется совершенно определенными программными требованиями и довольно четко разработанными методическими способами и приемами. Для каждой категории военнослужащих определен предмет изучения и объем материала, которым необходимо овладеть, последовательность его изучения, общее количество часов и количество часов на тот или иной раздел или тему и т. д. Что же касается воспитания, то его так спланировать невозможно.

Нельзя, например, задачу воспитания солдат срочной службы в течение первого месяца их пребывания в армии поставить так, чтобы они стали храбрыми или стойкими, выносливыми или наблюдательными, находчивыми или исполнительными и т. д. Нельзя и на следующий месяц поставить такую конкретную воспитательную задачу. И это вовсе не потому, что воспитатель не знает, какими морально-боевыми качествами должен обладать воин. Напротив, эти качества хорошо известны, и они формируются у солдат в течение всего срока их службы.

В свое время А. С. Макаренко совершенно правильно и в острой форме подчеркивал, что вопросы воспитания, вопросы формирования качеств личности — чрезвычайно трудные. «Трудные потому,— говорил он,— что хорошие качества создаются годами. Нельзя создать характер каким-нибудь особым, быстродействующим приемом или методом»².

Именно наличие трудностей усложняет планирование воспитательной работы. Сложность планирования воспитания по сравнению с обучением объясняется тем, и это, видимо, главное, что по личным качествам, которые являются результатами воспитания, люди отличаются друг от друга больше, чем по результатам обу-

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воениздат, 1958, стр. 343.

² А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 287.

чения. Так, например, если сравнить двух отлично успевающих учеников старших классов средней школы, то, как правило, между их знаниями, умениями и навыками, приобретенными в процессе обучения, есть большее сходство, чем между отдельными чертами их характера или вкусами. Один и другой может примерно одинаково знать математику, физику, географию и другие предметы в соответствии с требованиями программы. Но из этого не обязательно следует, что оба они применяют свои знания (умения и навыки тоже) в одном и том же направлении. Один может стремиться к тому, чтобы помочь товарищу, чтобы увлечь за собой менее успевающих и т. д., а другой — к тому, скажем, чтобы быть на хорошем счету, чтобы при случае прихвастнуть и т. д. Но оба эти ученика могут стать курсантами военного училища или солдатами срочной службы. Совершенно очевидно при этом, что цели воспитания одного и другого не совпадут, и от воспитателя потребуется сугубо индивидуальный подход. Поскольку же в подразделении не два человека, а значительно больше и каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, постольку планирование и организация воспитательной работы представляет собой чрезвычайно сложное дело.

М. И. Калинин в речи на вечере, посвященном чествованию учителей-орденоносцев, говорил: «Вы прекрасно знаете, что не только в начальных школах, но и в средних школах марксизм глубоко не изучается. Но когда мы говорим о коммунистическом воспитании, мы имеем в виду не изучение доктрины марксизма, а именно воспитание. Огромная разница между обучением и воспитанием! Начаткам арифметики учеников 1-го класса и я могу обучать, а вот воспитание — это куда более сложное дело... Воспитание — это одна из самых трудных задач, я говорю о настоящем, правильном воспитании»¹.

И в речи на совещании секретарей партийных организаций Москвы М. И. Калинин подчеркивал, что «воспитывать гораздо труднее, чем учить, давать образование...»²

В заключение характеристики такой особенности воспитания, как сложность (по сравнению с обучением), следует обратить внимание на то, что если у людей есть различие между знаниями, умениями и навыками, являющимися результатом обучения, то это различие в соответствии с требованиями программы может быть преодолено в более короткие сроки и с меньшими трудностями, чем различие в мировоззрении, в нравственных качествах, в направленности личности и в характере, вырабатывающихся в результате воспитания.

Сложность воспитательного воздействия на воина и сложность формирования его личных морально-боевых качеств обязывают к тому, чтобы вся воспитательная работа тщательно, с пониманием дела планировалась и строилась не по шаблону, не по общим

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воениздат, 1958, стр. 311—312.

² Там же, стр. 525.

рецептам, а творчески и гибко в соответствии с конкретными запросами жизни подразделения, части и т. д.

Сложность процесса воспитания усугубляется еще и тем обстоятельством, что результаты этого процесса не поддаются такой точной и всесторонней проверке, как результаты обучения. Нельзя по-настоящему проверить, например, честность и правдивость человека при помощи письменного или устного экзамена или на практических занятиях, как это делается в отношении знаний уставов и материальной части оружия, или по умению водить боевую машину, вести прицельный огонь и т. д. Однако это вовсе не значит, что уровень воспитания воина не может быть обнаружен. Результаты воспитания проверяются путем анализа поступков человека и его деятельности в целом. Но для того чтобы не ошибиться, чтобы не впасть в односторонность, воспитателю необходимо хорошо знать тех, кого он воспитывает, повседневно и систематически изучать воспитуемых.

Особенно остро вопрос проверки результатов воспитания стоит в системе воинской деятельности. Это объясняется тем, что результаты воспитания, осуществляемого в условиях мирного времени, должны соответствовать требованиям, которые будут поставлены перед человеком в условиях боя. Такое положение явно ведет к усложнению воспитательного процесса, к усложнению учета влияния результатов воспитания на поведение воина в будущем при решении им боевых задач. Проверить же знания, умения и навыки, являющиеся результатом обучения, значительно проще и легче.

Результаты обучения и воспитания осознаются человеком далеко не одинаково четко и полно. Это зависит от того, что всякое знание (умение или навык), приобретенное в процессе обучения, ближе к практической деятельности человека, чем сложные качества, сформированные в процессе воспитания, характеризующие человека как личность. Так, например, даже ученики младших классов в состоянии осознать, чему они научились в течение урока по русскому языку или что нового они узнали на уроке арифметики. Это легко поддается проверке и самопроверке. Результаты же воспитания осознаются учащимися с трудом или вовсе не осознаются.

Чтобы правильно осознавать результаты воспитания, человек должен быть на соответствующем уровне развития. Солдат и матрос, сержант и старшина, так же как и курсант военного училища, конечно, осознают результаты не только обучения. Они осознают и свои собственные новые качества, которые приобретаются в процессе воспитания. Больше того, они осознают и то, какими качествами они должны обладать как воины, и сами прикладывают усилия к тому, чтобы под руководством командира сформировать у себя эти качества. Но это не снимает сложности осознания результатов воспитания и их оценки самим воспитуемым. Например, солдату не всегда ясно, стал ли он храбрее или честнее, чем был два, три или даже больше месяцев тому назад, стал ли он за это

время более наблюдательным, сообразительным, находчивым и т. д. В этом отношении бывают случаи как самопероценки, так и самонедооценки результатов воспитательной работы.

Сложность осознания результатов своего воспитания преодолевается тем, что человеку легче оценить качества других людей, которые воспитываются вместе с ним, и путем сравнения себя с товарищами он правильнее оценивает свои достоинства и недостатки. Это особенно важно иметь в виду потому, что в практике бывает немало случаев, когда человек осознает возникновение у него нового качества или усовершенствование старого, но он быстро свыкается с ним и как бы перестает его замечать. Вместе с этим он может не осознавать своих собственных серьезных изменений как личности. В силу этого солдат может как бы не заметить, что в течение всего срока службы у него повысились и закрепились такие качества, как политическая сознательность, чувство долга, дисциплинированность. Но зато после окончания срока службы при встрече со своими старыми товарищами по работе или учебе и с друзьями, с которыми он не виделся длительное время, ему обязательно скажут об изменениях отдельных черт его характера, о его новых привычках, стремлениях и т. д.

То обстоятельство, что человеку легче осознать свои личные качества, являющиеся результатами воспитания, через осознание аналогичных качеств своих товарищей, важно учитывать при решении задач боевой и политической подготовки войск и ориентировать каждого воина на сравнение себя с отличниками боевой и политической подготовки. Вместе с этим командир, политработник помогают своим воспитанникам осознавать их положительные и отрицательные качества, успехи и неудачи. В этом отношении пропаганда передового опыта обучения и воспитания, опора на положительное активизируют деятельность воспитателей и воспитанников и способствуют преодолению многих трудностей формирования личности воина.

В работе по воспитанию воинов чрезвычайно велика роль положительного личного примера командира, политработника и товарищеского воздействия воспитуемых друг на друга. Но для того чтобы командир или политработник смог оказать воспитательное воздействие на своих подчиненных личным примером, ему необходимо хорошо знать военное дело, свою военную специальность, четко выполнять свой воинский долг, иметь высокие морально-политические качества: преданность Родине, хорошую политическую подготовку, строгость и справедливость, требовательность и уважение к подчиненным, а также постоянную заботу о их нуждах и т. д.

Все это предъявляет высокие требования к командиру как воспитателю. При этом необходимо учитывать, что между командиром-воспитателем и подчиненным-воспитанником не такое различие, как, скажем, между учителем и учеником средней общеобразовательной школы или преподавателем профессиональной школы и его учениками. Сержант — командир отделения, расчета или эки-

пажа — может быть одного возраста со своими подчиненными и может иметь с ними одинаковый уровень общего культурного развития. Командир взвода — офицер, недавно закончивший военное училище, по общей грамотности и культурному уровню так же, как и по возрасту, может не очень отличаться от своих подчиненных — солдат и сержантов срочной службы. Вот почему командиры-воспитатели много работают над повышением своей квалификации, чтобы быть авторитетными и служить примером для своих подчиненных-воспитанников.

Каждый командир должен уметь так организовать своих подчиненных, чтобы они в интересах боевой и политической подготовки воздействовали друг на друга и воспитывали у своих товарищей по подразделению необходимые морально-боевые качества и помогали их осознавать и оценивать с точки зрения их общественной полезности.

Говоря о воинском воспитании, следует подчеркнуть, что оно иногда выступает в достаточно открытой форме и является как бы самоцелью в деятельности командира-воспитателя. Именно об этом свидетельствуют метод убеждения, система поощрений и наказаний, различного рода упражнения, специальные команды для повторных действий в строю при овладении боевой техникой и оружием и т. д. Эта особенность процесса воспитания в силу своей очевидности осознается воспитуемыми относительно легче, чем сложные личные качества, являющиеся результатами воспитания. И это важно учитывать при организации и осуществлении процесса воинского воспитания, потому что при сложности осознания положительных результатов воспитания и относительной легкости осознания самого процесса воспитания, т. е. осознания соответствующих форм, мер и средств воздействия на воспитуемого, у него может возникнуть неодинаковое внутреннее отношение к тому, как на него воздействуют, и к тем целям, ради которых проводится это воздействие. Так, например, солдат может одобрительно относиться к тому, чтобы у него были сформированы такие качества, как аккуратность, точность, исполнительность и т. д. Но ему может не понравиться строгая и последовательная требовательность, без которой невозможно формирование названных качеств. И это понятно, так как при помощи соответствующих методов и приемов воспитания можно задеть самолюбие солдата, его чувство собственного достоинства и т. д.

За внутренним отношением воина к процессу воспитания и его результатам необходимо следить и в случае необходимости исправлять этот процесс путем соответствующих разъяснений и других способов мобилизации сознания, черт характера, способностей, темперамента и т. д. Сложность выработки правильного отношения к процессу воспитания зависит еще и от того, что этот процесс осознается воинами в намеренном или невольном сравнении с процессом обучения. А к процессу обучения через осознание его полезности люди, как известно, относятся внутренне положительно. Так, например, солдату срочной службы приятно осознавать, что

он научился метко стрелять, преодолевать водные рубежи, быстро «изготавливаться» к ведению боевых действий и т. д. Вместе с тем он доволен, что в результате обучения понял объяснение или рассказ командира, верно воспринял показ, научился сберегать технику и т. д.

Наличие правильного внутреннего отношения к процессу обучения объясняется очевидной близостью этого процесса к выработке знаний, навыков и умений, без которых не может быть и речи о боеготовности воина.

Раз могут встретиться случаи неодинакового внутреннего отношения воина к процессу его воспитания и к процессу его обучения — это значит, что такому воину надо помочь осознать единство этих процессов, осознать их взаимодействие.

Необходимо, чтобы солдаты и матросы уяснили себе, что результаты обучения в силу объективных закономерностей неизбежно оказывают влияние на личные качества, которые являются результатом воспитания. Пусть они уяснят, что даже знания в области арифметики, умение решать задачи определенных типов и навыки производящие соответствующие арифметические действия оказывают воспитывающее влияние на умственные качества человека, причащая его, например, к строгой логичности и последовательности при решении других, не арифметических задач, к обстоятельности и аргументированности своих умозаключений и т. д.

Пусть солдаты и матросы уяснят, что многие знания, умения и навыки, которые, на первый взгляд, как бы не имеют прямого отношения к овладению военным делом, оказывают на них положительное воспитательное воздействие. Так, например, правильное знание советскими воинами целей и задач своей деятельности усиливает веру в правоту своей миссии, а умение, скажем, обслужить себя в бытовом отношении может усилить чувство самостоятельности, повысить требовательность к себе и т. д. Каждый воин должен знать, что обучение по своей сущности является воспитывающим и что без обучения в принципе невозможно воспитывать человека.

Особенно ясно должны осознавать это положение те, кому доверено дело обучения и воспитания, дело формирования личности советского воина. Однако, признавая это принципиально правильное положение о воспитывающем обучении, они не должны уделять внимание только процессу обучения, надеясь на то, что воспитательная работа осуществляется сама собой, автоматически, самоотеком. Именно такое одностороннее, неправильное понимание воспитательного значения обучения критиковал А. С. Макаренко. Еще в 1938 году он говорил: «У нас среди педагогических мыслителей нашего времени и отдельных организаторов нашей педагогической работы есть убеждение, что никакой особенной, отдельной методики воспитательной работы не нужно, что методика преподавания, методика учебного предмета должна заключать в себе и всю воспитательную мысль. Я с этим не согласен. Я считаю, что воспитательная область — область чистого воспитания — есть в не-

которых случаях отдельная область, отличная от методики преподавания»¹.

Еще острее ставил этот вопрос А. С. Макаренко, когда высказывал отрицательное отношение к ряду статей на педагогические темы, авторы которых неправильно истолковывали соотношение обучения и воспитания, считая, что в процессе обучения, собственно, и решаются воспитательные задачи. «А что сказано в этих статьях по вопросу о воспитании воли, мужества и целеустремленности?» — спрашивал он. И дальше отвечает: «Эти вопросы фактически сняты с очереди, как и многие другие вопросы воспитания. Эти вопросы спрятаны в хитром переплете псевдонаучной болтовни, прикрыты устаревшим и совершенно чуждым для нас утверждением, что никаких отдельных вопросов воспитания нет, что воспитание неразрывно связано с образовательным процессом»². Эти слова А. С. Макаренко еще не устарели. И в настоящее время под термином «воспитывающее обучение» иногда кроется отождествление понятий и, следовательно, процессов обучения и воспитания и попытки уйти от решения ответственных и трудных задач именно воспитания.

А ведь известно, что иногда проводятся отдельные мероприятия, воздействующие на человека и не ставящие цели образования у него новых знаний, умений и навыков. К таким мероприятиям могут относиться, например, напоминание воинам о долге и служебных обязанностях, призывающее к мобилизации сил на преодоление тех или иных трудностей или устранение каких-либо недостатков, призыв к равеннию на передовых и т. д. Такого рода воздействия на воспитуемого, как бы не прибавляя ничего нового к совокупности знаний, умений и навыков, могут мобилизовать уже имеющийся у человека опыт и направить его по соответствующему руслу. Но когда происходит такая мобилизация и осуществляется деятельность человека, то это оказывает на него большое воспитательное влияние.

Учет специфики процессов и результатов обучения и воспитания дает возможность осуществить индивидуальный подход к боевой и политической подготовке советских воинов. Так, например, для формирования такого качества, как храбрость, используется несение караульной службы (вплоть до выбора и назначения командиром места-поста с учетом времени года, суток), для физической закалки — марш-бросок, поход на лыжах, для воспитания дисциплинированности — требовательность, контроль.

Из этого следует, что в процессе обучения и воспитания необходимо ориентироваться не только на уровень приобретаемых знаний, умений и навыков. Главное, конечно, не в этом. Главное здесь в том, каким идеям, каким взглядам и убеждениям будет подчинено то, что приобретается в процессе обучения, и в каком направлении оно используется в практической деятельности человека. Из-

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 111.

² Там же, стр. 423.

вестно, что четкость и последовательность мысли могут служить как хорошему, так и плохому делу, а аккуратность и исполнительность могут быть пассивными и безынициативными. Вот почему процесс обучения в конечном счете должен быть подчинен воспитательным целям.

Это положение имеет большое значение в деле боевой и политической подготовки войск, так как воину в соответствии с его идейной направленностью приходится применять свои специальные знания, навыки и умения в чрезвычайно сложных и опасных условиях современного боя, который предъявляет каждому воину особо высокие и строгие требования. Курсантов военных училищ, будущих офицеров, также необходимо готовить с таким расчетом, чтобы они могли правильно обучать и воспитывать своих подчиненных. Известны случаи, когда молодой малоопытный офицер неплохо справляется с задачами обучения и испытывает большие трудности при организации процесса воспитания. Часто он обучает так, как обучали его. Что же касается воспитания, то он не может перенять способы и приемы своих воспитателей, во-первых, потому что они не так очевидны, как методы обучения, и, во-вторых, потому что воспитанники, требования и условия воспитания совсем другие.

В связи с характеристикой особенностей обучения и воспитания воинов необходимо специально затронуть вопрос о специфике функций, выполняемых командиром.

Командир — это прежде всего начальник для своих подчиненных. Он, вместе с тем их учитель и воспитатель, а рядовой и сержантский состав — подчиненные, учащиеся, воспитывающиеся в процессе несения срочной службы. В силу этого объективного условия процесс формирования личности воинов различных категорий имеет свои особенности, которые заключаются в характере конкретных целей военного обучения и воспитания и в характере взаимоотношений командира со своими подчиненными.

В чем же реально проявляются особенности, о которых идет речь?

1) В условиях мирного времени командир подразделения (отделения, взвода) организует обучение и воспитание своих подчиненных, учитывая, что ему вместе с ними, возможно, придется действовать в условиях боя. Это обстоятельство обязывает командира хорошо знать своих подчиненных, знать, как они подготовлены и на что способны. Те, кого учит и воспитывает командир, кто готовится к тому, чтобы вместе с командиром и под его руководством идти в бой, кроме военного дела, вольно или невольно изучают друг друга и командира.

Учитывая эту особенность жизни и быта, обучения и воспитания воинов, командиры и политработники стремятся к тому, чтобы сплотить свое подразделение или часть, привить воинам чувство коллективизма, войскового товарищества и дружбы, взаимопомощи и взаимодействия. Такое стремление вместе с проводимыми мероприятиями формирующе влияет и на личность самого командира. В связи с характером командирской деятельности у него со-

вершенствуются такие личные качества, как потребность и умение индивидуально подойти к каждому своему подчиненному, как умение организовать правильное, высокоэффективное взаимоотношение между своими подчиненными, как примерность своего поведения в быту и при исполнении служебных обязанностей, как чувство доверия к своим подчиненным и уверенность в успехе их действий в процессе подготовки и в условиях боя и многое другое, что характеризует командира как центральную фигуру в организации и проведении боевых действий во время войны и процессов обучения и воспитания в условиях мирного времени.

2) Командир является не просто учителем и воспитателем. Он единоначальник, и его власть над подчиненными в пределах, определяемых уставами, является полной. Солдаты, матросы, сержанты и старшины, все подчиненные командиру военнослужащие обязаны в любую минуту беспрекословно, точно и в срок выполнять все его приказание.

Командир-единоначальник организует всю деятельность и быт своих подчиненных. Ему вверена их жизнь во время боевой подготовки так же, как и во время ведения боевых действий. Следовательно, подчиненные военнослужащие — это особые подчиненные. Поэтому в процессе обучения и воспитания у военнослужащих вырабатывается привычка беспрекословно повиноваться своему командиру, честно выполнять возложенные на них обязанности, нести ответственность за невыполнение указаний и приказаний начальников. Вместе с этим у них усиливается чувство долга, уважение к командиру и т. д.

У командира при исполнении им своих обязанностей также формируются необходимые ему личные качества, такие, например, как навыки командования своими подчиненными и т. д. Командир учится управлять своими подчиненными с учетом их индивидуальных особенностей, давать указания и распоряжения и нести ответственность за них.

3) Командир обучает своих подчиненных, и в этом отношении он выступает в роли учителя. Но это особого рода учитель. Он учит своих подчиненных тому, что необходимо для успешного ведения боевых действий. Вместе с этим он практически учит своих подчиненных, как надо жить и работать, как передавать свой опыт более молодым и менее подготовленным товарищам.

Командир имеет своих ближайших помощников — сержантов и старшин, а также партийный и комсомольский актив. Основная масса этих помощников живет вместе с солдатами и имеет возможность изучать их и проводить с ними работу круглосуточно.

Офицер приучается опираться на сержантов и старшин, доверять им и заботиться о росте их педагогической культуры и методического мастерства.

4) Командир не только обучает своих подчиненных, но и воспитывает их. Он имеет в своем распоряжении самые сильные, самые действенные методы и средства воспитания подчиненных. Так, например, убеждение как основной метод воспитания может оказать

очень большое воздействие хотя бы в силу того, что воспитуемый все время находится в распоряжении воспитателя, что воспитатель в целях убеждения может использовать личный пример и показ, а также различные виды поощрений. Командир может использовать и метод принуждения. Ведь известно, что такими дисциплинарными правами, какие даны командиру, не обладает ни один другой воспитатель.

Командиру в его воспитательной работе оказывают самую активную и непосредственную помощь партийные и комсомольские организации подразделения. Тот командир добьется успехов в воспитательной работе с подчиненными, который умело и всегда опирается на партийную и комсомольскую организации, на беспартийный актив.

В распоряжении командира имеется и такое могучее воспитательное средство, как специально организованный режим и соответствующий ему распорядок дня.

Эти объективно выступающие условия ставят офицеров и его подчиненных перед необходимостью формировать у себя такие личные качества, как правильное внутреннее отношение к способам и средствам убеждения и поощрения, как стремление следовать положительному примеру, который подается командиром, как уважение к командиру, полностью отдающему силы и энергию обеспечения боевой готовности своих подчиненных, как стремление коммунистов и комсомольцев помочь командиру решать задачи по воспитанию всех воинов и т. д. У подчиненных вместе с тем командир вырабатывает правильное, положительное отношение к поддержанию воинского уставного порядка и установленного режима и распорядка дня, что в большой степени способствует формированию необходимых им личных качеств.

Выполняя служебные обязанности по воспитанию своих подчиненных, командир попадает в такие условия, при которых у него самого формируются необходимые командиру-воспитателю качества.

5) Командир всегда имеет своего непосредственного начальника и по отношению к нему является подчиненным. В силу этого командиру приходится подчиняться так же, как подчиняются ему его подчиненные. Благодаря этому в процессе деятельности у каждого командира формируются и совершенствуются такие личные качества, как потребность быть точным и исполнительным, как умение активизировать свои усилия при решении поставленных начальником задач, как стремление учиться у своего начальника искусству управлять своими подчиненными и т. д.

И эта особенность деятельности командира учитывается при решении задач обучения и воспитания во всех звеньях боевой и политической подготовки войск.

6) Командир, обучая и воспитывая своих подчиненных, в то же время сам систематически учится и воспитывается. Так, в процессе тактических учений, управляя деятельностью своего подраз-

деления, командир под руководством своих прямых и непосредственных начальников сам приобретает и совершенствует необходимые ему знания, навыки и умения, благодаря которым он при решении тактических задач может быстрее сориентироваться, проявить большую решительность, самостоятельность и т. д. Вместе с тем у командира повышается искусство обучаться самому и обучать своих подчиненных, т. е. повышается его педагогическая культура и методическое мастерство. И это учитывается при подготовке как офицеров, так и рядовых солдат, матросов, сержантов и старшин срочной службы.

7) Командир обязан систематически повышать свою квалификацию и совершенствовать свои военные и политические знания, а также командирские навыки. Выполнение этого требования неизбежно активизирует деятельность офицеров. В связи с этим у них создается умение из многих вопросов и дел выделить наиболее важное и нужное и подчинить этому все второстепенное. Это приводит к тому, что офицеры приучаются видеть новое в военном деле и преодолевать старое, отжившее, что мешает дальнейшему движению вперед. Под влиянием этих моментов у каждого из них усиливается стремление к сочетанию своего индивидуального роста с задачами повышения боеспособности подразделения, части и т. д. Видя непрерывный рост знаний и умений у своих командиров, воины также будут стремиться подражать им, т. е. повышать свои военные и политические знания, свое боевое мастерство.

8) Командир должен заботиться об удовлетворении материальных и культурных потребностей своих подчиненных, об их быте и здоровье. Забота о подчиненных является такой же важной обязанностью офицера, как и обязанность обучать и воспитывать их.

У командира и политработника всегда бывает потребность в знании запросов и интересов своих подчиненных, стремление к их удовлетворению, а это свидетельствует о формировании у командира таких личных качеств, как чуткость, внимательность. Кроме того, у него вырабатывается умение создать благоприятные условия жизни и быта своих подчиненных, умение оценить их потребности и, развивая положительные из них, преодолевать те, которые не способствуют повышению боеготовности подразделения.

Выполнение рассматриваемого уставного положения формирует сложные личные воинские качества и у рядовых солдат, матросов, сержантов и старшин. К таким качествам относятся: чувство уважения к командиру и политработнику, рост в глазах солдат их авторитета, готовность ответить чуткостью и внимательностью на требовательность командира; любовь к командиру и политработнику, готовность, не жалея своих сил, крови и даже жизни, беречь их в бою, осознание общности своих интересов, интересов офицеров и интересов всего советского общества.

9) Командир и его подчиненные занимаются делом огромной важности. Им доверена вооруженная защита своего Советского государства, интересов своего народа, успешно строящего под руко-

водством Коммунистической партии коммунистическое общество. На них возложена большая юридическая и моральная ответственность. В связи с этим в силу своего служебного положения и выполнения обязанностей у командира формируются такие качества, как умение показать своим подчиненным характер задач, которые стоят перед Вооруженными Силами, помочь подчиненным осознать свое место, роль и ответственность в решении этих задач, умение систематически воздействовать на своих подчиненных с целью их обучения и воспитания, активизировать их деятельность путем мобилизации чувства долга и т. д.

Специфика воинской деятельности влияет также и на формирование личных качеств рядовых военнослужащих. У них, например, формируется правильное внутреннее отношение к исполнению служебных обязанностей, к себе как к советскому воину, защитнику первого в мире советского государства, формируется чувство ответственности за общее дело, как за свое личное, укрепляется стремление с честью выполнить свой долг перед Родиной.

10) Командир предъявляет своим подчиненным максимально высокие требования и систематически контролирует их деятельность. Это является его прямой служебной обязанностью. Но для того чтобы требовать от других и для того чтобы их контролировать, командиру необходимо поставить перед собой такие же требования и уметь себя контролировать. Без повышенной требовательности к себе и без самоконтроля невозможно повысить требования к подчиненным, так как односторонняя требовательность не способствует росту самого командира, становится формальной, беспредметной и превращается в необоснованную придирчивость. А это, как известно, ведет к потере авторитета и отнюдь не способствует успеху обучения и воспитания подчиненных. Надо подчеркнуть в этой связи, что проявление требовательности и осуществление контроля за деятельностью подчиненных представляют довольно большие трудности, так как здесь необходима систематичность и знание дела, с которым связана требовательность. Нельзя, например, требовать от командира от подчиненных того, чего не знает, не умеет делать сам командир. Но это положение нельзя понимать формально и абсолютизировать. Ведь каждому воину известно, что в соединении может быть пулеметчик лучше, точнее стреляющий, чем, скажем, командир соединения. Может быть лучшим радист, радиолокаторщик и т. д. Но командир соединения или командир части обязан знать общие закономерности деятельности своих подчиненных настолько, чтобы предъявлять свои требования к их совершенствованию правильно, в соответствии с интересами боевой и политической подготовки.

Кроме того, в требовательности командира и политработника есть моральные трудности. Это объясняется тем, что требующий как бы толкает того, к кому предъявляются требования, на те или иные действия. Значит, для того чтобы требовать и контролировать, нужно обладать высокими деловыми и нравственными (моральными) качествами.

Трудность в осуществлении требовательности состоит еще и в том, что она должна быть постоянной и систематической. Это дело усложняется и тем, что мера требовательности не может быть точно определена какими-либо официальными документами и указаниями. Командир в данном случае должен сам определить, с кого, что и как требовать.

Но и каждый подчиненный, проходя курс военного обучения и воинского воспитания, обязан предъявлять к себе и своим товарищам самые высокие требования.

Сказанное о специфике функций, выполняемых командиром, о специфичности взаимоотношений командира и его подчиненных при исполнении служебных обязанностей свидетельствует о том, что процессы военного обучения и воинского воспитания действительно характеризуются рядом особенностей, которые необходимо учитывать в практике подготовки войск.

Какими же должны быть знания, навыки, умения и нравственные (моральные) качества воинов? Ответ на этот вопрос должен показать, на что ориентируют опытные командиры процесс обучения и воспитания и чего они стремятся добиться в своей работе.

Знание — это правильное отражение человеком объективно существующих предметов и явлений в их причинно-следственных связях и отношениях. Основные знания человек приобретает в процессе труда и обучения. Что касается знаний воина, то они должны обладать такими свойствами, как глубина, гибкость, прочность и действенность. Перечень этих свойств указывает, что в данном случае речь идет не о том, что должен знать воин, не об объеме знаний (это определяется программой), а о том, как он должен знать в соответствии с требованиями уставов, наставлений и приказов и в конечном счете в соответствии с требованиями боя.

Глубина знаний измеряется тем, насколько правильно отражаются воином сложные явления и как глубоко познаются им закономерности, порождающие эти явления. Например, знания снайпера характеризуются большей глубиной, чем аналогичные знания рядового стрелка, потому что снайпер улавливает более глубокие связи и отношения между полетом пули и движением воздуха, между полетом пули и состоянием погоды, между полетом пули на суше и полетом той же пули через реку и т. д. Глубина знаний проявляется при решении огневых, технических, тактических и всех других задач и не только проявляется, но и совершенствуется. Это значит, что в процессе обучения воины путем разъяснений и упражнений в решении задач различного рода вооружаются глубокими знаниями. Например, обучаясь, механик-водитель должен овладеть знанием не только материальной части танка, а и принципом его устройства. Такое знание может быть использовано для того, чтобы при встрече с новой техникой овладеть ею без особого труда и применить по назначению.

Гибкость знаний измеряется тем, насколько воин сможет использовать свои знания в меняющихся условиях. Значение гибко-

сти знаний определяется тем обстоятельством, что воин обучается в условиях, нетождественных с боевыми. В боевых условиях ему придется действовать сначала в соответствии со старыми знаниями и совершенствовать их в соответствии с требованиями новых для него условий. Таким образом, гибкость знаний необходима для того, чтобы воин мог быстро освоиться с новыми боевыми условиями и успешно решать боевые задачи.

Прочность знаний измеряется тем, насколько они устойчивы в сложных условиях боя, и тем, как долго они могут сохраняться. Это очень важное качество знаний, ибо без него под влиянием внешних условий боя и огромного внутреннего напряжения знания могут как бы растеряться, а воин — лишиться возможности успешно действовать. Важность прочности знаний определяется еще и тем, что знания приобретаются воином иногда задолго до того, как ему придется действовать в бою, и поэтому они должны сохраняться длительное время.

Глубина, гибкость и прочность знаний обеспечивают их действительность.

Действенность знаний представляет собой возможность человека воплощать свои знания в свои практические действия в различных условиях, направленные на решение стоящих перед ним задач. Это чрезвычайно важное качество знаний, так как от него зависит характер поведения воина в бою.

Таковы основные качества знаний, которые получает воин в процессе обучения. Следует при этом обратить внимание на то, что когда речь идет о глубине, гибкости, прочности и в целом о действительности знаний воина, то имеются в виду знания, непосредственно связанные с выполняемыми обязанностями и специальностью воина. Совершенно очевидно, например, что летчик может и не иметь таких глубоких знаний в области авиационной техники, какими обладает конструктор самолета, но зато он как пилот должен обладать более глубокими знаниями, связанными с пилотированием самолета. Так же обстоит дело и с другими качествами знаний.

Знания могут и должны оцениваться с точки зрения их правильности. Знания непосредственно связаны с предвидением. Предвидеть — это значит знать закономерности возникновения и развития явлений, знать не только то, что есть, но и то, что будет.

Что же касается навыков, то они должны рассматриваться в основном как автоматизированные действия, представляющие собой моменты или составные части сознательной деятельности человека. Характеризуя физиологические основы автоматизированных действий, И. П. Павлов говорит: «Разве это не обычная вещь, что мы, занятые главным образом одним делом, одной мыслью, можем одновременно исполнять другое дело, очень привычное для нас, т. е. работать теми частями полушарий, которые находятся в известной степени торможения по механизму внешнего торможения, так как пункт полу-

шария, связанный с нашим главным делом, конечно, является тогда сильно возбужденным?»¹.

Роль автоматизировавшихся действий чрезвычайно велика в бою, ибо они как бы высвобождают сознание и волю воина от излишней распыленности и дают возможность сосредоточиться на основной цели боя. Вот почему в процессе обучения и воспитания воина многие его действия необходимо доводить до полной автоматизации. Трижды Герой Советского Союза И. Кожедуб рассказывает о своей учебе следующее: «Мы долго осваивали посадку в самолет. Сначала садишься неуклюже, делаешь много лишних движений. Надо знать, куда ставить ногу, как влезать в кабину.

...Нужно на земле отработать все необходимые навыки, научиться правильно вести себя в полете потому, что в воздухе нельзя тратить время на долгие размышления...

Благодаря ежедневной наземной тренировке я уже чувствовал себя в самолете уверенно и привык все делать по порядку. Достиг того, что называется автоматизацией движений»².

Без автоматизированных действий, т. е. без действий, имеющих четко и прочно установившиеся нервные механизмы, воин не смог бы поддерживать организованное взаимоотношение с внешними условиями своей деятельности. В бою под воздействием раздражителей чрезвычайной силы он дезориентировался бы и потерял цель боя, не смог бы управлять своим поведением. Наличие же необходимых навыков помогает воину, например, во время броска в атаку сосредоточить сознание на цели атаки и на главнейших средствах ее достижения. В то же время в процессе активной и напряженной деятельности атакующий производит отдельные автоматизированные действия, такие, как перезарядка оружия и даже производство выстрела. В случае же каких-либо помех или затруднений автоматизированные действия привлекают к себе сознание, становятся сознательными и не только целесообразными, но и целенаправляемыми. Это значит, что если, например, у пулеметчика во время атаки пулемет действует безотказно, то его сознание сосредоточено не на пулемете и не на своих действиях, при помощи которых ведется стрельба, а на целях, по которым ведется огонь, на взаимоотношении с товарищами и т. д. Но при возникновении той или иной технической неисправности сознание бойца моментально обращается к пулемету и сосредоточивается на ее устранении.

Таким образом, если для знаний наиболее существенным является соответствие объекту познания, т. е. реально существующей действительности, с одной стороны, и практической деятельности, что выражается в ее планировании, — с другой, то для навыков наиболее характерно то, что они являются способами осуществления деятельности человека.

Из этого следует, что между знаниями и навыками человека

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. IV, АН СССР, 1951, стр. 428.

² И. Кожедуб. Служу Родине, Лениздат, 1950, стр. 67—68.

нельзя поставить знака равенства. Так, например, можно знать правила ведения прицельного огня из автомата или правила вождения танка, но если нет необходимых навыков и воин вынужден контролировать каждое свое отдельно взятое действие, то деятельность в целом, т. е. прицельная стрельба или управление танком, не будет успешной.

Однако необходимо подчеркнуть, что между знаниями и навыками человека имеется не только различие, но и теснейшая связь и взаимная обусловленность, так как и знания и навыки формируются и применяются в едином по своей сущности процессе деятельности человека. Если воин не будет знать, каковы цели боевых действий, если он не будет знать, как нужно решать боевую задачу на основе учета конкретных обстоятельств, то никакие навыки ему не помогут. В лучшем случае он использует имеющиеся у него навыки для частных действий, зависящих от отдельных моментов ситуации боя. Но даже в этом случае необходимо оценивать отдельные моменты ситуации, необходимо знать, что они собой представляют.

Навыки воинов, приобретаемые в процессе обучения и воспитания, должны характеризоваться гибкостью, прочностью и сложностью. Эти качества следует иметь в виду в первую очередь при решении задач военного обучения и воинского воспитания.

Гибкость навыков нужна для того, чтобы они могли «переноситься», чтобы они нашли свое применение в обстановке боя, отличающейся от учебной обстановки, в которой эти навыки формировались.

Прочность навыков необходима и для того, чтобы сложные навыки в случае перерыва в деятельности сохранились как можно дольше, так как иногда они утрачиваются быстрее, чем знания (у летчиков, например). Прочность навыков играет большую роль еще и в том отношении, что в чрезвычайно напряженной боевой обстановке автоматизированные движения и отдельные действия воина являются как бы костяком или необходимой опорой его сознательной деятельности. Это дает ему возможность максимально сосредоточиться на деятельности в целом, т. е. на решении боевой задачи.

Сложность навыков необходима для того, чтобы воин, не затрачивая большой умственной работы, мог управлять сложной боевой техникой и оружием и в то же время сосредоточивать свое сознание на событиях, которые развертываются на поле боя, следить за поведением противника и т. д.

В общем, можно сказать, что навыки воинов должны находиться в неразрывном единстве с их знаниями, а знания должны реализовываться в поступках при помощи навыков. Только тогда знания будут действенными.

Но для навыков, формируемых в процессе обучения и воспитания, существенным является и то, что они вызывают особое отношение к себе со стороны обучаемого, особое их осознание. Дело в том, что выработка и совершенствование навыков воина в усло-

виях учебной деятельности могут стать для него как бы самоцелью. В боевой же обстановке реальные цели, связанные с наличием противника и с достижением победы над ним, выступают с такой актуальностью, что формирование навыков психологически подчинено этим целям и осуществляется как бы попутно.

Так кратко можно рассказать о качествах навыков, необходимых воину.

При выработке навыков необходимо руководствоваться правилом, согласно которому сознательно контролируемые действия становятся автоматизированными в результате повторения действий в одинаковых или сходных условиях. Необходимо иметь в виду, что результаты повторно осуществляемых действий должны быть известны как тому, кто руководит выработкой навыков, так и тому, у кого они формируются. Кроме того, и это очень важно, необходимо, чтобы цель выработки навыков и, следовательно, повторения нужных движений были известны тому, кто упражняется, тренируется, тому, у кого вырабатывается навык.

Очень важно также следить за процессом формирования навыков по отдельным моментам. Согласно данным психологии можно указать на четыре важнейших момента, характеризующих формирование навыков.

Первый из них заключается в объединении ряда частных действий в одно целостное действие. Поэтому такой, например, навык, как производство прицельного выстрела, состоит из ряда объединенных действий. Известно, что начинающему стрелку приходится специально контролировать положение своего тела — позу, следить за положением оружия и за многим другим. Кроме того, он должен правильно соотнести мишень, мушку и прорезь прицела и не забывать о плавности спуска, о дыхании и т. д. До тех пор пока все эти частные действия не сольются воедино, о навыке ведения прицельного огня не может быть и речи. Так же обстоит дело с навыками, необходимыми при вождении танка, самолета и т. д.

Второй момент, характеризующий формирование навыков, заключается в устранении излишних движений и напряженности. Известно, что начинающий стрелок, еще не имеющий твердых навыков, совершает ненужные для производства выстрела и даже мешающие ему действия, например сильный зажим автомата рукой. Кроме того, он испытывает напряженность всего тела (особенно когда ждет выстрела). Без устранения излишних движений и напряженности невозможно стать хорошим стрелком. То же можно сказать об артиллеристе, связисте, о летчике, танкисте и т. д.

Третий момент заключается в ослаблении роли зрительного и увеличении роли двигательного контроля. Это значит, что хороший стрелок не нуждается в том, чтобы смотреть на положение своих рук, ног и других частей тела, на то, в каком положении находится оружие и т. д. Все это он

чувствует одновременно, так как каждое движение при изготовке к стрельбе непосредственно вызывается двигательным ощущением от предыдущего движения.

И, наконец, четвертый момент — это возможность осуществления деятельности разными способами и приемами. Это положение можно также иллюстрировать анализом навыков стрелка. Навыки хорошего стрелка могут быть реализованы не только в том случае, когда ему удобно стоять или лежать, а его ноги, туловище и локти находятся в таком положении, как его этому учили. Хороший стрелок потому и считается хорошим, что его навыки не окостеневшие, а внутренние подвижные и частично или полностью сравнительно легко перестраивающиеся. И это относится ко всем воинам независимо от рода войск.

Таковы основные моменты, характеризующие в общей сложности процесс формирования навыков. Учет этих моментов дает возможность установить, насколько успешно идет выработка тех или иных навыков и на что следует обратить внимание в организации повторных действий.

В заключение характеристики навыков следует заметить, что навыки бывают не только двигательными. В процессе деятельности у человека автоматизируются отдельные мыслительные процессы и чувства. Примером умственных навыков могут служить случаи мгновенного решения какой-либо задачи. Для того чтобы найти сумму таких слагаемых, как четыре и семь или пятнадцать и десять, взрослому человеку не надо производить соответствующих действий. И опытный радист, принимая на слух, делает это как бы автоматически. Такого рода навыки также должны формироваться в процессе обучения и воспитания воинов.

Многие автоматизированные действия, являясь элементами сознательного поведения, могут стать потребностями, т. е. выступать в деятельности как сила, побуждающая к действию. Такие потребности называются привычками. Так, например, если солдат испытывает потребность в том, чтобы почистить свое оружие после стрельбы, то это уже не просто совокупность ряда частных навыков, а привычка.

К числу хороших привычек воинов относятся: аккуратность, подтянутость, точность и многие другие. Без воинских привычек не может быть храброго и дисциплинированного солдата. С дурными привычками необходимо вести борьбу главным образом путем выработки привычек положительных.

Привычки представляют собой сложные образования, перерастающие в черты характера человека, в его личные качества.

Понимание привычек как навыков, ставших потребностями, не противоречит тому, что деятельность человека является по своей сущности сознательной и что даже сознательный подход к решению сложных вопросов может стать привычным. Если при решении той или иной задачи у человека нет постоянной внутренней потребности учитывать конкретные обстоятельства, значение того, что он делает, и последствия его поступка, если у него нет такой при-

вычки, то в качестве решающего момента какого-то его поступка может выступить не сознательность, а настроение, влечение или что-нибудь другое.

Непосредственная связь привычек воина с его нравственными качествами и их взаимная обусловленность являются чрезвычайно важным обстоятельством. Без учета этой стороны дела невозможно успешное формирование и привычек и высоких морально-боевых качеств воина в процессе его обучения и воспитания.

Приобретение воинами знаний, навыков и привычек связано с образованием у них соответствующих нервных механизмов. Знания каждого воина имеют в своей основе деятельность второй корковой сигнальной системы, являющейся механизмом обобщенного, непосредственно связанного с языком отражения действительности в ее наиболее существенных связях и отношениях, а навыки — сложные условные рефлексy, которые вырабатываются в условиях человеческой деятельности. Что же касается привычек, то их физиологическим механизмом являются динамические стереотипы, вырабатывающиеся под влиянием определенного воздействия окружающей среды и стереотипных ответных действий на это.

Но дело не только в знаниях, навыках и привычках. Для того чтобы сделать какое-то дело, необходимо уметь его делать. До прихода в армию человек приобретает множество знаний и навыков, но в начале своей воинской службы, в новой для него обстановке, он часто еще не может, не умеет полностью использовать даже те из них, которые имеют прямое отношение к военному делу. Хороший радист — это умелый радист, произвольно, намеренно применяющий на деле свои знания и навыки. Одна из важнейших задач обучения и воспитания воинов и заключается в том, чтобы научить их пользоваться своими знаниями и навыками в соответствии с обстановкой и выполняемым заданием. Умения свидетельствуют о всесторонности, гибкости и прочности как знаний, так и навыков.

Поэтому нельзя рассматривать умение как не вполне завершенный навык, ибо такое понимание умений человека и такая их оценка не вполне соответствуют действительности. Сведение умений к начальной стадии образования навыков объективно приводит к недооценке умений и к одностороннему их рассмотрению. Умения могут и должны рассматриваться не только в отношении к навыкам. Они должны получить свою характеристику и в отношении к знаниям и даже к физической силе. При анализе умений необходимо подчеркнуть их непосредственную связь с волей человека, с его сознательно осуществляемой деятельностью.

Когда выясняются отдельные механизмы деятельности, когда анализируются те или иные способы ее осуществления и ее структура, то речь может идти о двигательных, умственных или чувственных навыках. Когда же дается качественная характеристика деятельности человека в целом, то здесь, кроме всего того, что входит в состав деятельности, мы имеем дело с умениями. Поэтому, например, меткая стрельба может рассматриваться и как более или

менее сложный навык, состоящий из ряда взаимодействующих более элементарных навыков, и как умение, свидетельствующее о высоком уровне развития данной деятельности человека. Если это так, то умения представляют собой не что иное, как способность человека наиболее целесообразно, творчески пользоваться своими знаниями и навыками при решении стоящей перед ним задачи.

Умело действовать — значит действовать так, чтобы при решении той или иной задачи рационально использовать имеющиеся знания и навыки.

Уметь совершенствоваться — значит строить свою деятельность так, чтобы в ней содержалась потребность и необходимость образования новых знаний, навыков и других личных качеств на основе уже имеющихся.

Поэтому офицеры и их ближайшие помощники — сержанты и старшины — проявляют заботу не только о содержании знаний, навыков и других личных качеств, необходимых воинам, а также и о том, как научить их пользоваться знаниями и навыками, приобретаемыми в процессе боевой и политической подготовки. Командиры должны, следовательно, стремиться не только к тому, чтобы знания и навыки, приобретаемые воинами в процессе обучения, были полезны в бою, но и к тому, чтобы они сочетались с умениями, чтобы знания были максимально действенными и подлежали контролю и самоконтролю.

Можно сказать в этой связи, что умения физиологически связаны с совершенствованием второй сигнальной системы и ее активным руководящим воздействием на первую сигнальную систему.

В общей сложности приобретение знаний, навыков, привычек и умений прямо связано с выработкой у воинов таких нервных механизмов, без которых невозможно управление своим поведением в бою в соответствии с поставленной целью и на основе учета конкретно складывающейся обстановки, невозможно сознательное решение боевой задачи и, следовательно, совершение боевого подвига.

В связи с характеристикой качеств знаний, навыков, привычек и умений, необходимых воинам, возникает следующий вопрос: почему в данной характеристике специально подчеркивается задача образования именно таких качеств знаний, как глубина, гибкость, прочность и действенность, таких качеств навыков, как гибкость, прочность и сложность? Почему особенно подчеркивается роль воинского умения? Разве все это не нужно человеку, который занимается трудовой деятельностью?

Конечно, все эти качества нужны каждому человеку. Но воинам они особенно необходимы, так как воины готовятся действовать в сложной обстановке современного боя, требующей предельного напряжения их физических и моральных сил.

О том, что воину необходимо обладать знаниями и навыками со всеми рассмотренными выше качествами, свидетельствует то, что ему в боевой обстановке приходится решать такие задачи, с которыми он непосредственно не встречался, или если и встре-

чался, то очень редко, в условиях мирного времени. Но, применяя имеющиеся знания и навыки в решении неожиданных и необычных задач, воин тем самым проявляет свое умение, свое мастерство. К числу такого рода задач могут быть отнесены случаи устранения различных неполадок в технике и оружии с помощью подручных средств, форсирование водных преград без специальных переправочных средств, прокладка дорог при помощи таких способов и средств, которые в обычной обстановке не используются для этой цели, изготовление различных средств отопления и освещения и многое, многое другое. Все это, конечно, учитывается в процессе формирования у воинов умений, непосредственно сливающихся с находчивостью, сметкой, изобретательностью.

Отсутствие у воинов прочных знаний, навыков и умений создает неуверенность в своих силах, а без уверенности невозможно победить врага. Неуверенность в бою — это небоеспособность. Если пулеметчик действует в бою неуверенно или не умеет в кратчайший срок устранить «задержку», если танкист вовремя не обнаружит препятствие или огневую точку противника и не сманеврирует, если летчик упустит момент атаки, если сапер не сумеет использовать подручный материал, то это может сказаться не только на решении боевой задачи, но и содержит в себе угрозу для его собственной жизни и жизни его товарищей. Вот почему в воинском деле так настоятельно и резко подчеркивается необходимость глубоких, гибких, прочных и действенных знаний, гибких, прочных и сложных навыков, соответствующих привычек и умений и совершенно конкретно ставится общая задача выработки и закрепления этих качеств в процессе обучения и воспитания.

Для решения этой задачи разрабатывается и используется специальная система упражнений в процессе обучения и воспитания и строго организованный режим и распорядок. Это значит, что в целом деятельность воинов организуется так, что у них появляется потребность не только приобретать, но и быстро пользоваться знанием уставных положений, боевой техники и всеми другими своими знаниями в самых различных и неожиданных ситуациях.

Особенно ясно выступает роль упражнений в формировании навыков (двигательных, умственных и чувственных) и привычек.

Но для того чтобы воин успешно упражнялся, надо приучить его правильно относиться к процессу упражнения, который может быть очень сложным и трудным, на первый взгляд неинтересным и скучным. Например, стрелковая тренировка может вызвать к себе далеко не такое положительное отношение воина, как стрельба.

Таким образом, задача командиров состоит в том, чтобы внушить воинам мысль — постоянно учиться, систематически тренировать и проверять себя.

Такова общая характеристика знаний, навыков, привычек, умений и других личных качеств, формирующихся у воинов в процессе их обучения и воспитания. Но все это существует не порознь, не

независимо друг от друга, а в том или ином сочетании, представляющем собой личный опыт каждого воина. Поэтому командиры, организующие и проводящие обучение и воспитание, анализируют как отдельные моменты формирования навыков, умений и других результатов своей работы, так и формирование в целом личного опыта обучающихся и воспитывающихся воинов.

Что же представляет собой личный опыт человека и по каким признакам можно судить о его совершенствовании?

Личный опыт человека представляет собой совокупность его знаний, навыков, привычек и умений. Это — индивидуальные возможности человека более или менее успешно действовать в той или иной области. Это — возможности, образующиеся в процессе всей деятельности человека и оказывающие обратное влияние на его деятельность в каждый данный момент.

На основе данных практики боевой и политической подготовки можно утверждать, что о формировании личного опыта каждого воина и об уровне его развития можно судить по соотношению теоретических знаний воина и его практических действий.

В процессе обучения и воспитания каждый воин усваивает много новых знаний, в соответствии с которыми он должен действовать. Однако теоретические знания сами по себе не обеспечивают правильности практических действий. Например, солдат хорошо знает, что для производства прицельного выстрела необходимо правильно навести оружие, в определенный момент затаить дыхание и плавно нажимать пальцем на спусковой крючок. Все это он знает и даже может рассказать об этом. Но когда ему приходится использовать имеющиеся у него знания в своих же действиях, то может получиться несовпадение знаний с действиями. Несовпадение знаний и действий наблюдается не только во время стрельбы из личного оружия. Такое несовпадение может иметь место в очень многих делах, которыми занимается воин. Например, при отдаче рапорта малоопытный воин может запнуться, смешаться и не сказать командиру того, что собирался сказать. Несовпадение между знаниями и действиями может быть даже в таком относительно простом деле, как отдавание воинской чести. Случается же так, что молодой солдат, будучи без головного убора, пытается приложить правую руку к отсутствующему головному убору, хотя хорошо знает, что так отдавать честь не положено.

Такое несовпадение сигнализирует о том, что у воина еще не отработаны движения, необходимые для совершения действий, которые соответствовали бы имеющимся у него знаниям. Если в практической деятельности воина много случаев несовпадения знаний и действий, то они свидетельствуют о невысоком уровне формирования его опыта.

В практике подготовки войск встречается и несколько иное соотношение знаний и действий. Бывает так, что воин знает, как надо действовать, и может действовать в соответствии со знанием,

но между его знанием и действием существует как бы зазор, как бы некоторое расстояние. Такой воин вынужден произвести дополнительную умственную работу и испытать определенное напряжение для того, чтобы его практические действия совпали с теоретическими знаниями. Например, зная правила стрельбы и продумывая свои отдельные действия в соответствии с знаниями, воин метко стреляет или, зная, как нужно обращаться к командиру, продумывает свои действия и правильно их осуществляет. Так же обстоит дело с отдачей рапорта, когда у рапортующего происходит пауза, во время которой он подбирает нужные слова, или с управлением танком, когда приходится теоретически как бы примеривать нужные действия к тому, чтобы переключить скорость, и т. д.

Такого рода соотношение (если оно встречается часто) свидетельствует о том, что опыт воина оформился еще недостаточно, и поэтому в процессе обучения и воспитания его необходимо приучать к тому, чтобы он стремился быстрее производить дополнительную умственную работу, играющую роль связующего звена между его знаниями и действиями. Осуществление стремления такого рода способствует автоматизации определенных умственных процессов, т. е. выработке умственных навыков.

Кроме вышеназванных видов сочетания знаний с действиями, в практике обучения и воспитания встречается полное их слияние без видимой дополнительной умственной работы того, кто действует. Практически это значит, что воин, зная, как надо действовать, именно так и действует. Это происходит потому, что у него в результате предыдущей деятельности автоматизировались необходимые в конкретных условиях умственные процессы и образовались двигательные навыки. Наличие такого соотношения знаний воина и его действий служит объективным показателем высокого уровня его опыта, благодаря которому он может успешно действовать в той или иной области воинской деятельности. Полное слияние знаний и действий может быть вызвано, во-первых, тем, что оно осуществляется под влиянием главным образом внешних условий (например, присутствие командира, наличие или ожидание контроля, действия товарищей, с которых берется пример, напоминание и т. д.); во-вторых, внутренним побуждением воина, т. е. его потребностью действовать именно так, как он знает, как от него требуется. Такой воин не будет ждать особых напоминаний о том, что вовремя должен почистить оружие, что там, где нужно, он должен передвигаться по-пластунски, что он должен беречь свое обмундирование и т. д. Такой воин просто не сможет действовать вопреки своим знаниям. Именно такое слияние многих знаний воина с его же действиями свидетельствует о том, что его опыт находится на высоком уровне развития и обеспечивает мастерство воинской деятельности.

Чем проще, чем элементарнее теоретические знания, тем скорее они полностью сольются с соответствующими действиями. И на-

оборот, чем сложнее знания и, значит, соответствующие им действия, тем больший срок требуется для их полного слияния без дополнительной умственной работы и без внешних условий, побуждающих к этому слиянию. Знание того, как надо отдавать честь старшему по званию, довольно быстро будет непосредственно воплощаться в действии воина, а знание того, что в воинской деятельности необходимо беспрекословно и в срок выполнять приказания командира, не так скоро сольется с практическими действиями воина. Это же можно сказать об управлении боевой техникой, о решении тактической задачи и о многом другом. Из этого следует, что необходимо учитывать сложность знаний и действий вместе с характером их соотношения. Такой учет дает возможность, с одной стороны, определить содержание опыта и, с другой — проследить процесс его формирования.

Как же это сделать? Ведь у воина в каждый конкретный момент деятельности есть множество элементарных и сложных знаний, связанных с несением воинской службы, поэтому у него в одну и то же время можно наблюдать самый различный характер соотношения знаний с действиями.

Практика показывает, что для правильной оценки уровня развития личного опыта воина необходимо рассматривать характер соотношения его знаний и действий по основным разделам боевой и политической подготовки. Например, в процессе политической подготовки можно наблюдать, как и при каких условиях политические знания, которые приобретает воин, помогают ему более глубоко понять цели и задачи его деятельности и, превращаясь в его политические взгляды и убеждения, непосредственно влияют на совершаемые им поступки. В процессе овладения боевой техникой и в процессе огневой подготовки также есть специальные знания и их соотношенность с действиями воина. Так же обстоит дело со строевой, физической и тактической подготовкой, когда воин учится действовать по правилу, по команде, когда он овладевает своими собственными действиями и поведением в целом.

В заключение характеристики формирования у воина личного опыта необходимо указать на то, что рассмотренные виды соотношения знаний и действий имеются не только в деятельности солдат срочной службы и курсантов военных училищ. Аналогичные соотношения можно наблюдать у опытного воина, ставшего командиром отделения. И у него в новой для него роли сначала могут не совпадать отдельные знания и действия, потом они будут сочетаться, но при дополнительной умственной работе и т. д. Примерно то же можно сказать о курсанте военного училища, который, закончив свою подготовку, стал командиром взвода. И дальше, когда командир взвода становится командиром роты, можно наблюдать различные сочетания его знаний и действий и по характеру сочетания судить об уровне его личного опыта.

Характер динамики соотношения знаний и практических действий свидетельствует о том, что закономерности формирования

личного опыта являются общими для всех воинов независимо от их служебного положения и воинского звания.

Учет рассмотренных сочетаний знаний воина и его действий дает возможность в каждом конкретном случае правильно оценить ход формирования личного опыта каждого воина и на этой основе осуществлять индивидуальный подход к обучаемым и воспитываемым и тем обеспечить успех в решении задач боевой и политической подготовки войск.

В заключение общей психологической характеристики процессов обучения и воспитания воинов необходимо указать на то, что в дальнейшем с целью большей конкретизации эти процессы должны быть рассмотрены по таким основным видам подготовки войск, как: а) политическая подготовка; б) овладение боевой техникой и оружием; в) строевая и физическая подготовка; г) тактическая подготовка.

2. Политическая подготовка ¹

Политическая подготовка в Советской Армии представляет собой один из важнейших путей формирования воина как высоко- сознательного защитника социалистического государства.

В процессе политической подготовки так же, как и в других видах подготовки войск, происходит как обучение, так и воспитание воинов. В процессе политической подготовки воин приобретает знания о своей великой Родине и международной обстановке, о Коммунистической партии и Советском правительстве, политике своего социалистического государства, о справедливых и несправедливых войнах, о благородных и возвышенных политических целях и задачах, стоящих перед Советскими Вооруженными Силами и вооруженными силами стран народной демократии, об армиях империалистических государств и их антинародной сущности и т. д. Получает воин также знания и о себе как о гражданине и воине — защитнике государственных интересов Советского Союза.

В чем же выражается воспитание воинов в процессе их политической подготовки?

В том, что систематические политические знания развивают у воинов потребность и интерес к анализу общественных явлений и их оценке, а это непосредственно связано с умением логически думать и увязывать теоретические знания с практикой жизни.

Но дело воспитания, конечно, не сводится к формированию только названной потребности и интереса. Результаты политического воспитания в процессе приобретения политических знаний по своему масштабу значительно большие и оказывают прямое влияние на формирование личности воина в целом.

¹ В данном очерке имеются в виду все формы политической подготовки (политические занятия, политические информации, лекции, доклады, читательские конференции и т. д.).

Например, знание воинами объективных законов развития природы и общества вселяет в них уверенность в научной обоснованности и успешном претворении в жизнь советским народом величественной программы коммунистического строительства, намеченной XXI съездом КПСС.

Советский народ под руководством Коммунистической партии построил социалистическое общество и сейчас вступил в новый важнейший период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества. Главными задачами этого периода будут задачи создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашей Родины и одновременно все более полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей советского народа.

В результате выполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы будет сделан решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма и в осуществлении основной экономической задачи СССР — в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

«Величественные задачи развития и укрепления Советского государства и его экономики,— говорится в утвержденных XXI съездом партии «Контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы»,— успешно решались и решаются на всех этапах социалистического строительства благодаря тому, что Коммунистическая партия исходит из основных положений марксизма-ленинизма о закономерностях общественного развития, опирается на творческую активность и инициативу широких масс трудящихся и правильно определяет в государственных планах народного хозяйства главные вопросы строительства социализма и коммунизма и пути их решения»¹. Знание же того, что люди, познав законы общественного развития, могут использовать их в интересах общества, создает у воинов уверенность в полном преимуществе социалистической системы над капиталистической, в мощи и организованности советского общества, а также чувство собственной полноценности и силы.

И сейчас воины Советских Вооруженных Сил воодушевляются грандиозными планами дальнейшего развития народного хозяйства СССР и успехами советского народа в строительстве коммунизма, неустанно совершенствуют свое боевое мастерство, свою политическую сознательность, надежно стоят на страже государственных интересов Советского Союза. Понимание объективности законов помогает каждому воину полнее и глубже осознать, что война в целом и каждый отдельный бой, как и любое другое общественное явление, имеют свои закономерности и что тот, кто вла-

¹ Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1958, стр. 7.

деет знанием этих закономерностей, имеет бесспорное преимущество в борьбе с врагом. Осознание этого положения активизирует у воинов потребность систематически изучать военное дело, совершенствовать свое боевое мастерство.

Огромное воспитательное значение имеют для воинов сведения, связанные с знанием экономических законов социализма и современного капитализма. Например, знание экономических законов социализма и решений Коммунистической партии и Советского правительства ведет к осознанию воинами сущности социалистического общества, равноправными членами которого они являются, к осознанию того, что целью производства в этом обществе является обеспечение все более полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей народа, к осознанию основ созидательной внутренней и мирной внешней политики социалистического государства, к осознанию значения семилетнего плана (1959—1965 гг.) развития народного хозяйства СССР и условий планомерного перехода к коммунизму.

Осознание всего этого на основе полученных знаний вызывает у воинов чувство гордости и радости за свою могучую советскую Родину, чувство личной ответственности за ее безопасность и воодушевляет их на сознательное и самоотверженное служение своему народу, на добросовестное выполнение воинского долга.

Знание того, что капиталистическая прибыль достигается беспощадной эксплуатацией, разорением и обнищанием большинства населения каждой капиталистической страны, что закабаление и систематическое ограбление империалистическими хищниками колониальных и зависимых стран также подчинено цели обеспечения капиталистических прибылей, что эти цели преследуются путем ведения войн и гонки вооружения, ведет к тому, что у советских воинов укрепляется чувство ненависти к империалистическим хищникам, чувство презрения к их прислужникам. Вместе с этим у советских воинов укрепляется любовь к своей социалистической Родине, пролетарский интернационализм, вера в правоту своего дела, в величие и благородство своей миссии.

Знание этих основных положений вызывает у советских воинов чувство безграничной любви и преданности Коммунистической партии, Советскому правительству, делу коммунизма.

В процессе ознакомления с решениями Коммунистической партии и Советского правительства воин приобретает соответствующие знания. Одновременно он воспитывает у себя необходимые качества. Например, знание того, что решения КПСС представляют собой программу конкретных действий по осуществлению строительства коммунизма в нашей стране, вызывает у воинов чувство реальности наших планов, чувство ответственности за их выполнение, создает у них творческое отношение к достижению поставленных перед ними целей, к решению задач воинской деятельности. Знание необходимости всемерного укрепления обороноспособности Советского государства порождает чувство гордости за свою родную Коммунистическую партию, чувство солидарности с ней,

стремление быть такими, как передовые строители коммунистического общества, стремление к совершенствованию и желание всемерно способствовать укреплению боевой мощи и боевой готовности Вооруженных Сил.

Так же обстоит дело с усвоением воинами знаний, приобретаемых в связи с подготовкой к принятию присяги, в связи с почтением боевого Знамени части, в связи с ношением военной формы, наград, знаков различия и т. д. Эти знания, будучи усвоены воинами, оказывают на них воспитательное влияние.

Так в общих чертах можно обозначить приобретаемые воинами в едином по своей сущности процессе политической подготовки знания и необходимые морально-боевые качества. Однако процесс обучения и воспитания необходимо организовать так, чтобы приобретаемые воинами политические знания давали максимальный воспитательный эффект, чтобы они становились политическими взглядами и убеждениями воинов.

В связи с этим необходимо подчеркнуть большое значение правильного анализа и обобщения знаний воинов для обеспечения высокого идейного уровня усваиваемых ими политических положений.

Практика показывает, что высокий идейный уровень обобщения и передачи знаний способствует их превращению в правильные, полезные взгляды и убеждения. Например, знание советскими воинами огромной важности целей и задач, которые ставятся перед Вооруженными Силами, знание сложности и специфичности воинской деятельности, знание того, что советский народ уважает своих воинов и доверяет им такое ответственное дело, как обеспечение государственных интересов, и многие другие знания в этой области должны способствовать воспитанию таких личных качеств, как чувство долга, ответственности, собственного достоинства и чести, чувство гордости и т. д. Если же перечисленные знания будут обобщены каким-либо воином неправильно, с ложных идейных позиций, то эти в отдельности правильные знания могут превратиться в его неправильные и нежелательные убеждения типа зазнайства и, значит, дать отрицательный воспитательный эффект.

Так, например, уровень политической сознательности воина и степень его боеготовности могут снизиться при неправильном обобщении знаний о сложности боевой обстановки и об опасности, которая может угрожать воину в условиях применения атомного и водородного оружия. Вооружив солдат отдельными правильными знаниями о силе и мощи этих видов оружия, об их разрушительных свойствах, но односторонне обобщив эти знания мы можем создать не чувство необходимой бдительности, настороженности, активности, а чувство беспомощности и обреченности.

Для достижения максимального воспитательного эффекта в процессе политической подготовки необходимо обратить внимание и на мастерство передачи воинам правильных знаний, обобщенных на высоком идейном уровне.

Что же в данном случае является показателем мастерства передачи политических знаний? В первую очередь, убедительность. Это значит, что руководитель политической подготовки должен передавать знания так, чтобы они убеждали воинов в том, в чем он, руководитель, считает необходимым убедить, передавая знания.

Для достижения убедительности необходимо стремиться к тому, чтобы передаваемые знания систематически обосновывались, аргументировались конкретными фактами, цифрами, высказываниями видных государственных деятелей и т. д.

Второй момент, обеспечивающий достижение убедительности, состоит в л о г и ч н о с т и изложения необходимых знаний. Это значит, что аргументированно передаваемые воинам политические знания должны представлять собой стройную систему, а не сумму тех или иных сведений. Например, знание о характере войн должно логически вытекать из знаний причин, порождающих войны, из знания законов развития общества. Хорошо, конечно, когда советский воин знает, что социалистическое государство ведет только справедливые войны, но еще лучше, если он знает и почему это так.

В общей сложности логичность передачи знаний в процессе обучения обеспечивает внутренне необходимую связь усваиваемых знаний и способствует превращению их во взгляды и убеждения.

Для полного разрешения задач политической подготовки необходимо выделить вопрос о том, что воины должны ставиться в такие условия, при которых они овладевают политическими знаниями в тесной связи со своей воинской деятельностью, в связи с целями и задачами боевой подготовки. Только при этом условии каждый воин приучается к тому, чтобы политически правильно оценивать свою воинскую деятельность и деятельность своих товарищей. Эта сторона дела ярче всего выступает при анализе процесса политической подготовки молодых солдат и матросов. Советские молодые люди еще до начала воинской службы приобретают определенные политические знания. Но пока они фактически не стали воинами, им не приходилось твердо опираться на свои политические знания для того, чтобы конкретно осознать сущность именно воинской деятельности и себя как воинов. Поэтому до начала непосредственно воинской деятельности у будущего воина складывается опосредствованное отношение к целям и задачам, стоящим перед армией и флотом, и, только став воином, он практически встречается с необходимостью знать, что, для чего и как он должен делать, и с необходимостью понимания конкретного смысла своей воинской деятельности. Поэтому с началом военной службы многие ранее усвоенные политические знания приобретают особый смысл и актуальный характер.

Командиры всех степеней должны уметь мобилизовать политические знания своих подчиненных на выполнение стоящих задач.

Из сказанного следует, что чем конкретнее политические знания связаны с повседневными делами, тем скорее воин научится активно опираться на них, а это приведет к тому, что сами знания

превратятся во взгляды и убеждения воина. Поэтому опытные командиры и политработники, организуя политическую подготовку, добиваются самой тесной увязки политических знаний с конкретными задачами боевой подготовки, с жизнью подразделения, части, соединения, Вооруженных Сил Союза ССР и всего советского народа.

Связь политических знаний с практически стоящими перед войском задачами не должна сводиться к сугубо теоретическим формам и состоять только в словесной разъяснительной работе. Она должна сочетаться с практикой воинов.

Эту мысль настойчиво проводил А. С. Макаренко. Например, рассматривая вопрос о дисциплине, он подчеркивал, что «дисциплина является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов, и разрешение конфликтов в коллективе, в процессе дружбы, и доверия, и всего решительно воспитательного процесса, считая здесь также такие процессы, как процесс физкультурного воспитания, физического развития и т. д.

Рассчитывать, что дисциплину можно создать только одной проповедью, одними разъяснениями — это значит рассчитывать на результат чрезвычайно слабый»¹. Значит, дело не в самом по себе разъяснении, а в совокупности всех воспитательных форм, методов, приемов и средств, которые, согласно взглядам А. С. Макаренко, должны непосредственно сочетаться с практической деятельностью воспитуемых. Действительно, практика обучения и воспитания войск показывает, что, какими бы высококачественными ни были знания, передаваемые воинам во время их политической подготовки, как бы мастерски и убедительно эти знания ни передавались, как бы умело ни велась разъяснительная работа о необходимости связи знаний с повседневной практической деятельностью, они все-таки не превратятся во взгляды и убеждения воинов, если не будут практически сочетаться с их поступками, с поведением в целом.

Постоянное и систематическое сочетание политических знаний с поведением приучает человека к тому, чтобы он без особых усилий соотносил свои знания со своими делами. Это вырабатывает у него своеобразную привычку действовать в соответствии со стоящими перед ним целями.

Исходя из указания В. И. Ленина, что в высокоразвитом, подлинно демократическом государстве в силу характера общественных отношений (управление общественным производством, учет и контроль уклоняющихся от выполнения общественного долга и т. д.) «...необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой»²,

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 135.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 446.

А. С. Макаренко правильно ставил вопрос о том, что «мы иногда злоупотребляем словом «сознательный». Наше поведение должно быть сознательным поведением человека бесклассового общества, но это вовсе не значит, что в вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию. Это было бы слишком убыточной нагрузкой на сознание»¹.

«Наша задача,— писал А. С. Макаренко,— не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек — гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания»².

Это полностью относится к практике военного обучения и воинского воспитания в целом и в частности к политической подготовке, которая должна осуществляться в жизни каждого воина, организованной так, чтобы он объективно ставился перед необходимостью сочетать усваиваемые им политические знания с практикой своего поведения. Например, знание воинами того, что цели и задачи, стоящие перед Вооруженными Силами Союза ССР, заключаются в охране рубежей Родины и обеспечении условий построения коммунизма в нашей стране, должно быть руководящим в каждом конкретном деле, в каждой выполняемой служебной обязанности. И знание о справедливом характере войн, которые пришлось вести Советскому Союзу, и знание того, что советский воин должен быть правдивым и честным, и многие другие подобные знания воина должны воплощаться во всех его поступках и пронизывать всю его практическую деятельность.

Итак, сочетание теоретических знаний с практикой поведения обеспечивает формирование нравственных, моральных привычек, свидетельствующих о потребностях воина действовать так, как подсказывают ему его знания о правилах поведения.

Все это верно, но роль навыков, о которых идет речь, навыков поведения, в соответствии с требованиями господствующей в обществе морали не следует переоценивать.

Для того чтобы уяснить это положение, необходимо учитывать, что деятельность человека независимо от его профессии состоит (не считая отдельных операций) из действий и поступков. При этом действия характеризуются своей осмысленностью, своим началом и концом. Чистка оружия, например,— действие, обращение к командиру с просьбой разрешить краткосрочный отпуск — также действие. Но действие, завершенное в смысловом отношении и получающее оценку с позиций господствующей в обществе морали, представляет собой поступок человека. Отрицательное содержание поступка дает право назвать его проступком или даже преступлением. Если, например, солдат вошел в троллейбус и занял свобод-

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 435.

² Там же, стр. 445.

ное место, то он совершил действие. Но если он поторопился сесть для того, чтобы сделать это раньше других пассажиров да еще престарелого возраста, то такое действие оценивается как отрицательный поступок. Если он встал, чтобы выйти из вагона,— это действие. Если же он это сделал, чтобы уступить место тому, кто в нем нуждается,— это поступок.

Различие действий и поступков необходимо иметь в виду, когда рассматривается вопрос о роли нравственных (моральных) привычек. Это связано с тем, что в деятельности воинов, выполняющих боевое задание, по сравнению с деятельностью людей в условиях обычной жизни, в условиях созидательной творческой деятельности особенно большое место занимают поступки. Одно дело, например, помочь товарищу в работе и тем самым способствовать ему в выполнении производственного плана и совсем другое дело помочь ему же в решении боевой задачи с риском для собственной жизни. В общей сложности то, что может быть привычным действием в мирных, небоевых условиях, в условиях боя может стать поступком и нуждается не в автоматизмах поведения, которых нет, а в опоре на идеи, на политическую сознательность. В этом отношении воин оценивает свои собственные поступки с позиций интересов общества и его моральных норм и правил поведения.

Таким образом, признавая огромную роль моральных (нравственных) привычек поведения человека, признавая их полезность при выполнении боевых задач, необходимо учитывать роль сознательности, которая обостряется в сложной и опасной обстановке боевых действий. Следует однако подчеркнуть, что если у человека выработана привычка соотносить свои действия со своими идеями, взглядами и убеждениями, то такая привычка окажет ему полезную службу при решении боевых задач. Значит, у советских воинов в условиях мирного времени, в процессе обучения и воспитания необходимо воспитывать также моральные (нравственные) привычки поведения, которые помогут им организовать свое поведение в условиях боя и будут способствовать решению сложных боевых задач и тем облегчат командиру управление своими подчиненными. Но для этого требуется связь политподготовки, всей партийно-политической работы с жизнью и деятельностью воинов.

Такое повседневное систематическое сочетание знаний, приобретаемых воином в процессе политической подготовки, с практикой его поведения обеспечивает наиболее устойчивый воспитательный эффект. Это относится, конечно, и к формированию патриотизма, сознательности, дисциплинированности, мужества, стойкости, самоотверженности и всех других морально-боевых качеств советского воина.

Необходимо отметить, что поддержание уставного порядка и предъявляемые при этом требовательность и контроль исполнения являются очень важным условием приучения воинов к сочетанию своих политических знаний с практикой воинской службы. Только при этом политические знания воинов относительно быстро становятся его политическими взглядами и убеждениями, а последние в сочетании с отдельными поступками и поведением в целом, стано-

вятся более прочными, ясными и действенными. Но систематическое сочетание знаний воина с его поступками, с другой стороны, ведет к выработке потребности к такому сочетанию. В этом отношении воин приучается контролировать себя и согласно усвоенным знаниям в каждом, казалось бы даже второстепенном деле вносит необходимые поправки в свое поведение. Этот контроль сначала производится намеренно, а потом в результате упражнения становится привычным и не требует от воина в каждом случае мобилизации сознания и особых намерений и усилий, которые направляются на более сложные моменты поведения.

Об этом свидетельствуют многочисленные факты из области обучения и воспитания войск. Известно, например, что молодой солдат знает, что он должен быть бдительным. Он знает, что враги Советского государства демонстративно ассигнуют огромные денежные средства на содержание и засылку в Советский Союз шпионов, диверсантов, вредителей. Ему известно также, что некоторые советские люди, излишне любопытные, стремятся узнать у него не подлежащие оглашению сведения. Все это солдат-новичок сознает. Однако этого ему далеко не достаточно для того, чтобы следить за собой во время разговора, особенно с новыми знакомыми, чтобы контролировать свое поведение во время несения службы и во время отпуска. Только позже, когда солдат привыкает к своей новой общественной функции и приобретает определенный опыт, он перестает нуждаться в непрерывном тщательном самоконтроле.

Его политические знания, превратившись в политические взгляды и убеждения, как бы без внутреннего напряжения будут в принципе подчинять себе его же поступки, и он действительно станет бдительным. Так сочетание знаний с поступками ведет к формированию взглядов и убеждений воина и вместе с тем многих морально-боевых качеств, крайне необходимых ему как воину.

В этой связи следует отметить, что первоначальное, так сказать, внешнее сочетание знаний воина о том, как надо действовать, с его же действиями, т. е. сочетание, которое осуществляется под идейным контролем или под влиянием справедливой требовательности командира и товарищей, постепенно, в силу внутренних побуждений, становится внутренним сочетанием, своеобразной потребностью.

Положение о необходимости сочетания знаний с практической деятельностью полностью соответствует учению марксизма-ленинизма о единстве теории и практики, о практике как критерии истинности познания.

Требование сочетать знания с поступками и поведением в целом соответствует также советской психологической науке, строящейся на основе марксизма-ленинизма, показавшей, что все психические процессы и качества личности возникают и развиваются в объективно складывающихся, социальных по своей сущности отношениях, в которые фактически включен каждый человек.

Итак, сочетание политических знаний воина с его поступками является необходимым, так как оно представляет собой одно из

важнейших и наиболее действенных условий, способствующих превращению этих знаний в политические взгляды и убеждения, которые, возникнув, оказывают обратное непосредственное влияние на поведение воина.

Необходимо специально выделить вопрос о языке, имеющем огромное значение в деле обучения и воспитания советских воинов в процессе политической подготовки.

Посредством языка воину в процессе политической подготовки передаются соответствующие знания, которые включаются в уже имеющуюся у него систему знаний и тем самым влияют на его сознание в целом. Но сознание непосредственно связано с переживаниями человека. Поэтому вновь приобретенные политические знания, передаваемые воину при помощи языка и усваиваемые им, соответствующим образом переживаются. Они как бы насыщаются чувствами воина, сливаются с ними. А чувства вместе с познавательными процессами определяющим образом влияют на волю. «Воля,— писал Ф. Энгельс,— определяется страстью или размышлением. Но те рычаги, которыми, в свою очередь, непосредственно определяются страсть или размышление, бывают самого разнообразного характера»¹.

В данном случае «рычагами», которые непосредственно определяют страсть или размышление воина в связи с усваиваемыми политическими знаниями, являются отражаемая воином действительность, его потребности, его опыт, знания, умения и навыки, его внутреннее отношение к действительности, к другим людям, к самому себе как воину и, следовательно, к целям и задачам, которые поставлены перед Вооруженными Силами Союза ССР. К числу таких «рычагов» могут быть отнесены описываемые условия и приемы превращения политических знаний, усваиваемых воином, в его политические взгляды и убеждения. К ним может быть также отнесен язык, при помощи которого передаются воину подлинно научные, связанные с воинской деятельностью политические знания.

Таким образом, язык в качестве одного из «рычагов», определяющих характер страсти или размышления воинов, активно способствует превращению их политических знаний в политические взгляды и убеждения, следовательно, способствует осуществлению воспитания.

Особенно велика сила воздействия языка на воинов, усваивающих политические знания при правильном внутреннем отношении к политическим занятиям и другим формам политической подготовки. Но для того чтобы это отношение было правильным, каждое политическое занятие, каждая политическая информация и т. д. должны проводиться в соответствии с условиями, которые способствуют превращению политических знаний воина в его политические убеждения и вместе с тем должны быть, с одной стороны, логически увязаны друг с другом и, с другой — вызвать инте-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1949, стр. 372.

рес у обучаемых. Все это достигается устойчивостью и актуальностью программ, систематичностью обучения, методическим мастерством руководителя и другими моментами, рассматриваемыми педагогической наукой.

Однако как бы ни была велика сила языка и его роль в превращении политических знаний в политические взгляды и убеждения воинов, руководящая роль в этом деле принадлежит все-таки сочетанию этих знаний с практической деятельностью.

Поэтому для более полной характеристики воспитательного значения сочетания знаний с поступками следует указать еще на то, что характер и последовательность этого сочетания являются объективными показателями внутренней готовности воина самоотверженно и целеустремленно действовать в условиях боя. Это объясняется тем, что воин, испытывающий потребность в согласовании своих поступков со своими политическими знаниями, т. е. воин, знания которого стали его действительными взглядами и убеждениями, обязательно направит все свои силы и мастерство на выполнение поставленной перед ним боевой задачи. Это значит, что потребность в сочетании знаний с поступками является основой в высоко сознательной дисциплинированности воина. Но характер сочетания политических знаний и поступков, свидетельствующий о степени готовности воина к выполнению своего долга, является объективным показателем не только для его командиров и товарищей. Характер этого сочетания является объективным показателем и для самого воина, который так или иначе оценивает свое поведение и себя как личность.

История учит, что советские воины, воплощая свои политические знания в боевые дела и проявляя тем самым твердость, ясность и действенность своих взглядов и убеждений, связанных с осознанием целей справедливой борьбы, совершили в боях чудеса массового героизма.

Из сказанного следует, что превращением политических знаний воина в его политические взгляды и убеждения необходимо руководить, управлять, а это осуществляется в процессе политической и боевой подготовки. Что касается психологической стороны дела, то основной целью политической подготовки является передача воину необходимых ему политических знаний и воспитание у него потребности сочетать эти знания со своими поступками и, таким образом, формировать у него внутреннюю идейную опору для управления своим поведением в условиях боя. При этом необходимо учитывать, что каждый человек в той или иной степени осознает сочетание своих знаний о том, как надо поступить, с фактически совершаемым поступком, и, следовательно, так или иначе внутренне относится к характеру этого сочетания, т. е. переживает его.

Если, например, человек под влиянием каких-то условий практически поступил вопреки тому, как он теоретически считает необходимым поступать в таком случае, то он, естественно, будет переживать несоответствие своего поступка своей же точке зрения.

Такой человек будет недоволен собой, и если между поступком и знанием того, как следовало поступить, будет большое расхождение, он способен на порицание самого себя, на раскаивание и т. п., и, наоборот, если человек, несмотря на неблагоприятно складывающиеся обстоятельства и всякого рода препятствия, помехи и соблазны, все-таки поступает в соответствии со своим пониманием того, как надо поступать, он и переживать будет это соответствие как свой моральный успех, как свою личную духовную силу, как свое превосходство над обстоятельствами.

Способность человека переживать соответствие и несоответствие своих поступков с установленными нормами и правилами поведения, которые он приемлет, можно назвать его совестью. Это переживание имеется в виду, когда говорят: «его мучает совесть» или «у него совесть чиста». В этом отношении совесть выступает в качестве своеобразного внутреннего, интимного, строгого и справедливого судьи. От совести, говорят, не спрячешься и не уйдешь.

Все это относится и к воину, который готовится к совершению поступков в чрезвычайно сложной, напряженной и опасной ситуации боя. Чувство долга влияет на характер сочетания знаний нравственных норм поведения и реальных поступков. Если в силу каких-то обстоятельств получилось несоответствие этих знаний и поступков, если, значит, долг не выполнен, то это невыполнение переживается человеком, он, как говорят, испытывает угрызения совести. Если же он, выполняя свой долг, сочетает свои знания со своими поступками, то переживания его будут положительными. Это значит, что чувство долга, которое непосредственно связано с чувством личной чести и собственного достоинства, связано с таким сложным качеством человека, как совесть. В этом отношении наличие совести представляет собой наиболее благоприятное психологическое условие, при котором умственная деятельность человека, его переживания и воля выступают в единстве и свидетельствуют о максимальном воспитательном эффекте обучения.

Формирование совести способствует формированию таких, например, морально-боевых качеств, как честность, правдивость, сознательность, дисциплинированность, самоотверженность советского воина, благодаря которым он во имя Родины и долга может подчинить свои сугубо личные интересы общественным и, учитывая конкретные обстоятельства, управлять своим поведением в соответствии с поставленной перед ним общественной целью.

Так в общем виде можно представить роль сочетания знаний, которые усваивает воин в процессе политической подготовки, с его поступками, раскрыть это сочетание как определяющее в превращении политических знаний воина в его политические взгляды и убеждения и формирующее у него широкие общественные мотивы поведения.

В заключение характеристики важнейших условий, определяющих успех обучения и воспитания воинов в процессе их политиче-

ской подготовки, следует заметить, что в силу необходимости порознь рассмотренные условия представляют собой неразрывное единство и что переоценка или недооценка одного из них может стать серьезной помехой в решении задач подготовки воина к выполнению им своего патриотического долга.

Соблюдение рассмотренных условий политической подготовки обеспечивает глубину и прочность политических знаний воина, столь необходимых ему для управления своим поведением в бою.

Так ставятся и решаются вопросы политической подготовки личного состава Вооруженных Сил Союза ССР.

Принципиально иначе обстоит дело в современных армиях капиталистических государств, обслуживаемых буржуазной военной психологией.

Общественный и государственный строй капиталистического общества часто ставит трудящегося человека перед необходимостью действовать в плане достижения и разрешения навязанных и чуждых ему целей и задач.

Однако в среде трудящихся, особенно у рабочего класса, где нет и не может быть внутриклассовой вражды, в процессе развития классовой борьбы против буржуазии и под идеологическим воздействием коммунистических партий исторически все яснее выступает единство личных и классовых интересов, все более высокой становится политическая сознательность. Следовательно, и мотивы деятельности трудящихся, их влечения, желания, интересы, склонности и чувства все больше и больше соответствуют классовым интересам, целям и задачам, стоящим перед классом в целом. Что же касается эксплуататорских классов, то на основе господства частной собственности на средства производства и погони за прибылью внутри них самих ведется непримиримая борьба, которая выражается в беспощадной конкуренции, продажности государственных деятелей и т. п. Только в целях осуществления господства над трудящимися своего государства и народами угнетаемых стран представители монополистического капитала вынуждены находить общность классовых целей и задач своей деятельности. Все это, конечно, определяет сущность мотивов их личной деятельности.

Экономический и политический строй капиталистических стран в конечном счете определяет формирование личности капиталистического общества в духе индивидуально-эгоистических устремлений, в духе противопоставления интересов индивидуума интересам общества, что неизбежно создает благоприятную обстановку и условия для порождения и культивирования таких низменных личных качеств, как подхалимство, лживость, продажность, цинизм, наглость и т. д. Это, конечно, не значит, что у всех без исключения людей капиталистического общества имеются только резко отрицательные качества. Господство частнособственнических отношений и соответствующая этим отношениям идеология общества способствуют сохранению всего старого, загнившего, отмирающего и угнетают ростки нового, зарождающегося, прогрессивного.

В силу этого буржуазная военная психология так же, как и буржуазная военная наука, не в состоянии подлинно научно поставить и тем более решить проблему «солдатского материала».

Например, буржуазный теоретик войн Клаузевиц, который и в настоящее время имеет авторитет у теоретиков и практиков военного дела капиталистических стран, считал, что в войне только правительство обладает «простым рассудком». Что же касается полководцев и войск, то поскольку, по мнению Клаузевица, одной из сторон войны является игра вероятностей и случайностей, постольку им (полководцам и войскам) свойственна некая таинственная «свободная душевная деятельность». Народу, по мнению этого теоретика, присущи «ненависть и вражда», которые рассматриваются им как слепой природный инстинкт. Таким образом, правительству, считает Клаузевиц, нужен «простой рассудок», армии — «свободная душевная деятельность» для слепого осуществления политики правительства, а народу — «ненависть и вражда», рассматриваемые как «слепой природный инстинкт». При таком понимании роли человека в войне, естественно, не может быть и речи о его сознании и сознательности, о роли мотивов его поведения в бою.

По этой схеме в принципе действуют и современные теоретики и практики армий капиталистических государств. При помощи демагогии они стремятся вызвать у своего народа ненависть к Советскому Союзу и странам социалистического лагеря, а у личного состава армии при помощи лицемерия, лжи и обмана затмить и извратить осознание подлинных целей и задач капиталистических армий и выработать слепое повиновение правительствам.

Что же касается буржуазных партий и идеологов современного капитализма, то они всеми силами стремятся поддержать и оправдать существующий строй и затмить сознание народных масс в интересах господствующих классов.

«...Господствующие классы,— говорил М. И. Калинин,— ведут отчаянную борьбу за овладение народными массами, используя все средства — от открытого подавления до утонченного обмана.

Трубящийся человек в буржуазном обществе от рождения и до самой смерти находится под постоянным воздействием мыслей, чувств, привычек, выгодных господствующему классу. Оно осуществляется по бесчисленным каналам, принимая иногда еле осязаемые формы. Церковь, школа, искусство, пресса, кино, театр, различные организации — все это служит орудием внедрения в сознание масс буржуазного мировоззрения, морали, привычек и т. д.»¹.

Все это относится и к армии, которая состоит в основном из представителей трудящихся, призванных защищать агрессивные, политические и экономические интересы господствующих классов. Осознание этого положения всем личным составом, особенно рядовым и сержантским, чревато большими опасностями для капиталистов, так как подлинная политическая сознательность, породив

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воениздат, 1958, стр. 345.

соответствующие мотивы поведения, привела бы в дальнейшем к тому, что армия повернула оружие против эксплуататоров. Поэтому политическая сущность воинской деятельности всячески скрывается от основной массы личного состава армий капиталистических государств и все «разъяснение» целей и задач, стоящих перед армией, сводится там к разжиганию расовой ненависти, шовинизма на фоне космополитизма и различного рода устремлений, затмевающих сознание подавляющего большинства военнослужащих. Для достижения этой цели армия в капиталистических государствах всеми средствами изолируется от народа, хотя это не всегда удается.

Вместе с этим господствующие классы и их приспешники (в частности, военные психологи) занимаются демагогией, обманом солдатских масс. Они пытаются обосновать как полезные мероприятия различного рода подкупы, призывы, широко используют кино, радио и другие средства пропаганды для идеологической обработки личного состава своих армий. Однако предпринимаемые ими меры хотя и дают некоторый успех, но не гарантируют длительного и полного влияния на народ, так же как и на основную массу личного состава армии.

Поэтому буржуазные военные теоретики мечтают о таких армиях, в которых было бы поменьше людей и побольше техники. Вершина же их фантазий заключается в том, чтобы техника полностью вытеснила человека. В соответствии с этими мечтами и создаются различного рода военные теории. Например, Фуллер считал, что «орудия борьбы или оружие, если только они отвечают потребностям обстановки, составляют 99% победы». По его мнению, «стратегия, командование, управление, храбрость, дисциплина, снабжение, организация и все моральные и физические принадлежности войны ничто по сравнению с превосходством в оружии; в лучшем случае они составляют 1%»¹.

Но все это так и остается пустой мечтой теоретиков, которые боятся своего народа. Опыт показывает, что современные войны вовлекают многомиллионные массы людей, большие и малые народы земного шара. Если же учесть мощь современной боевой техники, стирающей грани между фронтом и тылом и вовлекающей в орбиту войны стариков, женщин и детей, то еще яснее становится массовость войн. Следовательно, игнорировать сознание людей и качество «солдатского материала», не считаться с их политической сознательностью и деловыми качествами нельзя. Это начинают понимать многие буржуазные военные теоретики и практики, которые, как уже сказано, организовали и активно используют такую систему идеологической обработки личного состава своих армий, в которую входит аппарат насилия и запугивания (военная полиция) и аппараты обмана, лжи и лицемерия (так называемая служба информации и духовенство).

¹ Дж. Фуллер. Танки в великой войне 1914—1918 гг. (русский перевод), Изд. Высшего Военного редакционного Совета, 1923, стр. 253.

Идеологическая обработка солдат империалистических армий проводится самыми тонкими и изощренными средствами. Для формирования необходимых империалистам взглядов, убеждений, вкусов и мотивов поведения каждого военнослужащего используются такие средства, как кино, радио, художественная литература, проповеди священнослужителей, система поощрений и т. д.

Но не так-то легко в современных условиях капитализма полностью затуманить сознание трудящихся масс, составляющих основную силу современных армий. Сама жизнь часто опровергает то, что господствующие классы и их приспешники стремятся внедрить в сознание всего народа. Этому в большой мере способствует организованная и сознательная борьба трудящихся за мир. Солдатские и сержантские массы не могут остаться безразличными к этой борьбе, ибо в ней разоблачаются и осознаются подлинные агрессивные цели и планы поджигателей войны.

Борьба прогрессивных сил за мир в современных капиталистических странах — это одно из условий развития сознательности как трудящихся, так и солдат, сержантов и определенной части офицеров армий капиталистических государств.

Все это говорит о том, что проводимая идеологическая обработка военнослужащих буржуазных армий не в состоянии сформировать подлинно сознательного и высокоидейного воина с сильными и последовательными мотивами поведения. Поэтому в этих армиях делается упор на формирование узко ограниченных, частных мотивов поведения солдат, сержантов и офицеров. «Нечего им интересоваться далекими вопросами теории и политики», — поучает буржуазная, в частности американская, военная психология. «Пусть они занимаются своими практическими ежедневными делами», — говорит эта «наука».

Буржуазные военные психологи в соответствии с интересами господствующих классов надеются на то, что путем сведения сознания личного состава армии только к близким целям и малым задачам можно получить политически ограниченных, слепо повинующихся, но знающих свое дело солдат. Это, конечно, полностью сделать не удастся, ибо даже малокультурные и политически мало-сознательные военнослужащие хотят осознать идейное содержание своей воинской деятельности. В случае же отсутствия осознания далеких целей и больших задач каждая конкретная цель и задача осознаются часто как внешние, чуждые или случайные, а иногда как бессмысленные и навязанные. Главным мотивом такой деятельности будет частный мотив — боязнь наказания за непослушание. Но это, как учит история, ненадежный мотив.

Этим, собственно, и объясняется, что военнослужащий, принявший цели и задачи захватнической войны и в соответствии с этим мотивирующий свои конкретные поступки, в боевой обстановке окажется малобоепособным. И это совершенно неизбежно, ибо такой военнослужащий служит не народу, не обществу, а самому себе, и к целям и задачам воинской деятельности он относится положительно только в случае, когда они соответствуют его сугубо

личным интересам. При наличии таких мотивов на первый план выступает эгоизм, который полностью исключает самоотверженность и вместе с ней инициативность, самостоятельность и творчество в решении боевых задач. Кроме того, и это также давно известно, господство эгоизма в бою неизбежно ведет к уклонению и уходу от достижения поставленных целей и от решения сложных и опасных боевых задач. Вместо безаветной храбрости и героизма, обуславливаемых самоотверженностью, эгоизм порождает ограниченную расчетливость и в конечном счете неоправданную жестокость и наглость вместе с трусостью. А это не может не вызвать острые, разъедающие боееспособность противоречия во взаимоотношениях между военнослужащими.

Все сказанное о трудности политической обработки личного состава армий капиталистических государств вовсе не значит, что эта обработка идет впустую и что военная психология там совершенно не решает поставленных перед ней задач. Надо отметить, что перечисленные выше мероприятия по формированию мировоззрения военнослужащих армий капиталистических государств не являются вовсе безрезультатными. Однако такое моральное состояние личного состава армий агрессивных капиталистических стран все-таки не может быть до конца устойчивым, и при неудачах и трудностях значительно теряется их боееспособность.

Воспитание в таком духе личного состава армий психологически проявится в потере военнослужащими внутренней ориентации и основы управления своим поведением. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи психических заболеваний, имевшие место в гитлеровской армии во время второй мировой войны.

Итак, знания, передаваемые воинам и усваиваемые ими в процессе политической подготовки, помогают им глубже осознать окружающий мир, сущность их собственной воинской деятельности по ее специфическим целям и задачам и самих себя как воинов, способных с оружием в руках защищать интересы социалистического государства.

Эти знания вместе с тем должны способствовать формированию у каждого воина правильного внутреннего отношения к познаваемым явлениям и событиям, к достижению целей и решению задач своей деятельности и к самому себе как к человеку, выполняющему почетный гражданский долг.

Такое сознательное отношение воина необходимо формируется в процессе политической подготовки и является внутренней основой для подчинения воином своих сугубо индивидуальных интересов интересам общества. Это свидетельствует о том, что уровень сознательности в целом и политической сознательности в особенности, характер внутреннего отношения воина к выполнению своего гражданского долга непосредственно определяют силу, устойчивость и последовательность мотивов его поведения, выступающих в виде стремления овладеть военным делом в условиях боевой и политической подготовки и успешно выполнить боевое задание в условиях боя.

В целом же самая главная задача всей политической подготовки советских воинов заключается в формировании у них научного, действенного, жизнеутверждающего мировоззрения, которое по своему содержанию соответствует идеологии советского общества.

Мировоззрение, включающее в себя знания, ставшие взглядами и убеждениями, и внутреннее отношение к своей деятельности и к себе накладывают отпечаток на систему объективно складывающихся отношений между каждым человеком и окружающим его миром и активно влияют на его практическую деятельность. Это значит, что от мировоззрения воина, от системы его взглядов и убеждений, от его субъективного отношения во многом зависит его поведение в условиях боя и в условиях боевой и политической подготовки.

Советские воины могут усмотреть истинный смысл своей воинской деятельности в целом и каждого поступка и даже действия в отдельности, правильно соотнести далекие цели и общие задачи с целями близкими и задачами частными, а мотивы общие, или широкие, социальные, сочетать с мотивами частными, ситуативными. И это потому, как учит марксизм-ленинизм, что идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. В данном случае они прямо влияют на практическую деятельность каждого воина.

Но для того чтобы мировоззрение, формирующееся в процессе политической подготовки под влиянием усваиваемых воином политических знаний, действительно воплощалось в его деятельности, необходимо учить воина правильно политически оценивать деятельность своих товарищей и себя как воина, оценивать свои действия, поступки и все поведение с позиций получаемых им знаний о требованиях идеологии социалистического общества и военной идеологии в частности. Психологическая наука показывает, что момент самооценки имеет очень большое значение для формирования личности человека. При таком понимании задач формирования мировоззрения советских воинов и роли их самооценки в процессе политической подготовки возможно успешное формирование у них таких основных морально-боевых качеств, как преданность советской Родине и ненависть к ее врагам, сознательность и дисциплинированность, мужественность и самоотверженность, боевая выучка и разумная инициативность, физическая сила и выносливость.

В заключение психологической характеристики задач формирования личности советского воина в процессе политической подготовки необходимо подчеркнуть, что эти задачи могут быть разрешены только при наличии и соблюдении ранее рассмотренных условий. В случае же их нарушения политическая подготовка будет носить формальный характер, а получаемые воином политические знания не станут его глубоко укоренившимися взглядами и убеждениями, не станут его мировоззрением и, значит, руководством к действиям. Наличие и выполнение указанных условий обеспечивают идейное формирование воина как личности.

Характеризуя роль условий, обеспечивающих успех политической подготовки, необходимо подчеркнуть огромную роль армейских партийных и комсомольских организаций, помогающих командиру в решении задач идейного формирования советских воинов.

Взаимная помощь членов партии и комсомольцев в изучении и усвоении политических знаний, взаимная помощь в осознании своих успехов и недостатков путем анализа фактов соотношения знания того, как надо поступать, и поступков (критика и самокритика), выполнение различных партийных и комсомольских поручений и т. д. действительно способствуют сочетанию политических знаний с практической деятельностью и превращению этих знаний во взгляды и убеждения, способствуют формированию мировоззрения.

Но партийные и комсомольские организации не замыкаются в своем собственном кругу. Члены партии и комсомольцы — передовики политической подготовки, стремящиеся по-коммунистически служить Родине, являются примером для беспартийных воинов и ведут их за собой.

В этом отношении коммунисты и комсомольцы действительно способствуют укреплению единоначалия в армии и помогают командирам и политработникам в решении задач воспитания своих подчиненных.

Так в процессе политической подготовки мобилизуются и развиваются психологические возможности каждого советского воина, мобилизуется и развивается сознание, обеспечивается творческое формирование передового мировоззрения и личных морально-политических качеств, необходимых воинам для высокоидейного и самоотверженного выполнения воинского долга. Но для того чтобы успешно выполнить свой гражданский долг, каждый воин вместе с политической подготовкой должен овладеть современной боевой техникой и оружием.

3. Процесс овладения боевой техникой и оружием

Несмотря на то, что исход сражения, операции и каждого боя всегда решали и будут решать люди, непосредственно ведущие бой, роль боевой техники и оружия в современных войнах не уменьшается, а увеличивается. Это объясняется тем, что боевая техника и оружие являются материальной основой боевой мощи Вооруженных Сил, одним из важнейших постоянно действующих факторов, определяющих исход войны. В соответствии с этим овладение боевой техникой и оружием в условиях мирного времени должно рассматриваться как один из важнейших разделов обучения и воспитания советских воинов.

Овладение боевой техникой и овладение оружием в психологическом отношении являются родственными процессами, так как знания, навыки и умения, которые при этом приобретаются, имеют много общего по своему существу и закономерностям образования. Это объясняется органической связью боевой техники и оружия.

Но дело не только в конструктивной общности техники и оружия. Босвая техника и оружие также и тактически сочетаются друг с другом. И то и другое подчинено единой непосредственно выступающей в бою цели — поразить противника. По этому поводу выдающийся летчик-истребитель И. Кожедуб говорил: «Известно, что хорошая стрельба — неотъемлемое качество боевого летчика. Как ни пилотируй в бою — только этим врага не победить. Техника пилотирования нужна для маневра, для того, чтобы навести на противника оружие самолета. Решающий момент в воздушном бою — открытие огня. И от того, как летчик владеет техникой стрельбы, зависит исход боя»¹.

Это совершенно правильное положение говорит о том, что без высокого мастерства пилотирования, без мастерского владения самолетом летчик-истребитель не смог бы использовать своего оружия. Правда, в настоящее время дело обстоит иначе, и летчику-истребителю приходится наводить оружие самолета не путем наводки своего самолета. Современные скорости движения и расстояния, на которых возможно поражение противника в воздушном бою, измеряются и уточняются не на «глазок», не эмпирически, а при помощи сложнейших технических средств и приборов. Но это не снимает проблемы подготовки кадров, а, наоборот, усложняет ее, так как приборы телеавтоматики и электроники дают собственно индекс самолета противника, а не его прямое изображение, не его визуальный образ. Значит, проблема подготовки кадров состоит в том, чтобы приучить людей к опосредствованному, к косвенному отражению вражеской техники и к уверенности в правильности своих расчетов и выводов. В этом, собственно, и состоит единство боевой техники и оружия и, следовательно, единство овладения ими. Примерно так же обстоит дело с овладением танком и его оружием, самоходной артиллерийской установкой и т. д. Там же, где оружие непосредственно не сочетается с боевой техникой, оно само по себе представляет в техническом отношении довольно сложную конструкцию. Это относится, например, к определенным артиллерийским системам, к пулеметам различного назначения и даже к личному оружию, которое требует тщательного ухода и умелого обращения с ним.

При постановке вопроса о роли боевой техники и оружия в современной войне необходимо учитывать, что, помимо своего основного назначения, боевая техника и оружие оказывают огромное влияние на психику людей, участвующих в бою.

Давая характеристику роли боевой техники, М. В. Фрунзе говорил: «...нужно учитывать, что техника будет иметь на полях будущих сражений не только непосредственное значение — в смысле причинения того или иного материального ущерба, но и значение посредственное, побочное — в смысле морального впечатления».

Подчеркивая эту сторону дела, он обращал внимание на то, что моральное впечатление «очень далеко выходит за пределы при-

¹ И. Кожедуб. Служу Родине, Восмиздат, 1950, стр. 91.

чинения непосредственно материального ущерба. Сплошь и рядом,— говорил он,— успех определяется не тем, что физически из рядов противника выводится часть строевой воинской силы, а тем, что этот факт действует угнетающе на психику всей остальной его части, убивая в ней способность к сопротивлению»¹.

Опыт Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. полностью подтверждает это положение. Он свидетельствует о том, что для успешных действий в условиях современного боя человек должен быть готов противостоять воздействию боевой техники и оружия противника как в физическом, так и в психологическом отношении. Благодаря именно такой подготовке, т. е. умению создавать укрепления, использовать свою технику и оружие, и благодаря высоким морально-политическим качествам советские воины смогли разгромить немецко-фашистские войска, оснащенные первоклассной боевой техникой и оружием.

Совершенно ясно, что чем большей мощностью обладают боевая техника и оружие, тем большее влияние оказывают они на психику людей, ведущих боевые действия. Это необходимо иметь в виду при решении вопросов подготовки войск. При изучении техники и оружия воин, кроме прямого их назначения, должен знать и то, как они могут повлиять на психику противника, что даст ему возможность более эффективно решать боевые задачи. Вместе с тем это поможет ему в бою психологически противостоять воздействию на него техники и оружия врага.

Классики марксизма-ленинизма учат, что техника и оружие в зависимости от общественно-экономической формации общества оказывают прямое влияние на формы, способы и приемы ведения боевых действий. Например, переход от войны позиционной к войне маневренной осуществился благодаря появлению боевой авиации, танков, подвижной артиллерии и других технических средств борьбы на полях сражений. Это, конечно, не значит, что и при современной боевой технике и оружии на определенных участках фронта не будут вестись позиционные формы борьбы. Но это частные случаи. В целом же, в принципе, современная война может быть только маневренная. Появление новой боевой техники и оружия изменяет боевые порядки, силу воздействия на противника, характер укрепления и т. д. Возрастание ударной силы войск ставит борющиеся стороны перед необходимостью усиления инженерного оборудования района ведения боевых действий, рассредоточения живой силы и средств в боевых порядках и при передвижении войск, влияет на выбор мест сосредоточения основных сил и рубежей развертывания и т. д.

Введение новых, более действенных технических средств и нового, более сильного оружия оказывает еще большее влияние на тактику. Поскольку тактикой должен владеть каждый воин, постольку в процессе подготовки войск необходимо учитывать влияние боевой техники и оружия на тактику. Следовательно, воинам

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, Воениздат, 1950, стр. 398—399.

необходимо овладеть боевой техникой и оружием так, чтобы сочетать их с наиболее современными тактическими формами воздействия на противника и самому тактически правильно противостоять воздействию боевой техники и оружия противника.

В процессе специальной военной подготовки каждый воин должен полностью овладеть вверенной ему боевой техникой и оружием, т. е. должен стать мастером своего дела. А для этого процесс овладения боевой техникой и оружием нужно образцово организовать с учетом условий, в которых протекает этот процесс.

Боевая техника и оружие предназначаются для разрушения укреплений противника, для уничтожения средств его борьбы и подавления живой силы. Из этого следует, что боевую технику и оружие можно полностью использовать по прямому назначению только в условиях боя при решении боевых задач, а процесс овладения боевой техникой и оружием осуществляется в условиях, далеких от условий боя. В силу этого в условиях мирного времени овладение боевой техникой и оружием является как бы самоцелью. Что же касается боевых условий, то техника и оружие выступают там в качестве очень важных, часто решающих средств достижения такой цели, как победа над врагом.

Это обстоятельство, естественно, накладывает отпечаток на организацию условий успешного овладения боевой техникой и оружием и свидетельствует о наличии особенностей этого процесса.

Учет влияния боевой техники и оружия на психику участников боя и на тактику ведения борьбы с противником, так же как и учет различных условий овладения боевой техникой и оружием и условий, в которых придется использовать их по прямому назначению, безусловно, способствует успешному овладению боевой техникой и оружием.

В процессе овладения воинами боевой техникой и оружием, так же как и в любом другом процессе их подготовки, решается единая задача обучения и воспитания воинов. Поэтому в целях психологического анализа процесса овладения боевой техникой и оружием, так же как и в процессе политической подготовки, можно рассматривать как результаты обучения, так и результаты воспитания.

Что касается результатов обучения, то они, представляя собой знания, навыки и умения, выступают отчетливо и поддаются точному учету. Это дает возможность четко и конкретно планировать процесс обучения. Вместе с этим необходимо отметить, что приобретение знаний, навыков и умений связано с преодолением трудностей, зависящих от сложности современной боевой техники и оружия. Овладеть, например, техникой пилотирования реактивным самолетом, который обладает большой скоростью полета, значительно труднее, чем научиться управлять самолетом с поршневым двигателем, обладающим меньшими скоростями. Так же обстоит дело и с оружием. Чем сложнее оружие по своей конструкции и чем большей ударной силой оно обладает, тем труднее научиться

им владеть. Это обстоятельство неизбежно усложняет процесс изучения боевой техники и оружия. Поэтому в практике обучения создаются необходимые условия и используются соответствующие средства и методические приемы. Например, для усвоения обучающимися знаний, связанных с овладением боевой техникой и оружием, необходима четкая и последовательная словесная передача; при этом обучающий использует такие наглядные пособия, как схемы, макеты, учебную технику, учебное оружие и т. д. В подобном случае важно использовать такой метод обучения, как показ руководителем занятий. «Делай, как я» — это очень важный момент обучения, который не только способствует приобретению знания боевой техники и оружия теми, кто обучается, но и повышает в их глазах авторитет обучающего. И это понятно, так как воин на практике убеждается в мастерстве своего командира и проникается к нему еще большим уважением.

В процессе изучения боевой техники и оружия, кроме знаний, образуются у воинов специальные навыки, т. е. автоматизировавшиеся действия.

В данном случае наряду с учетом прочности и подвижности навыков можно обратить внимание на их сложность. Например, даже при беглом анализе начальной части прицельного выстрела из пистолета, т. е. изготовки к стрельбе, становится очевидным, что стрелок должен обладать сложными навыками. Он, во-первых, должен правильно поставить ноги. Опытные стрелки считают, что положение ступней должно быть таким, как при ходьбе. Это наиболее естественно для человека. Он, во-вторых, должен держать плечи так, чтобы их линия была параллельна линии расположения ступней. Это необходимо для того, чтобы избежать, как говорят, «скручивания» корпуса, что вызывает отклонение пули влево или вправо от цели и, значит, отрицательно сказывается на результатах стрельбы. Он, в-третьих, должен равномерно распределить вес тела на обе ноги. В противном случае попадание будет выше или ниже цели. Он, в-четвертых, должен правильно держать пистолет. Если оружие чрезмерно сжимать кистью руки и если его держать не однообразно, то вероятность попадания будет очень малой, а выработка навыка будет задерживаться.

Все эти и другие элементы изготовки должны сочетаться друг с другом и составлять единый процесс. В этом их сложность.

Еще сложнее будет обстоять дело с выработкой навыков управления групповым оружием, которое обслуживается расчетом или экипажем. Особенно это следует иметь в виду при решении задачи по отработке полной взаимозаменяемости номеров в расчете, экипаже.

Не проще обстоит дело и с образованием навыков в процессе изучения боевой техники. И здесь воин приобретает чрезвычайно сложные автоматизированные действия, без которых невозможно управление самолетом, танком, бронетранспортером, автомобилем, артиллерийской или радиолокационной системой и т. д.

Так кратко можно изложить вопрос о навыках как о результа-

тах обучения в процессе овладения боевой техникой и оружием, не раскрывая в данном случае закономерностей формирования необходимых навыков.

В заключение характеристики результатов обучения в процессе овладения боевой техникой и оружием необходимо указать на единство знаний и навыков воинов, реализующихся в их умениях. В ходе изучения боевой техники и оружия у воина формируются не сами по себе отвлеченные знания и отдельные навыки, а умения. Из этого следует, что в процессе передачи знаний и выработки навыков воин учится тому, как и в каких условиях приобретать и пользоваться своим знаниями и навыками, как контролировать и проверять себя на практике.

Так выглядят результаты обучения, которые создаются в процессе овладения боевой техникой и оружием.

Что касается вопросов, связанных с организацией самого обучения, то один из них необходимо выделить особо. Это вопрос о расчлененности обучения, вопрос об обучении по элементам.

Сложные знания человека состоят из простых знаний, а образование знаний идет от простого к сложному. Например, воин изучает материальную часть боевой техники и оружия, учится разбирать и собирать их, изучает отдельные детали и части. При этом он, естественно, мыслит, опираясь на свою зрительную и двигательную память. В связи с изучением материальной части оружия и техники воин усваивает знания о взаимодействии частей и механизмов оружия. В это время у него активизируется и процесс воображения. Это объясняется тем, что, например, удар бойка затвора автомата по капсюлю боевого патрона при выстреле или работа замка пулемета во время стрельбы, так же как и движение поршня в цилиндре мотора и многое другое, не могут быть непосредственно восприняты. В дальнейшем воин приобретает знания о режиме эксплуатации боевой техники и оружия, об их технических и тактических возможностях, о соотношении их с тактикой ведения боевых действий и т. д.

Так же обстоит дело и с выработкой сложных навыков. Уже при изучении материальной части у воина образуются элементарные двигательные навыки, входящие в состав его более сложных действий, при помощи которых он разбирает и собирает изучаемую технику и оружие, ухаживает за ними и т. д. В дальнейшем, благодаря наличию многих элементарных двигательных, чувственных и умственных навыков и их совмещению у воина образуются чрезвычайно сложные навыки, без которых невозможно управление боевой техникой и оружием.

Такая же картина наблюдается и при формировании умений.

Итак, процесс образования знаний, навыков и умений идет от простого к сложному. В соответствии с этим и строится процесс обучения воинов, овладевающих боевой техникой и оружием. Это значит, что перед обучающим ставится задача в каждом конкретном случае выделить и передать обучаемому отдельные элементы из знаний, навыков и умений, которые должны быть конечным

результатом обучения. Например, механик-водитель танка в конечном счете должен уметь водить танк, а стрелок — метко стрелять.

Но что значит уметь водить танк? Это значит, что механик-водитель должен вести танк по заданному курсу, считаться с профилем местности, учитывать неровности, плотность грунта и другие особенности дороги, преодолевать крутые подъемы, спуски, рвы, надолбы и другие препятствия, использовать инерцию движения, вовремя уменьшить или увеличить скорость и т. д. Вот это сложное умение должен приобрести механик-водитель танка. Очевидно, что для приобретения такого умения нужны конкретные знания и навыки, которые формируются и приводятся в действие в зависимости от множества частных задач, возникающих по ходу событий. Но все знания и навыки совмещаются друг с другом и под влиянием конкретных условий вступают между собой в самые различные, более или менее закрепленные связи и комбинации.

Эти знания и навыки, так же как и их связи и комбинации, выделяются командиром и политработником на каждом этапе специальной подготовки и при помощи соответствующих упражнений закрепляются и автоматизируются. Так же обстоит дело и с производством прицельного выстрела, в котором, как и во всяком сложном действии, сочетаются многие частные знания и навыки, приобретаемые обучающимися как порознь, так и в требуемых сочетаниях.

Но как расчленить процесс обучения, по какому принципу выделять частные знания и навыки, которыми овладевают обучающиеся?

Опыт обучения показывает, что целесообразным является выделение отдельных, наиболее элементарных знаний и навыков из общего комплекса, которым должен овладеть обучающийся; причем это овладение должно быть как бы самоцелью. Изучая, например, двигатель танка, механик-водитель сначала только знакомится с ним безотносительно к весу танка, к его размерам, к его проходимости и т. д. Изучать же это детально он начнет в дальнейшем, когда ему надо будет учиться водить танк в реальных условиях. То же самое происходит и при выработке соответствующих навыков. Совершенно ясно, что автоматизация действий, необходимых, скажем, для переключения скоростей, должна начинаться в условиях, исключающих работу двигателя и движение танка. И у стрелка до начала стрельбы боевыми патронами должно быть отработано умение, как ориентировать тело в соответствии с мишенью, правильно видеть мишень, мушку и прорезь прицела, плавно нажимать указательным пальцем на спусковой крючок и т. д.

При такой организации обучения уже усвоенные знания и навыки послужат опорой и средством для овладения новыми, более сложными знаниями и навыками. Однако нельзя переоценивать усвоение отдельных знаний и выработку таких же навыков. Все этапы обучения от первого до последнего, т. е. до изучения боевой техники и оружия во всем их объеме и в реальных условиях, явля-

ются предварительными этапами. Только в процессе управления танком в реальных, часто изменяющихся условиях, когда каждый данный момент деятельности механика-водителя отличается от моментов предыдущих и моментов последующих, могут сформироваться необходимые знания и навыки. Это относится, конечно, ко всем воинам независимо от рода войск и конкретной специальности.

Подчеркивая решающую роль завершающего этапа обучения воинов, овладевающих боевой техникой и оружием, необходимо еще раз указать на огромную роль предварительных этапов. При эксплуатации боевой техники и при использовании оружия в конкретных условиях обучающийся не имеет возможности оценивать и контролировать каждое свое частное действие и применение отдельных знаний. Он часто не может сам обнаружить свои ошибки и нуждается в указаниях и советах обучающего. На предварительных же этапах обучения обучающийся имеет все условия для того, чтобы мобилизовать и сосредоточить сознание обучаемого на отдельных знаниях и действиях, сделать их предметом усвоения и закрепления, а обучающийся имеет возможность отнестись к отдельным моментам своей учебной деятельности как к актуально осознаваемым и автоматизирующимся в результате соответствующих упражнений.

Такова краткая характеристика психологической стороны обучения воинов, овладевающих боевой техникой и оружием, опирающаяся на данные павловской физиологии высшей нервной деятельности.

Как же обстоит дело с воспитанием воинов в процессе овладения ими боевой техникой и оружием?

Результаты воспитания, как об этом уже говорилось, представляют собой сложные личные качества воина, которые формируются в процессе всей его деятельности, в том числе и учебной.

Приобретая новые знания в процессе изучения боевой техники и оружия, воин, естественно, обогащает и расширяет свои возможности отражения реальной действительности. На этой основе у него формируются такие качества, как находчивость, сообразительность, расчетливость, осмотрительность (например, у летчиков) и т. д. И это понятно, так как современная сложная боевая техника и оружие могут быть умело использованы только при наличии названных и аналогичных им качеств. Например, без учета особенностей мотора своей машины, профиля дороги, погоды и силы ветра, без учета и использования силы инерции и ряда других моментов, т. е. без расчетливости, может не хватить горючего, и шофер не выполнит задания. Не обладая сообразительностью, он не сможет быстро и правильно сориентироваться в сложных условиях и спланировать свои действия, а без находчивости не сумеет выйти из затруднительных, неожиданно сложившихся обстоятельств и т. д.

Но дело заключается не только в теоретических знаниях и соответствующих им личных качествах. Знания обязательно связаны с практическими действиями, благодаря которым только и можно

на деле использовать боевую технику и оружие. Но действия, как уже отмечалось, должны быть устойчивыми, заученными.

Заучивая те или иные действия, необходимые для управления техникой или оружием, овладевая этими действиями, воин приучается к контролю и регулированию своих действий, к управлению своим поведением в соответствии с поставленной целью при учете конкретно складывающихся обстоятельств. Но это, как известно, дело не легкое, потому что в процессе овладения боевой техникой и оружием воин встречается со многими трудностями, которые необходимо преодолевать. Преодоление трудностей способствует формированию таких качеств, как самообладание, настойчивость, энергичность и т. д. Эти сложные волевые качества развиваются в непосредственной зависимости от образования качеств более простых.

В процессе овладения боевой техникой и оружием воин учится производить соответствующие движения руками и ногами, делать по своему усмотрению вдох и выдох, напрягать соответствующую группу мышц и т. д. Все это неизбежно связано с образованием навыков и умений. При этом важно подчеркнуть, что чем большим количеством заученных движений обладает человек, тем легче ему управлять своим поведением, т. е. совершать целенаправленные действия и поступки. Это обстоятельство необходимо учитывать при организации обучения и воспитания, так как могут быть случаи, когда неудача в выполнении соответствующих действий зависит не от недостатка знаний, а от несовершенства таких личных качеств, как самообладание, упорство и т. д. Известно, например, что на предварительных отборочных соревнованиях и на тренировочных стрельбах стрелки часто показывают более высокие результаты, чем на соревнованиях, к которым они специально готовились. Психологически это объясняется тем, что при повышенном к себе требовании, повышенной ответственности или при необходимости действовать «на показ» человеку труднее управлять своим поведением и отдельными действиями.

Это объясняется тем, что в перечисленных и им аналогичных случаях сознание человека под влиянием его стремления выполнить сложное действие возможно лучше как бы распределяется на составные части производимого действия, вместо того чтобы сосредоточиться на цели, которая должна быть достигнута посредством действия. Под влиянием такого состояния сознания составные части сложного действия подвергаются излишнему контролю и как бы перестают быть автоматизированными, что нарушает целостность, а вместе с тем и точность сложного действия.

Из этого следует вывод: **при изучении боевой техники и оружия необходимо, во-первых, ставить перед воинами высокие требования и, во-вторых, учить их предъявлять к самим себе такие требования.** Для этой цели, как правило, проводится соответствующая разъяснительная работа и используются другие приемы мобилизации сознания воинов (стенные газеты, боевые листки, обсуждение на собраниях, состязания, соревнования и т. д.). Если воины

успешно управляют техникой и используют оружие при повышенной к себе требовательности, они смогут управлять своим поведением в бою, где требовательность, о которой идет речь, возрастет в огромной степени.

В качестве иллюстрации несовершенства отдельных качеств, являющихся результатом недостаточной воспитанности, можно указать на торопливость стрелка при нажиме пальцем на спусковой крючок. В ряде случаев это объясняется тем, что стрелок стремится как можно скорее использовать хорошее сочетание мишени, мушки и прорези прицела, стремится, чтобы это сочетание не нарушилось. Такое стремление свидетельствует о недостаточной выдержке.

Этот недостаток можно преодолеть необходимыми разъяснениями и тренировками. Но может быть и так, что стрелок явно недооценивает своих способностей и не верит в свои силы. В таком случае ему необходимо доказать, что это не так, и установить причину неудач. Если эта причина в торопливости, в стремлении быстро использовать хорошее сочетание центра мишени, который резко выделяется своим цветом, мушки и прорези прицела, то, как показывают факты, достаточно убрать центр мишени, и результаты стрельбы станут более высокими. Убедившись в своей торопливости, сам стрелок приложит силы к ее устранению, т. е. к выработке у себя выдержки. Примеры такого рода можно умножить. К ним, в частности, относится чрезмерная напряженность отдельных мышц стрелка в ожидании им выстрела и преодоление этого явления во время тренировок путем неожиданного для стрелка чередования боевых патронов с холостыми (при соблюдении необходимых мер предосторожности). Сюда же относится переоценка роли зрения в стрельбе и т. д.

Аналогичные факты встречаются и в процессе овладения техникой. Недостаточная настойчивость, выдержка, решительность и другие отрицательные моменты личных качеств встречаются у новичков летчиков, танкистов, артиллеристов и других.

Следует, однако, отметить, что порознь рассматривать формирование самых различных качеств воина можно только в целях анализа. В действительности же все они представляют неразрывное единство, и их формирование и совершенствование представляют собой единый процесс. Поэтому конечная цель обучения и воспитания воина в процессе овладения боевой техникой и оружием заключается не в том, чтобы создать и улучшить у него отдельные личные качества, а в том, чтобы сделать его умелым стрелком, танкистом, сапером, связистом и т. д.

А что значит быть умелым? Это значит, что все личные качества воина в своем единстве должны выступать как его личные возможности самостоятельно решать задачи, поставленные перед ним и возникающие по ходу его деятельности. Самостоятельность — это вместе с тем дисциплинированность воина, благодаря которой он управляет своим поведением в соответствии с требованиями решаемых задач. Отдельные же личные качества надо иметь

в виду в процессе обучения, а их формирование и совершенствование должно быть подчинено целям формирования личности воина.

Все личные качества находятся в неразрывном единстве с чувствами воина, которые также формируются в процессе овладения боевой техникой и оружием. При этом происходит сочетание множества элементарных ощущений (слуховых, зрительных, мускульно-двигательных и других) в необходимые комплексы, посылающие сигналы в кору головного мозга о положении и движении той или иной части тела, о мускульном напряжении и т. д.

Все эти элементарные ощущения вызываются непосредственно воздействием раздражителей на органы чувств человека. Вместе с этим у воина формируются и такие сложные чувства, как чувство успеха или неуспеха, легкости или трудности, уверенности или, наоборот, неуверенности и т. д. Здесь же в процессе овладения боевой техникой и оружием под влиянием успехов формируется чувство удовлетворенности, под влиянием знания достоинств техники и оружия — чувство гордости за них, под влиянием осознания доверия народа, вручившего технику и оружие, — чувство собственного достоинства, чувство долга и многие другие нравственные чувства воина.

Так в процессе овладения боевой техникой и оружием вместе с результатами обучения, выступающими в качестве специальных знаний, навыков и умений, у воина образуются и развиваются сложные личные качества, которые являются результатом воспитания, осуществляемого в единстве с обучением.

В связи с характеристикой особенностей обучения и воспитания воинов в процессе овладения ими боевой техникой и оружием необходимо специально выделить вопрос о роли внутреннего отношения каждого воина к самому себе как к воину, с одной стороны, и к боевой технике и оружию — с другой.

Факты показывают, что если тот или иной воин внутренне нетребовательно относится к себе как к настоящему воину, а свою деятельность считает временной, то ему значительно труднее обучаться и воспитываться, чем тому, у кого правильное отношение к себе и к своей воинской деятельности.

Факты показывают также, что советские воины благодаря правильному пониманию целей и задач, стоящих перед Вооруженными Силами, благодаря чувству долга и ответственности за судьбу Родины, патриотизму и высокой политической сознательности правильно оценивает себя как активных защитников социалистического государства. Эта правильная самооценка является залогом успешного обучения и воспитания воинов в процессе овладения ими боевой техникой и оружием.

Из этого следует, что формирование правильного отношения воина к себе как к советскому воину конкретизируется в формировании у него правильного внутреннего отношения к изучаемой технике и оружию. Это объясняется тем, что приобретаемые воином

специальные знания, навыки и умения действительно способствуют как формированию у него воинских качеств, так и их осознанию.

Опыт показывает, что недооценка воином вверенной ему техники и оружия приведет к тому, что он будет овладевать ими без особого желания, пассивно. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы каждый военнослужащий знал, что в современных войнах применяются самые разнообразные образцы боевой техники и оружия, начиная от простейших и кончая самыми сложными, и что каждый бой является общевойсковым, т. е. таким, в котором выступают во взаимодействии многие виды оружия и многие рода войск. Каждому воину независимо от звания и занимаемой должности необходимо осознать, что всякий вид боевой техники и оружия должен рассматриваться и оцениваться им в сравнении и во взаимодействии с остальной техникой и оружием, которые используются для решения той или иной боевой задачи.

Нужно, например, чтобы воин оценивал бронетранспортер, состоящий на вооружении частей и подразделений Советской Армии, как грозную силу, а не только как средство передвижения, средство транспорта. Так же он должен осознавать роль танков и самолетов различных типов, артиллерийских орудий различных систем, калибров и т. д.

Следовательно, необходимо, чтобы каждый воин знал, что все виды боевой техники и оружия хороши и незаменимы на своем месте в общевойсковом бою. Такая система знаний обеспечивает формирование у воинов правильного внутреннего отношения к боевой технике и оружию. Каждый воин правильно осмысливает свою деятельность, которая направлена на овладение вверенной ему техникой и оружием. А наличие смысла активизирует деятельность и обеспечивает успех обучения и воспитания.

Это положение относится абсолютно ко всей боевой технике и ко всему оружию. Поэтому, если солдату или сержанту и офицеру кажется, например, что он имеет дело с устаревшим типом танка или самолета, образцом пушки или миномета, авиационной бомбы или гранаты, пулемета или автомата и т. д., то это мнение необходимо преодолеть. Надо, чтобы каждый воин понял, что в истории еще не было случая, когда бы сразу же в один прием заменялась абсолютно вся боевая техника и оружие, а вместе с ними — все другие средства, способы и приемы борьбы на полях сражений. Следует добиваться, чтобы воины, правильно оценивая новые виды вооружения и активно овладевая ими, не игнорировали всего остального, не утратившего своего значения.

Так, знание роли различных видов боевой техники и оружия положительно влияет на формирование у воинов правильного отношения как к технике, так и к оружию и обеспечивает активность процессов обучения и воспитания и, следовательно, их успех.

Огромное значение в образовании правильного внутреннего отношения к отечественной боевой технике и оружию имеет также система знаний воина об их превосходстве над техникой и ору-

жнем армий империалистических государств. В этой связи следует подчеркнуть, что при проведении соответствующих занятий сведения о превосходстве отечественной техники и оружия должны быть аргументированы соответствующими техническими и тактическими данными. С этой целью необходимо сопоставить сопоставимые цифровые показатели и, подытоживая, в целом дать характеристику танку и оценку его, ракетам, управляемым снарядам, пушкам и т. д. Проводя такую работу, следует придерживаться всесторонних и объективных данных, которые говорят в пользу советской военной техники и оружия. Если же по какому-то частному, второстепенному показателю они и уступают, то скрывать этого не надо. Напротив, такие моменты нужно выделить и противопоставить им другие, в целом обеспечивающие подавляющее превосходство. Такое объективное сопоставление и выявление преимуществ отечественной техники и оружия усиливает доверие обучаемых к обучающему и оказывает на них большое воспитательное воздействие.

Кроме цифровых данных, для передачи знаний о превосходстве изучаемой боевой техники и оружия необходимо использовать самые различные наглядные пособия (плакаты, схемы и макеты), а также кинофильмы, включая (где это возможно) показ подлинных действий (пробойна снарядом, разрушительное действие авиабомбы, прицельность стрельбы артиллерийского орудия и т. д.).

Знание превосходства своей боевой техники и своего оружия усиливается знаниями о приоритете их изобретения и применения. Это очень важный момент, который имеет большое воспитательное значение. Однако, излагая исторические материалы, свидетельствующие о приоритете многих отечественных открытий и изобретений в области военной техники и оружия, и говоря о фактах незаконного присвоения многих из них капиталистическими странами, нельзя опускать существа вопроса.

В практике обучения и воспитания иногда встречаются случаи, когда руководители занятий, рассказывая о приоритете, главное внимание обращают на время, т. е. на тот факт, что кто-то изобрел раньше, а кто-то позже. Такой показ приоритета не полностью достигает цели обогащения знаний воина о превосходстве вверенной ему и изучаемой им техники и оружия. Кроме опережения во времени, необходимо показать, что никакие открытия и изобретения не могут осуществляться на пустом месте, т. е. без необходимых условий и предварительной подготовки, и что приоритет основывается на соответствующих традициях в науке и на научных данных. Например, если в области артиллерийского вооружения ученые и изобретатели России давно опередили другие страны, то за этим лежит пройденный ими и еще не пройденный иностранными специалистами путь в области математических расчетов, технологии металла, опыта производства и т. д. Так же, и даже более остро, стоит вопрос в области межконтинентальных и межпланетных баллистических ракет. Значит, дело не только в трех или десяти годах, а в возможностях ряда научно-теоретических и производственных областей.

Такой показ приоритета поможет воину понять не только прошлое, но и увидеть перспективу будущего развития на основе уже имеющихся достижений, поможет понять, что приоритет в прошлом положительно влияет на настоящее и будущее боевой техники и оружия. Такое раскрытие приоритета действительно будет способствовать обогащению знаний воина о высоких качествах и, следовательно, превосходстве боевой техники и оружия, которыми ему надо овладеть.

Положительно влияя на формирование правильного внутреннего отношения воина к изучаемой им боевой технике и оружию, знания о их превосходстве способствуют формированию у воина чувства мощи этой техники и оружия, чувства мощи и силы советского народа, способного производить такую технику и оружие в количестве, достаточном, чтобы оснастить свои Вооруженные Силы.

Рост технической оснащенности Советских Вооруженных Сил ярко показан в выступлении на XXI съезде партии Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Говоря о том, что наша армия стала высокотехнической вооруженной силой, Министр обороны привел следующие данные о соотношении командных и инженерно-технических кадров. «Если в конце Великой Отечественной войны во всех Вооруженных Силах одна штатная единица инженерно-технического состава приходилась на 4,2 штатной единицы командного состава, а в сухопутных войсках даже на 5,7 единицы, то в настоящее время одна штатная единица инженерно-технического состава приходится на 1,5 штатной единицы командного состава в Вооруженных Силах в целом и на 3 штатных единицы в сухопутных войсках».

Выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства еще больше укрепит оборонную базу нашей страны и неизмеримо повысит техническую вооруженность Советской Армии.

В связи с показом роста технической оснащенности наших Вооруженных Сил у советских воинов поднимается на более высокий уровень чувство советского патриотизма, своего долга и собственного достоинства и другие нравственные чувства. Так, руководитель занятий по изучению боевой техники и оружия, решая свои специфические задачи боевой подготовки, формируя морально-политические качества у советских воинов, решает вместе с тем и задачи политической подготовки. Именно по этой линии ярче всего выступает единство процесса овладения боевой техникой и оружием и процесса политической подготовки советских воинов.

С приобретением знаний о превосходстве своей боевой техники у каждого советского воина укрепляется чувство уверенности в силе нашей армии. На формирование этого чувства следует обратить особое внимание, ибо оно играет большую, а иногда и решающую роль в изучении боевой техники и оружия и в применении их в условиях боя. Если воин верит, что его техника превосходит технику и оружие предполагаемого противника, если он верит, что танк, пушка, самолет или пулемет не подведут его в бою, он

будет с интересом изучать их в мирное время и в дальнейшем использовать в бою.

Руководитель занятий по изучению техники и оружия должен учитывать влияние результатов первого самостоятельного полета летчика, выстрела стрелка и т. д. на их моральное состояние и на их внутреннее отношение к боевой технике и оружию.

Некоторые воины-новички объясняют иногда свои неудачи «неисправностями» изучаемой ими техники и оружия. Такое неправильное мнение легко может разбить руководитель занятия, когда он лично или кто-нибудь другой по его указанию покажет на той же технике или оружии, что и как надо делать, чтобы добиться желаемых результатов. Меткий выстрел из автомата или преодоление препятствия танком сразу же снимает «обвинение» с танка или с автомата со стороны того, кто недостаточно овладел искусством стрельбы или искусством вождения танка. Но для того чтобы не было необоснованных обвинений, необходимо тщательно готовиться к первому использованию боевой техники в условиях, приближенных к боевым, — к первым боевым стрельбам.

Дело, конечно, не столько в «обвинении» техники и оружия (это объяснение легко снимается), сколько в том, что, «оправдывая» технику и оружие, воин переносит вину на себя, а это может повлечь либо усиленную работу над собой и, значит, успех в решении задач обучения и воспитания, либо неуверенность в своих силах, что неизбежно отрицательно скажется на подготовке воина. Это значит, что, «оправдывая» технику и оружие путем демонстрации их исправности и точности действия, руководитель занятий должен следить за тем, чтобы не вселить воину чувство неуверенности в свои силы и свои способности.

Перед руководителем занятий стоит задача следить также за тем, чтобы у воина не образовалось чувство чрезмерной, слепой веры в силу и достоинства боевой техники и оружия, чтобы у него было четкое и твердое убеждение в том, что успех каждого боя и войны в целом определяется не техникой и оружием, а людьми, успешно овладевшими ими.

Такой подход обеспечивает сосредоточение сознания воинов на необходимости стать мастерами своего дела для того, чтобы в сложной боевой обстановке полностью использовать все возможности боевой техники и оружия.

Так формируется правильное внутреннее отношение воина к боевой технике и оружию.

Но это только часть дела, так как формирование правильного внутреннего отношения к боевой технике и оружию, кроме разъяснительной работы, во многом зависит от практической деятельности воина. Ведь солдаты и матросы, сержанты и старшины, так же как и офицеры, соответствующим образом эксплуатируют введенную им технику и оружие, ухаживают за ними и берегут их. Они вкладывают сюда свои силы и энергию, свой труд, переживают свои успехи и неудачи, волнуются при решении поставленных перед ними задач (эксплуатация техники, стрельба боевыми патро-

нами, снарядами и т. д.), приобретают уверенность в мощи, маневренности и других качествах боевой техники и оружия, испытывают уважение к ним и переносят эту уверенность и уважение на себя. Таким образом, действуя с боевой техникой и оружием, воин ближе становится к ним, роднится, сливается с ними.

Поэтому на фоне общего правильного отношения к боевой технике и оружию у воина создается конкретное, особое отношение к «своему» оружию, к «своему» самолету, к «своему» танку, к «своему» автомату и т. д. Это очень важный момент — отношение к «своему». Это подлинно «свое» в боевой технике и оружии возникает в процессе практической деятельности воина в связи с преодолением им ряда трудностей. Отсюда и знание всех достоинств и недостатков своего танка, своего автомата и т. д.

На основе практической деятельности, а также затраченной энергии и приложенных усилий у воина возникает глубокое уважение к боевой технике и оружию и подлинная, действенная любовь к ним. Советские воины складывают песни о боевой технике и оружии, остро переживают случаи их повреждения. Раненные в бою солдаты с сожалением расставались со своим оружием и, возвратившись в свою часть, разыскивали и стремились опять получить его.

Так, в процессе практической деятельности формируется чувство любви к боевой технике и оружию; при этом нельзя недооценивать роли соответствующих разъяснений, при помощи которых можно возбудить интерес к боевой технике и оружию и желание овладеть ими. Это особенно важно иметь в виду потому, что очень многое в формировании правильного отношения воина к боевой технике и оружию зависит от первого впечатления, которое создается во время рассказа и показа, от первоначального знакомства. Однако разъяснительную пропагандистскую работу нельзя и переоценивать. Известно, что на основе одних разговоров о любви к боевой технике и оружию желаемой любви не воспитать.

В связи с необходимостью формирования правильного отношения воина к боевой технике и оружию, отношения, которое обеспечивает успех обучения и воспитания, следует особо выделить вопрос о закреплении за воином (за расчетом или экипажем) той или иной техники и оружия.

Каждый танк, как известно, обслуживается экипажем, каждое орудие имеет свой расчет, каждый воин имеет свое личное оружие и т. д. Такое закрепление, связанное с уходом, сбережением и эксплуатацией во время решения задач обучения и тактических задач, естественно, сближает человека с вверенной именно ему боевой техникой и оружием.

Отсутствие обезлички повышает у воина чувство ответственности и долга, чувство собственного достоинства.

В связи с этим очень важно иметь в виду психологическое значение акта вручения боевой техники и оружия, которое должно производиться в торжественной обстановке и оставить неизгладимое впечатление.

Отношение к боевой технике и оружию, как к своим, как к тому, что доверено воину народом, способствует выработке чувства бережливости к социалистическому имуществу. Это отношение влияет и на формирование законного чувства гордости за могущество Родины, оснащающей свою армию первоклассной техникой и новейшим оружием. Решая задачи специальной технической и огневой подготовки, т. е. задачи обучения и воспитания в конкретной области, руководители занятий объективно по ходу дела решают задачу формирования не самих по себе отдельных личных качеств каждого воина, а осуществляют формирование воина как личности.

Да иначе и не может быть, так как в процессе овладения боевой техникой и оружием, как и другими видами боевой подготовки, у воина вместе с развитием опыта развиваются отдельные черты характера и характер в целом, который накладывает отпечаток на всю деятельность воина, на все его поведение и мировоззрение. Это объясняется тем, что, изучая боевую технику и оружие, воин приобретает знания, которые помогают ему уяснить многие явления, выходящие за пределы его непосредственной деятельности.

Например, при овладении мотором воин получает сведения о качествах металла, из которого сделаны те или иные детали, о значении для мотора охлаждения, о свойствах горючего воспламеняться, о силе трения и роли смазки и т. д. При изучении артиллерийского орудия воин узнает о причинах и силе отдачи при выстреле, о траектории полета снаряда, о вероятности попадания снаряда и рассеивании, о свойствах пороха взрываться и о многом другом. При изучении автомата воин узнает об отклонении пули вследствие ее вращения вокруг своей оси, о влиянии на полет пули движения воздуха (ветра) и т. д. Еще более глубокие знания получает воин при изучении более сложной современной боевой техники и оружия, например радиолокационной.

Таким образом, приобретаемые воином технические и вместе с ними многие другие знания положительно влияют на формирование его материалистического мировоззрения и повышают его общекультурный уровень, а это в свою очередь оказывает решающее влияние на усвоение новых знаний, на выработку новых навыков, на приобретение новых умений и на формирование сложных, личных качеств.

Так, во взаимодействии с процессом политической подготовки осуществляется формирование личности советского воина в процессе овладения им боевой техникой и оружием.

Важно также иметь в виду и то, что овладение боевой техникой и оружием непосредственно связано с элементами тактики. Сначала эта связь осуществляется на словах, когда идет речь о роли изучаемой боевой техники и оружия на поле боя и о конкретных фактах и примерах, связанных с боевыми действиями. Затем, когда воин уже может частично и тем более полностью эксплуатировать вверенную ему технику и оружие, элементы тактики выступают практически: для летчика — на аэродроме и в воздухе, для артиллериста — на полигоне и т. д.

Наличие же явно выступающих элементов тактики свидетельствует об объективном сближении условий обучения с условиями тактических запытий и учений, а через них — с условиями боевыми. Например, эксплуатация танка в любое время года, суток и при любой погоде с преодолением различных препятствий на пути движения, со стрельбой на ходу, да еще по движущимся целям, действительно способствует выработке у танкистов таких личных качеств, которые им понадобятся для решения тактической, а в последующем и боевой задачи.

Выработка же этих качеств, собственно, и представляет собой формирование личности именно воина, формирование мастера своего дела. Это относится абсолютно ко всем воинам. Так, стрельба из автомата в непривычных условиях, во время ветра, дождя или мороза, после физической нагрузки (марш), при дополнительном снаряжении (противогаз и т. д.), также положительно влияет на формирование личности воина. Это обстоятельство необходимо учитывать и практически организовать соответствующие условия для успешного решения задач обучения и воспитания воинов, овладевающих боевой техникой и оружием.

Руководители занятий — командиры не единолично решают все задачи формирования личности воина в процессе овладения им боевой техникой и оружием. В этом сложном и ответственном деле они всегда опираются на партийные и комсомольские организации. Партийно-политическая работа, проводимая в различных формах, обеспечивает повышение политической сознательности воинов, способствует формированию у них правильного отношения к себе как к воинам и к боевой технике и оружию и мобилизует их силы на решение задач боевой и политической подготовки.

Все сказанное об овладении боевой техникой и оружием свидетельствует о том, что каждый воин должен обладать и соответствующими физическими качествами (физической силой, ловкостью, выносливостью). Но так как этот вопрос является большим и сложным, то он должен быть рассмотрен особо.

4. Строевая и физическая подготовка

Для того чтобы успешно действовать в условиях современного боя, каждый воин вместе с высокими морально-политическими качествами, с хорошими знаниями техники и оружия, умением их использовать по назначению должен обладать и соответствующими физическими качествами.

В решении этой задачи большую роль играет строевая и физическая подготовка.

В процессе строевой подготовки воин овладевает искусством выполнять различные строевые приемы, производить движение без оружия и с оружием, совершать перебежки, переползание, переходить от развернутого строя к строю походному и т. д. В процессе физической подготовки воин овладевает искусством производить

действия (прыжки, бег, упражнения на снарядах и т. д.), при помощи которых он может преодолевать самые различные препятствия.

Личные качества, формируемые у воинов в процессе строевой и физической подготовки, с точки зрения психологии являются очень близкими. Эта близость заключается в том, что знания, навыки и умения, приобретаемые в процессе как строевой, так и физической подготовки, и формирующиеся под их влиянием личные качества связаны главным образом с такими возможностями воина, как производство планируемых действий, как мобилизация, распределение и экономия физической силы, как использование своей выносливости, ловкости и т. д.

Такое сходство целей и результатов строевой и физической подготовки дает право рассматривать их вместе как особый вид боевой и политической подготовки войск. Это, конечно, не значит, что цели строевой подготовки и цели физической подготовки абсолютно совпадают. Они друг друга дополняют и обогащают, но все это происходит в одной области формирования личности воина.

В Вооруженных Силах Союза ССР уделяется большое внимание строевой и физической подготовке. Это объясняется тем, что в процессе строевой и физической подготовки решаются сложные и ответственные задачи по обучению и воспитанию войск.

Подчеркивая важность задач строевой и физической подготовки, необходимо иметь в виду, что для успешного их решения они должны рассматриваться с различных сторон. Например, с точки зрения тактической строевая и физическая подготовка обеспечивает формирование у воинов умений использовать при решении боевой задачи складки местности и местные предметы, скрытно сближаться с противником, быстро передвигаться, преодолевать препятствия, требующие физической закалки, и т. д.

Задачи строевой и физической подготовки могут быть рассмотрены и с физиологической точки зрения. При этом имеются в виду такие вопросы, как развитие мышечной системы, укрепление суставных связок и сухожилий, работа легких и сердца, режим тренировок и максимальная физическая нагрузка, утомляемость и т. д.

Задачи строевой и физической подготовки могут и должны рассматриваться также и с психологической точки зрения. Такой подход к характеристике задач строевой и физической подготовки обусловливается тем, что под влиянием этого вида подготовки у каждого воина возникают различные психологические процессы и образуются психические свойства. Это фактически осуществляется в течении мыслительных процессов воина, в его чувствах, в волевых напряжениях, в выработке и использовании автоматизированных действий, в формировании соответствующих умений и т. д. Учет психологической стороны деятельности воина необходим для того, чтобы строевая и физическая подготовка проводилась на должном организационном и методическом уровне.

Задача командиров состоит в том, чтобы на основе учета психологических данных обеспечить целеустремленность в проведении

строевой и физической подготовки. Так поступают опытные командиры, когда ставят конкретные цели по отработке у воинов тех или иных приемов или действий, по формированию у них соответствующих личных качеств. Учет психологической стороны дела дает возможность осуществить индивидуальный подход к воинам, которые обучаются и воспитываются в процессе строевой и физической подготовки. Это может выразиться на занятии в подборе специальных упражнений, в выделении или объединении групп и подгрупп, состоящих из воинов с одинаковой или различной подготовкой, и т. д.

Учет психологических данных обеспечивает мобилизацию сознания воинов и активизирует их деятельность во время отработки тех или иных приемов и действий.

Это очень важный момент, так как известно, что в случае недооценки строевой и физической подготовки, при вялом и пассивном выполнении соответствующих команд и действий воин не достигает всего того, что необходимо ему в бою.

Следовательно, в процессе строевой и физической подготовки надо следить за внутренним отношением воинов к этому виду подготовки и в случае необходимости исправлять его.

Как и во всех других видах подготовки войск, в процессе строевой и физической подготовки также решаются задачи обучения и воспитания.

На строевых занятиях воины приобретают знания различных команд, приемов их выполнения и условий, в которых подаются соответствующие команды. Благодаря наличию у каждого воина таких знаний командир может управлять подразделением в целом как в расположении части, так и в походе или на марше. Если же люди не знают, что и как делать по отданной им команде, то организовать их совместные действия очень трудно, да и времени уйдет на это много. Например, если правофланговый не знает, что нужно делать по команде «Отделение, правое плечо вперед — МАРШ», то в случае подачи этой команды произойдет замешательство и нарушение строя.

Знания передаются обучающимся воинам при помощи соответствующих разъяснений команд и показа их выполнения. Но обучение не ограничивается только приобретением знаний различных команд и приемов их выполнения. На строевых занятиях у воинов вырабатываются также и навыки совершать необходимые действия в соответствии с полученной командой. Эти навыки представляют собой автоматизированные действия, не требующие в каждый конкретный момент специального контроля со стороны сознания. Физиологически эти действия, как и все ранее рассмотренные в связи с овладением боевой техникой и оружием, представляют собой сложные условные рефлексы.

Навыки, вырабатываемые в процессе строевой подготовки, имеют некоторую особенность, заключающуюся в том, что как процесс формирования навыков, так и осуществление автоматизированных действий происходят главным образом под непосредственным воздействием слова, команды. Благодаря этому обстоятельству

ству двигательные навыки находятся в самой тесной связи с навыками умственными и чувственными. Практически это заключается в том, что отданная руководителем строевых занятий команда и воспринятая воином, находящимся в строю, мобилизует у него соответствующие знания, активизирует его чувства и вызывает необходимые движения и действия. Но для того чтобы действия были правильными и выполнялись своевременно, необходима автоматизация восприятия воином услышанной команды. Необходимо также автоматизировать и соответствующие чувства (ритма, «локтя», напряженности во время паузы между предварительной и исполнительной командами и т. д.).

Если воину на строевых занятиях необходимо долго думать над смыслом поданной команды, если он не чувствует расстояния между собой и рядом стоящим товарищем или не уловил ритма, в котором подаются команды, то и движения его будут неуверенными, нечеткими. Он будет либо отставать в выполнении команды, либо торопиться. Такова роль слова-команды в выработке навыков строевой подготовки. С этим следует считаться и правильно пользоваться словом как командой. В данном случае имеется в виду четкость отдаваемой команды, ее ясность, выразительность и другие моменты, предусмотренные соответствующими уставами и наставлениями.

На занятиях по строевой подготовке воин учится правильно, т. е. своевременно, в соответствии с обстановкой и требованием поданной команды, пользоваться своими знаниями и навыками. В результате такого обучения он приобретает соответствующее умение и становится в определенном отношении умелым воином.

Примерно так же обстоит дело с приобретением определенных знаний, умений и навыков на занятиях по физической подготовке. В процессе физической подготовки, кроме слова-команды, выступает ряд дополнительных моментов (параллельные брусья, перекладина, «конь», расстояние, время, пересеченная местность, соревнования и т. д.). Поэтому знания, навыки и умения воина несколько отличаются от результатов обучения, которое осуществляется в процессе строевой подготовки. Но различие это несущественно, так как использование снарядов не исключает роли слова, да и они сами оказывают непринципиальное влияние на специфику знаний, навыков и умений воина и тем более на сложные личные качества, которые приобретаются им в процессе именно физической подготовки.

Для того чтобы строевая и физическая подготовка дала возможно большие результаты, обучение воинов проводится расчлененно, по элементам, от простого к сложному. По ходу занятий обучающимся воинам разъясняются и показываются отдельные элементы выполнения различных команд. Однако дело не только в рассказе и показе. Главное в том, что обучающийся сам произвел те или иные движения и действия. Это необходимо потому, что в процессе разъяснения у воина возникают только представления соответствующих действий и приемов. В результате показа создаются зрительные образы действий и отдельных движе-

ний. Когда же обучающийся воип сам производит движения и действия, вызываемые командой, то у него создается двигательный образ, который в дальнейшем оказывает прямое воздействие на выполнение определенной команды.

Физиологически это объясняется следующим. В процессе производства движений возникают кинестетические ощущения, т. е. ощущения движения и положения собственного тела и его частей: рук, ног, головы и т. д. Периферические приборы указанных ощущений — проприоцепторы — расположены в сухожилиях, связках, мышцах, на суставных поверхностях. Центральная часть рецепторов кинестетических ощущений находится в двигательной зоне больших полушарий головного мозга. Кинестетические ощущения играют большую роль в мышечном тоне, координации движений, образовании двигательных навыков. Например, двигательный образ строевой стойки создается в результате повторных кинестетических ощущений в стопе, голеностопном суставе, коленном суставе, мышцах ног, спины и т. д. Но для того чтобы эти ощущения повторялись и в целом создался двигательный образ, необходимо повторение соответствующих движений. Когда двигательный образ закрепился, он оказывает обратное влияние на практически осуществляемое действие. Поэтому воспринятая команда вызывает требуемый двигательный образ, который возбуждает соответствующие рабочие органы.

О влиянии двигательного образа на действия человека указывал в своих работах И. П. Павлов, называя этот образ кинестетическим представлением. «Давно было замечено и научно доказано,— писал И. П. Павлов,— что, раз вы думаете об определенном движении (т. е. имеете кинестетическое представление), вы его невольно, этого не замечая, производите»¹.

Иллюстрацией к сказанному служит следующий опыт. Если человек, который с закрытыми глазами держит шнурок с привязанным шариком, представит себе, что шарик движется по кругу в горизонтальной плоскости, то под влиянием возникающего представления его рука непроизвольно начнет двигаться, что обнаружится по вращению шарика.

Имея в виду такие действия, т. е. действия, вызванные кинестетическими представлениями, И. П. Павлов указывал на то, что их можно наблюдать и «в известном фокусе с человеком, решающим неизвестную ему задачу: куда-нибудь пойти, что-нибудь сделать при помощи другого человека, который знает задачу, но не думает и не желает ему помогать. Однако для действительной помощи достаточно первому держать в своей руке руку второго. В таком случае второй невольно, не замечая этого, подталкивает первого в направлении к цели и удерживает от противоположного направления». И здесь же И. П. Павлов добавляет: «При обучении игре на рояле или скрипке по нотам совершенно очевиден переход раздра-

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 316.

жения от зрительной клетки к кинэстетической»¹. То же происходит и с восприятием команды, когда осуществляется переход раздражения от слуховой клетки к клетке, ведающей ощущением положения и движения тела.

Такого рода образы должны формироваться у воина в процессе строевой подготовки. Из этого следует, что обучение по элементам является не самоцелью, а средством передачи и усвоения сначала отдельных, простых, а затем систематизированных и сложных знаний, навыков и умений действовать в соответствии с требованием команды.

Примерно так же обстоит дело и с физической подготовкой, где воин приобретает определенные знания, навыки и умения, вырабатывает соответствующие двигательные представления, которые, образовавшись в действии, оказывают обратное влияние на движения и тем способствуют их успешному осуществлению.

Результаты обучения в процессе строевой и физической подготовки будут тем лучше, чем систематичнее проводятся занятия и тренировки. Строевой и физической подготовкой необходимо заниматься не только в специально отведенное время и на определенном месте. Опытные командиры проводят строевую и физическую подготовку во время движения подразделения к стрельбищу, на место занятий в поле и т. д. При этом они дополнительно вводят элементы тактической подготовки, что способствует формированию морально-боевых качеств, необходимых воинам.

Итак, в процессе строевой и физической подготовки воины приобретают определенные знания, навыки и умения. Однако дело этим не ограничивается, ибо на строевых занятиях и занятиях по физической подготовке осуществляется как процесс обучения, так и процесс воспитания, результаты которого необходимо рассмотреть особо.

В силу специфики деятельности, которой занимается воин во время строевой подготовки, у него формируются многие сложные личные качества. Известно, например, что при выполнении команды в строю каждый воин приучается действовать так, чтобы не мешать рядом стоящему или идущему товарищу и согласовывать с ним свои действия. Для этого надо следить за своими и чужими действиями, уметь правильно оценивать и производить их, учитывая строго регламентированное командой время. Все это не может не способствовать формированию таких важных для воина качеств, как самоорганизованность, собранность, готовность действовать, наблюдательность и т. д.

Если все личные качества, формируемые в процессе строевой подготовки, рассматривать со стороны их влияния на поведение воина, то они в своей совокупности выступают как дисциплинированность, как возможность контролировать и регулировать

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 316—317.

свои действия, как возможность управлять своим поведением в соответствии с поданной командиром командой. Формированию этих личных качеств способствует то, что строевая подготовка объективно представляет особые условия деятельности воина. Всем хорошо известно, что в строю — особенно строгая дисциплина, что малейшее ее нарушение влечет за собой соответствующее замечание со стороны руководителя занятий. Недаром воины говорят, что «строй — святое место». Вот в этом «святом месте» воин приучается к тому, чтобы выполнять команды, чтобы слушаться командира. В процессе строевой подготовки никому не придет в голову мысль согласиться или не согласиться с командой, которую подал командир. Поданные команды просто выполняются каждым воином, находящимся в строю. Это обстоятельство существенно влияет на формирование такой неотъемлемой части дисциплинированности воина, как его исполнительность.

Самоорганизованность и дисциплинированность представляют такие воинские качества, без которых невозможно ведение успешных боевых действий и, следовательно, достижение победы на поле боя. Поэтому в условиях мирного времени в процессе обучения и воспитания, в частности в процессе строевой подготовки, специально ставятся воспитательные цели и решаются задачи формирования у воинов вышеназванных личных качеств.

В процессе строевой подготовки каждый воин привыкает к тому, что все его товарищи точно так же, как и он сам, всегда выполняют полученные ими команды. Это очень важный момент воинской деятельности — привычка к тому, что все вместе, все как один выполняют команды. Такая привычка укрепляет уверенность в правильных действиях товарищей, выполняющих общую команду, приказание или приказ. Роль уверенности особенно остро выступает в исполнительности товарищей в боевой обстановке, когда силами группы или подразделения приходится решать сложную и опасную боевую задачу. Воинам, имеющим опыт боевых действий, хорошо известно, что при слабой подготовке личного состава, при недостаточной сколоченности и недостаточных знаниях друг друга подразделению трудно действовать организованно и слаженно. Если такое подразделение должно подняться в атаку, то по соответствующему сигналу, по команде не все сразу и не дружно начинают действовать. Это объясняется тем, что каждому воину представляется, будто он один готов броситься на врага, что его товарищи будут действовать значительно медленнее, чем того требует обстановка. В таком состоянии трудно подняться в атаку хотя бы потому, что очень неприятно оказаться в одиночестве и, кроме того, поднимавшемуся в атаку без поддержки товарищей кажется, будто все пули и осколки летят именно в него. Такое самочувствие в условиях боя, естественно, не способствует повышению боеспособности подразделения. Вот почему в процессе обучения и воспитания необходимо добиваться дружных действий товарищей по отданной команде или по сигналу. Этому, как уже сказано, безусловно, способствует строевая подготовка.

Важно отметить, что чувство уверенности в действиях товарищей, формируясь в условиях мирного времени, будучи перенесенным в условия боя, распространится на новых боевых товарищей, с которыми придется решать боевые задачи.

Вера в действия товарищей, в действия, соответствующие данной команде, помогает преодолевать чувство опасности и риска, так как воин, идущий на ответственное дело, уверен, что в случае необходимости ему помогут товарищи и выручат из беды. Вера в боевых товарищей, в их исполнительность и самоотверженность, в то, что они не оставят в беде и выручат, повышает боеспособность каждого воина и подразделения в целом.

Роль совместных действий в условиях боя и их влияние на моральное состояние бойцов очень ясно выступают при ведении залпового огня по противнику из личного оружия. Участники боев хорошо знают, что огонь, который ведется дружно по команде, не только наносит большие потери противнику, чем разрозненная, хаотическая стрельба, но и воодушевляет воинов, ведущих такой огонь. Это объясняется тем, что каждый испытывает на себе организующее начало и плановость действий, силу совместных действий со своими товарищами по подразделению и влияние командира. При такой организации деятельности воинов у них создается чувство хорошей перспективы, чувство преимущества перед противником. При разрозненных действиях, когда психологически каждый действует в одиночку, не исключено появление чувства одиночества и даже растерянности.

Дружные, совместные действия (в данном случае залповый огонь) оказывают угнетающее воздействие на противника, который осознает сплоченность воинов, ведущих огонь, их мастерство и моральное превосходство.

Вместе с уверенностью каждого воина в действиях своих товарищей строевая подготовка способствует формированию у воинов чувства коллективизма, побуждающего каждого из них действовать вместе со своими товарищами.

Формирование этого чувства зависит от того, что каждому воину на строевых занятиях приходится действовать вместе с товарищами, действовать «как один». Уже сам по себе этот факт влияет на то, что у воинов вырабатывается привычка, своеобразная потребность быть вместе с товарищами и действовать с ними. В процессе строевой подготовки каждый воин легче осознает личную ответственность как перед командиром, так и перед товарищами по строю.

Известно, что если кто-либо, не рассчитав своих действий, толкнет в строю товарища, помешает ему четко выполнить команду, то это может вызвать и, как правило, вызывает чувство недовольства как у того, кого толкнули, так и у других воинов. Больше того, чувство недовольства своими неловкими действиями, недовольство собой возникает и у того, кто является виновником происшедшего. Такого рода недовольство объясняется тем, что нарушается ритм выполнения команды и тем, что руководитель занятий может

подать команду «Отставить», требующую принять положение, которое было до выполнения приема; при этом такая команда может быть подана неоднократно.

Чувство личной ответственности повышается еще и в результате того, что неловкие движения или невнимательность на строевых занятиях, как правило, являются предметом шуток и острот, задевающих самолюбие того, кто допускал в строю ошибки или недостаточно старательно выполнял требуемые действия.

Следует указать и на то, что строевая и физическая подготовка оказывает на воинов дополнительное моральное воздействие. Обычно в результате хорошо проведенного занятия по строевой подготовке у воинов появляется чувство удовлетворенности, бодрое состояние и хорошее настроение. Во время перерывов и по окончании строевых занятий можно часто заметить шутки, веселые остроты и наблюдать другие проявления приподнятого, слегка возбужденного состояния солдат. Воины на строевых занятиях сами испытывают чувство слаженности действий своего подразделения и сплоченности, чувствуют, что в руках командира они представляют силу, способную решать сложные задачи, требующие совместных действий и напряжения сил всего личного состава подразделения. Кроме того, они привыкают внутренне относиться к командиру как к тому, кто призван командовать ими, кто должен управлять и управляет их действиями. И командир, руководитель строевых занятий, испытывает чувство удовлетворенности, которое вызывается правильными энергичными действиями всех воинов вверенного ему подразделения. И он чувствует уверенность в том, что все его подчиненные, даже в самой сложной и ответственной обстановке, будут действовать так, как того потребует от них его команда, приказание, и что ни один из них не подведет своих товарищей.

Формируемое в процессе строевой подготовки внутреннее отношение подчиненных друг к другу, их отношение к командиру и отношение командира к своим подчиненным оказывают прямое влияние на решение задач обучения и воспитания воинов, на их успешную боевую и политическую подготовку в условиях мирного времени. Внутреннее отношение, о котором идет речь, формируется также и в процессе политической подготовки и в процессе овладения боевой техникой и оружием, так как во всех видах подготовки принимают участие одни и те же люди — товарищи по подразделению.

Следует, однако, учитывать, что названные результаты воспитания далеко не исчерпывают тех сложных личных качеств, которые формируются у воина в процессе боевой и политической подготовки. Например, строевые занятия способствуют формированию у воина внутренней собранности, внешней подтянутости, энергичности, бодрости, аккуратности, опрятности и т. д. Но в данном случае характеристика абсолютно всех психологических сдвигов, которые происходят в личности воина, не является самоцелью. Важно, что о них нужно знать и процесс строевой подготовки прак-

тически подчинять воспитательным целям, так как этот процесс и родственный ему процесс физической подготовки способствуют формированию у воина сложных личных качеств, т. е. дают воспитательные результаты. В связи с тем, что на занятиях по физической подготовке воину практически приходится выполнять действия, требующие быстроты, напряжения мышц и подвижности, у него развивается физическая сила и ловкость. Вместе с силой и ловкостью у воина в результате натренированности развивается физическая выносливость, способность выдерживать длительную физическую нагрузку. Однако это только одна сторона дела. Вместе с вышеперечисленными качествами у воина совершенствуется решительность, выдержка, стремление к достижению цели, смелость и т. д. И это понятно, так как преодоление внешних трудностей требует совместного напряжения физических и моральных сил воина.

К числу важных личных качеств, вырабатываемых у воинов в процессе физической подготовки, следует отнести любовь к этому виду полезной деятельности и привычку систематически выполнять соответствующие упражнения на снарядах, заниматься гимнастикой или одним из видов спорта. Наличие такой действенной любви, подкрепляемой внутренними силами, побуждающими к деятельности, обеспечивает высокий уровень физической подготовки воинов.

В заключение характеристики результатов обучения и воспитания, которые достигаются в процессе строевой и физической подготовки, необходимо обратить внимание на роль предварительной и исполнительной команд. Такие команды представляют собой, с психологической точки зрения, важное обстоятельство. Предварительная команда мобилизует внимание занимающихся строевой подготовкой и внутренне подготавливает их к выполнению исполнительной команды. Это происходит потому, что правильно понятая предварительная команда вызывает необходимый двигательный образ, который мобилизует соответствующие нервные механизмы и группы мышц и приводит их в действие. Например, если подразделение построено для следования к месту занятий и подана предварительная команда «Шагом», то можно заметить, как все находящиеся в строю наклоняются вперед. Это как раз и значит, что каждый воин понял смысл команды в целом, представил себе собственное последующее действие и подготовился к его выполнению. Когда же последует исполнительная команда «Марш», то все как один сделают первый шаг левой ногой и пойдут в требуемом направлении. Если же кто-нибудь, услышав предварительную команду, сделает чрезмерно большой наклон вперед, а исполнительная команда последует позже, чем он ее ожидал, то такому воину, для того чтобы не упасть, приходится делать первый шаг преждевременно, не дожидаясь исполнительной команды. Такое вынужденное движение портит строй и свидетельствует о том, что еще не все воины обладают достаточной строевой выучкой. Значит, воинов необходимо приучать к тому, чтобы они пра-

вильно соотносили команду предварительную с командой исполнительной.

К этому следует добавить, что не все зависит от воинов, действующих в строю. Многие в строевой подготовке определяется тем, как руководитель занятий обучает и воспитывает своих подчиненных и как он ставит перед собой эти цели. Когда занятие заранее не продумано во всех деталях, недостаточно целеустремленно спланировано, оно будет проводиться без должной активности, скучно, формально. Для того чтобы предупредить подобные недостатки, опытные командиры перед каждым строевым занятием ставят цели обучения и цели воспитания. При этом цели обучения непосредственно вытекают из требований программы и представляют собой приобретение соответствующих знаний, отработку определенных навыков и формирование умений, необходимых каждому воину. Что же касается воспитательных целей, то они ставятся в соответствии с требованиями жизни подразделения. Например, если командир считает, что у одного из его подчиненных необходимо выработать навык отдавать команды своим товарищам и вместе с тем укрепить решительность и твердость в обращении с ними, то он может поручить этому подчиненному руководить занятиями одного или нескольких своих товарищей.

В воспитательных целях можно использовать и команду «Отставить». Такая команда может быть подана как для выработки навыков, так и для воспитания внимательности или готовности к энергичным действиям по отданной команде.

В процессе руководства строевой подготовкой у руководителя занятий вырабатываются такие командирские качества, как умение выделять цели обучения и воспитания, выполнять команды, подаваемые им во время занятий с показом подчиненным, как эти команды выполняются раздельно, по частям; умение создавать у обучающихся двигательный образ, владение командным языком, умение отчетливо, громко и протяжно подавать предварительную команду и после паузы, громко, отрывисто и энергично — исполнительную.

Так же обстоит дело и с физической подготовкой. Руководитель занятий приобретает такие качества, как умение видеть физические и психологические особенности своих подчиненных, оценивать их недостатки и достоинства, старательность, решительность в преодолении трудностей, умение мобилизовать своих подчиненных на решение задач физической подготовки, регламентировать нагрузку и т. д. Вместе с этим командир и сам повышает свою физическую закалку.

Таким образом, в процессе строевой и физической подготовки обучаются и воспитываются как подчиненные, так и их командиры.

После психологической характеристики различных сторон процесса строевой и физической подготовки следует подчеркнуть, что в этом процессе вырабатываются отдельные произвольные (преднамеренные) движения и в целом создается такое личное качество у воинов, как способность управлять своими сложными действиями.

А это необходимо для успешных действий в условиях боя, когда требуется вовремя и в соответствии с характером решаемой задачи напрягать свою физическую силу, использовать ловкость и, опираясь на выносливость, преодолевать препятствия, возникающие по ходу боя.

Заметим, что человек овладевает своими действиями не только в процессе стрессовой и физической подготовки. Это происходит абсолютно во всех видах деятельности. Однако этот процесс не везде и не всегда осуществляется одинаково. В этом отношении строевая подготовка занимает особое место, так как представляет специфический вид деятельности.

Выше отмечалось, что на занятиях по строевой подготовке люди действуют по слову командира, по его команде и что это влияет на характер их знаний, навыков и умений. В дополнение к этому необходимо особо выделить вопрос о двух основных видах овладения человеком действиями своих рук, ног, шеи, туловища и т. д.

Первый вид овладения своими действиями заключается в том, что оно осуществляется благодаря непосредственной направленности этих действий на соответствующие предметы, на вещи. В процессе такой деятельности человек овладевает как предметами, с которыми он имеет дело, так и своими собственными действиями, связанными с предметами. Это происходит в силу жизненной необходимости, выступающей в том, что все предметы, по отношению к которым действует человек, как бы ставят перед ним требования действовать не как-нибудь, а определенным образом. В случае же невыполнения этого «требования», т. е. в случае неправильных действий, предмет не может быть использован по назначению, и человек, следовательно, не удовлетворит соответствующей потребности. Таким образом, для того чтобы приспособить предмет к себе, чтобы использовать его, человек должен сам приспособиться к предмету, т. е. приспособить свои действия к объективным свойствам предмета (к величине, форме, весу, подвижности и т. д.). Важно при этом, что действия с предметом объективируются для самого действующего человека, благодаря чему он их и осознает. Значит, осознавая объективные свойства предметов, человек вместе с тем вынужден осознавать и свои собственные объективно осуществляемые действия. Это относится в первую очередь к неудачным, неправильным действиям, которые не приводят к использованию предмета. Осознание же недостатков своих действий и устранение этих недостатков, их преодоление показывают, что человек овладевает своими действиями, что он приобретает способность управлять ими.

Второй вид овладения своими действиями в отличие от первого заключается в том, что он осуществляется без непосредственной направленности этих действий на предметы, на вещи. В зависимости от этого обстоятельства человеку приходится действовать в соответствии с требованиями не предметов, а установленных правил, законов. В строевой подготовке очень много таких моментов, когда воину приходится действовать по команде, по слову, поэтому дви-

гательный образ, вызываемый словом, а не предметом, играет такую большую роль в деятельности воина, занимающегося строевой подготовкой. Контроль за своими действиями, вызываемыми требованиями правил или законов, является более сложным, чем за действиями, непосредственно связанными с предметами. Это объясняется тем, что в действии с предметом, в предметном действии, сам предмет вносит поправки в действия человека и способствует их совершенству и целесообразности, тогда как действия по правилу могут корректироваться только знаниями правил, по которым они должны совершаться, и двигательными образами, в основе которых лежат кинестетические ощущения.

Опыт Великой Отечественной войны и практика обучения и воспитания воинов в условиях мирного времени показывают, что воин должен владеть своими действиями во всех отношениях, что он должен уметь использовать необходимые ему предметы (техника, оружие и т. д.) и действовать по отданной ему команде. В своей деятельности он должен уметь целесообразно использовать свою физическую силу, выносливость, ловкость, если надо, то и рост, вес и другие свои физические данные.

Подчеркивая роль двигательного образа, вызываемого командой-словом, нельзя утверждать, что вся строевая подготовка состоит из действий, непосредственно не связанных с предметами. Известно, что на строевых занятиях воину необходимо овладеть действиями с оружием. Для этой цели отрабатывается выполнение различных ружейных приемов на месте и в движении, повороты и движение с оружием, отдавание чести с оружием на месте и в движении. Правда, выполнение этих приемов решает только часть сложной задачи овладения оружием, но часть очень важную, так как пошение оружия и разнообразные с ним действия приучают воина к оружию, к его величине, форме, весу и делают его привычным для рук, плеча и т. д. Все это способствует овладению оружием по его прямому назначению.

В роли предмета деятельности в процессе физической подготовки воинов выступают параллельные брусья, перекладина, «конь» и т. д. Но эти предметы играют не такую роль, какую играют предметы в быту человека и в его трудовой деятельности. Предметы, с которыми имеет дело воин в процессе физической подготовки, характеризуются тем, что все они подчинены единой цели — выработке определенных физических качеств, связанных с овладением воином своими действиями, в то время как, например, молоток нужен для вколачивания гвоздей, а не для специального развития силы, ловкости, точности движений и т. д.

Личные качества, вырабатываемые при помощи спортивных колец, «коня», перекладины и других снарядов, по сравнению с требованиями, которые предъявляются воину в условиях современного боя, являются весьма ограниченными. Спортивные снаряды являются стандартными и требуют по отношению к себе стандартных действий в весьма сходных или тождественных условиях. Это обедняет круг действий воина, однотипно приспособляющегося

к тому или иному снаряду. В бою же обстановка быстро изменяется и изобилует моментами внезапности и неожиданности при максимально возможном напряжении моральных и физических сил воина. Поэтому наряду с серьезной физической подготовкой воинов необходимо прививать им интерес и любовь к различным видам спорта, которые, больше чем работа на снарядах, имеют военноприкладное значение. К этим видам спорта могут быть отнесены бокс, борьба, баскетбол, футбол и т. д. Преимущество этих видов спорта заключается в том, что действия человека здесь не связаны с неподвижными и стандартными предметами и в силу своего многообразия, кроме физической силы, ловкости, выносливости, сообразительности, находчивости, требуют от него планирования своих действий, понимания замыслов своих партнеров и «противников», настойчивости, решительности, умения преодолеть внутреннюю растерянность, усталость, а иногда боль и даже телесные повреждения.

Можно сказать, что в процессе строевой и физической подготовки воины действительно овладевают многими своими действиями, узнают в каждый данный момент, насколько они физически выносливы и ловки, какова их физическая сила, какую нагрузку они способны выдержать. Иначе говоря, они учатся оценивать себя в настоящем и видеть перспективу дальнейшего развития. При этом большую роль играет то, что на занятиях по строевой и физической подготовке каждый воин имеет возможность сравнить себя со своими товарищами, померяться с ними силой, выносливостью, посоревноваться в четкости действий и т. д.

Итак, в процессе строевой и физической подготовки осуществляется обучение и воспитание воинов, осуществляется приобретение ими соответствующих знаний, навыков и умений, формирование у них ряда моральных качеств вместе с овладением многими собственными специальными действиями, которые вызываются как различными командами, так и свойствами предметов.

Анализ обучения и воспитания воинов в процессе строевой и физической подготовки показывает, что правильная строевая выработка, четкий строевой шаг, красивые повороты, сложный прыжок через «коня», силовые упражнения на спортивных снарядах и многие другие действия и движения, которые производятся воинами на строевых занятиях и на занятиях по физической подготовке, не являются самоцелью. В бою надо, например, совершать стремительные перебежки, стрелять, бросать гранаты, управлять боевой техникой, а не выполнять различные ружейные приемы или преследовать отступающего противника строевым шагом. Однако это вовсе не умаляет значения строевой и физической подготовки в процессе боевой и политической подготовки войск. Опыт Великой Отечественной войны показывает, что если солдат хорошо физически подготовлен в мирное время, то в бою он сможет преодолеть любые трудности и препятствия, которые встретятся на его пути.

Таким образом, в процессе строевой и физической подготовки действительно решаются сложные и очень важные задачи подго-

товки воина к бою. Строевая и физическая подготовка тесно связана с другими разделами боевой подготовки войск. Эта связь выражается в том, что в процессе, например, политической подготовки и всей партийно-политической работы каждый воин, повышая свою политическую сознательность и осознавая себя как воина, осознает вместе с тем, что для успешного выполнения своего долга ему необходимы многие сложные личные качества, в том числе и те, которые формируются в процессе строевой и физической подготовки.

Наряду с этим каждый воин осознает, что строевой и физической подготовкой необходимо заниматься активно, с полным напряжением сил, но для того чтобы эта старательность была целеустремленной и дала максимальные результаты, надо знать цель каждого строевого занятия и каждого занятия по физической подготовке.

Связь строевой и физической подготовки с политической подготовкой осуществляется в партийно-политическом обеспечении этих видов подготовки. Решающая роль в этом деле принадлежит командиру, опирающемуся в своей работе на партийные и комсомольские организации, которые мобилизуют и направляют усилия воинов на формирование необходимых им физических качеств для успешных действий при решении боевых задач.

Строевая и физическая подготовка тесно связана и с учебой по овладению боевой техникой и оружием. Известно, что для максимально эффективного использования сложной современной техники и оружия необходимо обладать физической силой, выносливостью, ловкостью, выработке которых способствует строевая и физическая подготовка. Строевые занятия и физическая подготовка положительно влияют на выработку навыков, необходимых для меткой стрельбы из личного оружия, для вождения танка, для управления самолетом и т. д. Но дело сводится не только к физическим качествам. Очень многие нравственные и моральные качества, приобретаемые в процессе строевой и физической подготовки, необходимы для овладения боевой техникой и оружием. К ним относятся самоорганизованность, дисциплинированность, чувство коллективизма, чувство товарищества и т. д.

Строевая и физическая подготовка тесно связана с тактической подготовкой. Приемы «ложись», «встань», перебежки и переползания, расчленение строя, действия при «внезапном нападении противника» и другие действия, которым обучается воин, необходимы при решении сложных боевых задач. Не случайно, что занятия такого рода называются тактико-строевыми занятиями. Те же действия, которые прямо не совпадают с действиями в бою, но производятся на строевых занятиях и на занятиях по физической подготовке, в большой мере способствуют выработке воинами таких личных качеств, как настойчивость, решительность, смелость и т. д.

Строевой и физической подготовке придается большое значение и в армиях капиталистических государств. Однако цели этой под-

готовки и методы ее проведения характеризуются тем, что у солдат и сержантов, а также и у офицеров стремятся путем голой муштры выработать желаемые физические качества и соответствующие навыки, которые, по мнению, например, американских военных психологов, якобы сами по себе обеспечивают правильность и активность действий участников боя. В этом же плане там рассматривается и спорт.

Такое однобокое использование стрессовой и физической подготовки в армиях капиталистических государств объясняется тем, что командный состав всячески стремится обойти возникающие у основной массы военнослужащих вопросы о подлинных целях и задачах их деятельности и под маской биологической и психологической терминологии скрыть идейное содержание этой деятельности.

Принципиально иначе решается этот вопрос в Вооруженных Силах Союза ССР. Каждый советский воин сознает, что он выполняет почетную и ответственную обязанность по обеспечению интересов своего народа, своего Советского государства. Он сознает также, что для выполнения своего почетного воинского долга ему необходимо совершенствовать себя как воина, совершенствовать свои морально-боевые качества. Поэтому советские воины в процессе строевой и физической подготовки, так же как и в процессе овладения боевой техникой и оружием и в других видах боевой и политической подготовки сознательно стремятся достигнуть как можно больших успехов.

Однако успехи воинов в строевой и физической подготовке в конечном счете зависят от мастерства командира, а также от того, насколько умело опирается он в своей работе на армейские и флотские партийные и комсомольские организации, а также на беспартийный актив.

5. Тактическая подготовка

Весь процесс тактической подготовки по своему содержанию и по методам осуществления полностью подчинен способам, средствам и приемам ведения современного боя. Большое значение в этом деле имеют также и особенности различных боевых задач, которые придется решать воинам на поле боя. Однако все это определяется не психологической наукой, а военной доктриной того или иного государства. Психология же должна выполнить требования доктрины.

В соответствии с этим советская психология воинской деятельности рассматривает психологические особенности обучения и воспитания советских воинов во время их тактической подготовки. Благодаря обучению воины приобретают специальные знания, навыки и умения. Конкретно это заключается в том, что воины теоретически и практически овладевают различными способами и приемами ведения современного боя. Они обучаются искусству вести наступательные и оборонительные действия, совершать большие и стремительные переходы, использовать разнообразную мест-

ность, действовать днем и ночью, применять маскировочные средства и многому другому.

В процессе тактической подготовки воины приобретают не только отдельные знания, навыки и умения, у них формируются также умственные и нравственные качества, сложные чувства и воля, повышается физическая закалка.

Однако, как бы ни были разнообразны и сложны результаты обучения и воспитания в процессе тактической подготовки, все они подчинены единой общей цели — подготовить воинов в тактическом отношении.

В процессе политической, строевой и физической подготовки, а также в процессе овладения боевой техникой и оружием не ставятся и не достигаются цели непосредственно тактической подготовки. Но это не значит, что решаемые задачи обучения и воспитания воинов во всех других разделах не связаны с решением задач их тактической подготовки. Напротив, между тактической подготовкой и всеми остальными разделами обучения и воспитания воинов существует самая тесная связь. Тактическая подготовка, являясь важнейшим видом боевой подготовки, как бы включает в себя все другие разделы обучения и воспитания воинов.

Это выражается в том, что, например, политическая грамотность и высокая политическая сознательность, строевая подготовка вместе с физической закалкой, все умственные и волевые качества, чувства воина, которые формируются в процессе овладения им боевой техникой и оружием, в процессе строевой и физической подготовки, необходимы ему не сами по себе, а для того, чтобы он мог успешно решать на поле боя поставленные боевые задачи.

О самой тесной связи тактической подготовки с другими разделами боевой подготовки войск, об относительной подчиненности этих разделов целям тактической подготовки свидетельствует то, что везде и всюду имеют место элементы тактики. Например, танкист, артиллерист, летчик, овладевая боевой техникой и оружием, довольно часто увязывает этот процесс с элементами тактики (использование местности, учет возможных действий противника, стрельба на марше и т. д.). Процесс строевой подготовки непосредственно включает в себя так называемые тактико-строевые занятия. И физическая подготовка может проводиться на тактическом фоне (бег с конкретным поручением, переход через ров по бревну и т. д.).

Тактическая подготовка увязывается в своеобразной форме с политической подготовкой, когда воинов знакомят с различными боевыми эпизодами, с героическими подвигами, совершенными советскими воинами, и с отдельными тактическими приемами их действий на поле боя.

В этом направлении осуществляется связь и соподчиненность тактической подготовки с другими видами подготовки войск. Однако из такого рода связи и соподчиненности не следует, что только тактическая подготовка имеет свои четко выраженные цели, а все другие виды подготовки войск выполняют только обслужи-

вающую роль. О том, что каждый из разделов обучения и воспитания имеет свою ясно выраженную цель, свидетельствует хотя бы то, что только достижение целей всех разделов обучения обеспечивает успех тактической подготовки. В этом отношении можно сказать, что то, что достигается в процессе политической, строевой и физической подготовки, в процессе овладения боевой техникой и оружием в виде специально поставленных целей, является средством, обеспечивающим успех тактической подготовки. И наоборот, использование элементов тактики во всех других разделах является также средством достижения своих специальных целей. Это значит, что, включая все разделы обучения и воспитания воинов, тактическая подготовка сама находится в зависимости от этих разделов.

В связи с этим, естественно, возникает вопрос о более конкрет-ной психологической характеристике взаимоотношений и взаимосвязей тактической подготовки со всеми остальными видами подготовки воинов.

На каждом тактическом занятии или учении воины, как уже об этом говорилось, приобретают специально тактические знания, навыки и умения. Одновременно с этим у них формируются и совершенствуются качества, которые характеризуют их с личной стороны. Но когда происходят эти процессы, то знания, навыки, умения и личные качества, приобретенные в других разделах обучения и воспитания, не остаются бездействующими, не остаются, так сказать, мертвым капиталом. Все они в той или иной мере используются воином и служат опорой в решении им тактической задачи. Например, правильное понимание своего служебного долга, политическая сознательность, морально-политические чувства вместе с общественными мотивами деятельности помогают воину преодолеть в процессе тактической подготовки большие трудности и проявить выносливость и стойкость. А без этого, как известно, невозможно решать тактические задачи и подготовиться к успешным действиям в условиях боя.

То же происходит и с такими результатами обучения и воспитания, как знание боевой техники и оружия, умение их сберечь и правильно использовать, как знание, умение и навык управлять своими собственными действиями и пользоваться своей силой, ловкостью и выносливостью, и такими качествами, как выдержкой, находчивостью и другими. Только опираясь на вышеперечисленные и многие другие результаты технической, огневой, строевой и физической подготовки, можно решать задачи тактической подготовки. В этом направлении идет слияние знаний, навыков, умений и личных морально-боевых качеств воинов в процессе их тактической подготовки. Но это слияние, синтезирование, осуществляется не механически, не путем суммирования.

Опыт показывает, что при соединении разнообразных знаний, навыков, умений и личных качеств многие из них как бы сливаются и для их проявления требуется значительно меньше времени. Это происходит за счет упражняемости и осмысленности.

В результате упражняемости многие автоматизированные дей-

ствия сливаются друг с другом и образуют более сложные навыки. Например, в результате правильно организованных повторных действий с автоматом стрелок сократит время для производства прицельного выстрела, танкист быстрее изготовит машину к бою и т. д.

Как же влияет осмысленность на слияние результатов обучения и воспитания всех разделов подготовки войск в процессе их тактической подготовки и каково влияние осмысленности на сокращение процесса решения тактической задачи?

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо учитывать, что каждая (большая и малая) тактическая задача имеет свой смысл. Она имеет начало и конец, а ее промежуточные звенья связаны между собой и обуславливают друг друга. Смысл задачи и оправданность ее построения активизируют деятельность воина и сокращают сроки самого решения.

Для пояснения этого положения можно сравнить два варианта действий артиллерийского орудийного расчета при изготовке к стрельбе прямой наводкой. Один из них заключается в том, что расчет в полном составе упражняется на скорость выдвижения орудия из укрытия на огневую позицию, на подготовку соответствующих данных и на открытие огня. Основная цель таких упражнений — это скорость действий каждого воина и слаженность действий всего расчета. Основным показателем успешности действий является время, затрачиваемое расчетом на изготовку и ведение огня.

Второй из сравниваемых вариантов может заключаться фактически в тех же действиях, но на фоне решения тактической задачи в связи с необходимостью упредить «противника». Здесь смысл задачи выступает во всей своей специфичности. Теперь цель не в самой по себе скорости действий, а в упреждении, и показателем успеха является не само по себе время, а то, как решена задача на упреждение. Естественно, что и в этом варианте скорость определяет успех, а его показателем объективно служит время. Но эти два момента как бы подразумеваются и не на них ориентируется весь орудийный расчет; не в этом основная задача, а в упреждении; не в том, чтобы быстро все сделать, а в том, чтобы успеть сделать все раньше «противника» и поразить его.

Конечно, и в первом варианте каждый номер орудийного расчета понимает, что скорость и слаженность крайне необходимы в бою, что их нужно тщательно отрабатывать. Что же касается второго варианта действий, то смысл просто усматривается, он все время как бы обнаруживает сам себя и тем активизирует практическую деятельность и совершенствует ее.

В процессе тактических занятий и учений имеются максимальные возможности опереться на силу осмысленности, которая выступает при решении тактических задач и активизирует деятельность воинов.

Чем же объясняется большая степень осмысленности на занятиях по тактике, чем на занятиях по другим видам боевой подготовки?

Во-первых, тем, что на тактических занятиях осуществляется максимально возможное приближение обстановки обучения и воспитания к боевой обстановке, и, во-вторых, тем, что благодаря этому приближению отдельные знания, навыки, умения и более сложные личные качества, как бы порознь приобретаемые в различных разделах подготовки воинов, в процессе тактической подготовки попадают в новый, более широкий смысловой контекст. В связи с важностью этого положения рассмотрим его особо.

Одной из объективных особенностей процесса тактической подготовки является то, что условия, в которых осуществляется этот процесс, отличаются от условий боя. Например, в процессе тактической подготовки деятельность воина направлена не на реально существующего и в свою очередь действующего противника, а на противника воображаемого, условного. То же самое можно сказать о линии обороны или объекте атаки. Понятно, что в учебном бою нет реального разрушения укреплений противника, нет подлинного уничтожения его живой силы и техники. Учебный бой не содержит в себе такой динамики и не может осуществляться в таких чрезвычайно сложных и разнообразных формах, как настоящий бой. Учебный бой вместе с тем не представляет или почти не представляет опасности для жизни воина. Поэтому мыслительные и волевые процессы воина, так же как и его переживания, в учебном бою отличаются от мышления, волевых усилий и переживаний, которые возникают у него в настоящем бою при решении подлинных боевых задач. Психическое состояние бойца, атакующего в учебном бою, резко отличается от состояния бойца, который поднимается и идет в атаку под направленным на него огнем обороняющегося противника. Пойти в разведку на тактических учениях, когда противник условный, когда нет серьезного риска и опасности для жизни, совсем не то, что вести разведку в подлинно боевой обстановке. То же можно сказать о продвижении по-пластунски, о перебежках, о всех других действиях воина в учебном бою.

Таковы отдельные примеры существенного различия условий тактической подготовки от условий боевых. Но это различие, особенно в период мирного времени, не является таким же, как, например, различие между учебой в средней школе и вузе, подготовкой в ремесленном училище и работой на заводе, работой инженера на заводе и его учебой в аспирантуре и т. д.

В условиях тактической подготовки невозможно полностью организовать подлинно боевые действия для того, чтобы лучше научить воевать, и для того, чтобы на практике проверить результаты предварительной подготовки того или иного воина. Во всех же остальных случаях подготовки возможно организовать условия такой деятельности, к которой он готовится. Для этого и существуют различные практические задания и занятия. Будущий токарь учится работать на настоящем станке и производить настоящий продукт своего труда до начала работы на заводе, а готовящийся к боевым действиям воин, хотя и имеет боевую технику и

оружие, но не использует их в условиях тактической подготовки точно так, как ему надо будет применить их в условиях подлинного боя при решении боевой задачи. Это отличие тактической подготовки от всех других видов подготовки человека к той или иной деятельности порождает у него чувство чего-то ненастоящего, искусственного, условного. А наличие такого чувства может породить у воина тенденцию не преодолевать, а обходить трудности, уклоняться от требований, предъявляемых к нему в ходе занятий. Тенденции такого рода могут быть и неосознанными.

Чувство условности может быть и у офицера, который встречается с трудностями при решении тактических задач в условиях мирного времени. В романе Л. Зайцева и Г. Скульского показана попытка одного из офицеров посоветовать командиру корабля произвести высадку десанта не там, где требовалось по плану учений, а в соседней бухте, где было безопаснее. Когда же командир указал ему, что бухта «заминирована противником», он, прикрывая свое мнение словами другого офицера и как бы настаивая на нем, сказал: «Капитан второго ранга Золотов как-то мне говорил, что условные мины условного противника гораздо менее опасны, чем безусловные подводные камни»¹.

Описанное чувство условности, конечно, отличается от чувства условности рядового солдата или матроса, но и оно порождает тенденцию к невыполнению требований, которые предъявляются воину в процессе его боевой и политической подготовки. Это значит, что всякое чувство условности независимо от его оттенков является помехой в тактической подготовке потому, что оно может тормозить практическую деятельность воинов, а вне этой деятельности невозможно формирование личных качеств, необходимых воину для решения боевых задач.

Это обстоятельство обязывает руководителей тактических занятий и полевых учений бороться с чувством условности, толкающим на упрощенчество, и преодолевать его.

Как же это можно осуществить?

Это можно осуществить, устраняя причины, порождающие такое чувство, т. е. путем максимально возможного приближения обстановки тактической подготовки к обстановке боевой. В практике обучения и воспитания воинов это достигается при помощи двух основных методов. Первый из них заключается в практическом, в непосредственном приближении конкретных условий тактической подготовки войск к условиям боевым, а второй — в теоретическом, в опосредствованном сближении тех же условий.

Первый из названных методов заключается в том, что определенные занятия проводятся на местности, а не в классе, при любых метеорологических условиях. Известны факты, свидетельствующие о том, что в результате «чисто» классного обучения курсант мо-

¹ Леонид Зайцев, Григорий Скульский. В далекой гавани, Воениздат, 1954, стр. 290.

жет, например, хорошо ориентироваться на карте, но с этой же картой в случае необходимости не сориентируется на местности.

Объективное, практическое приближение обстановки учебной к обстановке боевой осуществляется и тогда, когда в целях подготовки войск совершаются большие марши, походы, форсирование водных преград и другие действия, в процессе которых у каждого воина вырабатывается необходимая выносливость и закалка вместе с необходимыми знаниями, навыками, привычками и умениями. Такого рода сближение обстановок способствует преодолению чувства условности, так как воину приходится преодолевать безусловные внешние препятствия и настоящие внутренние трудности.

Наиболее эффективным приближением учебной обстановки к боевой являются боевые стрельбы, метание боевой гранаты, движение на тактических учениях за артиллерийским огнем валом, «обкатка» танками, различные имитации взрывов и т. д.

При таком непосредственном, правильно организованном сближении обстановка обучения и действия в ней во многом сходны с обстановкой боя и боевыми действиями. Это объективное сходство и является основой преодоления чувства условности. Но это — сходство, а не тождество. Поэтому одно дело вплотную прижиматься к своему артиллерийскому огневому валу, зная, что свои артиллеристы беспокоятся о безопасности товарищей по оружию, и знать, что такого вала со стороны противника нет, и другое дело атаковать в подлинном бою при активной обороне противника. То же самое можно сказать и об «обкатке» танками. Понятно, что танк подлинного противника «утюжит» в бою окопы с намерением уничтожить живую, борющуюся с ним и угрожающую ему силу, а танк своего товарища по оружию никогда не будет преследовать такой цели в учебном бою.

Это говорит о том, что объективное сближение условий тактической подготовки с условиями боевыми не гарантирует полного преодоления чувства условности и, следовательно, не обеспечивает завершения выработки всех морально-боевых качеств, необходимых воину для успешного ведения подлинных боевых действий. Но иначе и быть не может в мирное время, когда условия обучения и воспитания воина и его практические действия могут быть только сходными с боевыми условиями и боевыми действиями.

Поэтому, как бы ни были сходны конкретные условия тактической подготовки войск с условиями боя и как бы практическая деятельность воинов ни напоминала действия боевые, внутреннее состояние каждого участника учебного боя не может быть точно таким же, каким оно будет у него, когда он вступит в настоящий бой. Так же обстоит дело с мотивами поведения воина, с управлением своим поведением и т. д.

Это обстоятельство необходимо учитывать, имея в виду, что в подлинно боевых условиях все морально-боевые качества воинов, приобретенные в процессе тактической подготовки, будут развиваться и совершенствоваться.

Давая общую характеристику метода непосредственного, прак-

тического, объективного сближения условий обучения и воспитания с условиями боевыми необходимо подчеркнуть, что он является наиболее действенным и результативным. Это объясняется тем, что каждому воину, даже в учебном бою, приходится практически действовать безусловно. Например, во время тактических учений, когда воин совершает большие переходы, преодолевает различные преграды и в сложных условиях организует удовлетворение своих потребностей (разведение костра в дождливую погоду, приготовление пищи и т. д.), у него непременно вырабатываются безусловные личные качества, которые понадобятся ему в настоящем бою. Действуя в условиях тактической подготовки, используя различные подлинные предметы, подручные материалы, местность в целом, воин вырабатывает у себя способность ориентации в различных условиях, хорошую топографическую память, физическую силу, выносливость, ловкость, находчивость, инициативность и т. д.

В таких условиях практическая деятельность каждого воина осуществляется весьма активно, так как цели его деятельности и результаты их достижения, очевидно, соотносятся друг с другом и способствуют уяснению воином смысла отдельных действий и деятельности в целом. Вот почему с психологической точки зрения всегда необходимо стремиться к тому, чтобы использовать метод объективного сближения условий тактической подготовки воина с условиями боя.

Но далеко не всегда и не везде этот наиболее действенный метод может быть использован. Практика показывает, что для успешных действий в условиях, объективно сходных с условиями боя, на тактических учениях воин должен пройти предварительную подготовку, чтобы приобрести соответствующие знания, навыки, привычки, умения и ряд других личных качеств. Но эта подготовка осуществляется и в других разделах обучения и воспитания войск в условиях, далеко не сходных с условиями боя и тактических учений. Поэтому и возникает чувство условности, отрицательно влияющее на поведение воинов. Значит, это чувство необходимо преодолевать еще до того, как воин будет включен в систему сложной тактической подготовки, осуществляющейся в условиях, сходных с боевыми. В связи с таким обстоятельством возникает необходимость обратиться ко второму методу, к методу опосредствованного, теоретического приближения обстановки обучения и воспитания к обстановке боевой.

Как же осуществляется этот метод?

Путем разъяснения каждому воину особенностей условий боя и боевых задач, важности высоких морально-боевых качеств, необходимых воину для одержания победы над врагом, а также условий, необходимых для приобретения этих качеств. Путем разъяснения можно также убедить воина, что в современном бою необходимо особенно тщательно готовить инженерное оборудование, вести разведку и наблюдение за действиями противника, уничтожать средства его атомного нападения, действовать быстро и решительно как днем, так и ночью.

Надо использовать разъяснение как одну из основных частей метода сближения мирных условий обучения и воспитания воинов с условиями боевыми, так как разъяснение способствует устранению различных вопросов, которые могут возникнуть в процессе тактической подготовки и даже перерасти в чувство условности. Необходимо добиться от каждого воина понимания того, что, например, тактико-строевая подготовка учит его управлять своими действиями в соответствии с командами, способствует формированию чувства коллективизма, исполнительности, организованности, внимательности и многому другому. Передвижение по-пластунски под условным огнем противника вырабатывает умение применяться к местности, физическую силу, выносливость, ловкость и т. д. Каждый воин должен осознать, что в условиях обучения и воспитания нет обстановки подлинного боя, но для формирования у него морально-боевых качеств приходится иногда идти окольными путями, добиваясь понимания, что «дисциплина проявляется не тогда, когда человек делает что-либо для себя приятное, а тогда, когда человек делает что-нибудь более тяжелое, неожиданное, требующее значительных напряжений. Это он делает потому, что убежден в необходимости и полезности этого дела для всего коллектива и для всего советского общества и государства»¹.

Такая разъяснительная работа должна помочь воину теоретически сблизить и увязать частные цели его деятельности с основной целью, показать соотношение целей деятельности и процесса самой деятельности, ведущей к их достижению. Такое разъяснение, безусловно, является одним из очень важных путей преодоления чувства условности и, следовательно, активизации деятельности воинов.

Следует, однако, указать, что путь разъяснения нельзя переоценивать, ибо сам по себе без использования других путей он не приведет к желаемым результатам.

Жизнь показывает, что некоторые воины хорошо понимают разъяснение, соглашаются с ним, могут, если нужно, сами разъяснить своим товарищам, однако, когда им на практике приходится действовать в соответствии с полученным разъяснением, они испытывают потребность действовать иначе. Например, воин согласен, что длительные марши необходимы для усвоения способов передвижения на различной местности, для изучения маневренных действий, для физической закалки и т. д. Но если марш связан с преодолением трудностей, у некоторых воинов появится к этим трудностям внутреннее отрицательное отношение. И даже частный момент трудного марша — питьевой режим в жаркую погоду, несмотря на убедительность разъяснения его значения, не у всех воинов вызовет правильное к нему отношение. Таких примеров можно привести много. Однако это не значит, что разъяснение не даст ожидаемых результатов. Наоборот, с него надо начинать воздействие на воинов, ибо при помощи слова у людей мобили-

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 37.

зуются уже имеющиеся и создаются новые представления, активизирующие их деятельность.

Психологии, как об этом уже говорилось, давно известно, что представление собственного движения вызывает реакцию соответствующих мышц, а представление своего падения с большой высоты может повлиять на сердцебиение. Это значит, что если при помощи разъяснения научить воина представлять, например, взаимодействие частей и механизмов оружия и свои собственные действия с этим оружием, то такие представления будут способствовать образованию необходимых навыков и умений в использовании оружия. Представление местности при чтении топографической карты, представление событий времени Великой Отечественной войны, возможных действий условного противника и их соответствие с представлениями о том, как бы действовал противник в подлинных боевых условиях, и другие представления способствуют преодолению у воинов чувства условности.

Действенность представлений, вызываемых словами, объясняется тем, что слова, согласно учению И. П. Павлова, будучи сигналами сигналов, вызывают соответствующие представления и тем самым воздействуют на деятельность первой сигнальной системы, непосредственно влияющей на отдельные действия, движения и поведение человека в целом. Из этого следует, что в процессе разъяснительной работы необходимо использовать такие факты, образы, сравнения и примеры, которые вызовут у воина представления, необходимые для преодоления чувства условности. Больше того, надо разъяснить воину значение его собственных представлений при формировании необходимых ему знаний, навыков, привычек, умений, моральных качеств, научить его использовать свои представления как серьезнейшее подспорье в деле военного обучения и воспитания, научить его в представлениях как бы примериваться к настоящему бою.

Однако при всем значении роли представлений и идей, вызываемых словами, чувство условности также не может быть полностью преодолено у воина только на основе разъяснения. При непосредственном контакте с действительностью в процессе реально осуществляющейся деятельности очень трудно, а подчас и невозможно представить то, чего в данный момент объективно нет и по отношению к чему человек фактически не действует. Поэтому советы воину, вроде «представьте, что вы наносите удар штыком настоящему живому противнику, который хочет вас поразить», могут и не иметь действительного значения, так как при наличии не противника, а чучела, при необходимости анализировать свои действия и при многих других, реально воздействующих факторах в обстановке обучения и воспитания невозможно отчетливо представить подлинного противника и наносимый им подлинный укол штыком.

Это относится к любому акту представления воина, ибо он, будучи активно действующим, не сможет полностью отвлечься от

реальной действительности, в условиях которой осуществляется его деятельность.

Если бы основой формирования необходимых воину морально-боевых качеств были представления, то ему необходимо было бы жить и действовать в течение всей срочной службы в мире представлений, а не в подлинной, объективно складывающейся обстановке. Но это в принципе невозможно, да и нет необходимости в этом.

Если же воин в соответствии с данным ему советом и представляет, например, «противника», который «ведет огонь», то от этого ему не станет страшно, и в случае необходимости «заглушить» эту огневую точку он будет действовать не совсем так, как в настоящей боевой обстановке.

Если бы единственным или даже главным путем преодоления чувства условности были представления, вызываемые при помощи слов разъяснения, то было бы невозможно объяснить поведение солдат и офицеров во время, например, тревоги, проводимой в учебных целях. Что нужно представлять воину, чтобы во время тревоги действовать наилучшим образом? Нападение противника? Очевидно, нет. В мирное время, да еще где-нибудь за тысячи километров от границы, во время тревоги воин не представляет себе нападающего противника. А вот в выполнении конкретных обязанностей во время той же тревоги его представления, предвзято практические действия, сыграют положительную роль.

Ограниченность представлений зависит от того, что объективная действительность сильнее субъективных представлений; воспринимаемая в каждом конкретном моменте деятельности, она может оттеснить представления, созданные при помощи слова. Поэтому чувства и переживания человека, связанные с конкретными условиями практической деятельности, всегда сильнее чувств и переживаний, сопутствующих представлениям, вызванным при помощи объяснений. Поскольку конкретные условия воинской деятельности в обстановке обучения и воспитания могут вызвать чувство условности, постольку это чувство может противостоять чувствам, вызываемым представлениями.

Таким образом, создание рассматриваемых представлений не является основным путем преодоления чувства условности. Но это не значит, что такой путь можно недооценивать. Если при помощи разъяснения не создавать у воина представлений подлинного боя и отдельных его эпизодов, то он никогда не смог бы сопоставить формируемые у него морально-боевые качества в условиях обучения и воспитания с требованиями, которые ему будут предъявлены в бою.

Итак, разъяснение, в результате которого воину оказывается помощь в теоретическом сближении целей его деятельности и осознании характера соотношения этих целей с практикой их достижения, не обеспечивает полного преодоления чувства условности.

В практике обучения и воспитания следует использовать и такой прием, как постановка дополнительных целей в деятельности

воинов. Это способствует психологическому сближению обстановки обучения с обстановкой боевой, активизирует практическую деятельность воина и формирование у него личных качеств, необходимых для решения боевых задач. Так, если при обучении самоокапыванию у солдата возникает чувство условности, если он считает, что этому делу ему учиться не нужно, так как пользоваться лопатой он умеет и в случае необходимости в настоящем бою будет не хуже других рыть окопы, то перед ним не обязательно в виде самоцели ставить задачу учиться рыть окоп. Пусть такой солдат роет окоп с целью тренировки, развития физической силы и выносливости, с целью уложиться в срок, выполнить задание раньше других, заслужить одобрение командира, избежать критики товарищей и т. д.

Сами по себе такие дополнительные цели могут и не иметь решающего значения. А качества, которые приобретает воин во время их достижения, необходимы ему для успешных действий в условиях подлинного боя. Формирование этих качеств и является целью подготовки каждого воина.

При наличии конкретных дополнительных целей деятельности у воина не будет чувства ненужности тех дел, которыми ему приходится заниматься в процессе подготовки, не будет чувства условности. Обучение, говорит М. В. Фрунзе, должно быть поставлено так, чтобы живо заинтересовать обучаемых, пробудить и развить в них любовь к военному делу и желание усовершенствоваться.

Если воин не улавливает соотношения целей своей деятельности с процессом их достижения, если ему не помогают в этом постановкой дополнительных целей путем увязки этих целей с соответствующими результатами их достижения, то под влиянием чувства условности процесс обучения и воспитания не вызовет у воина живой заинтересованности и любви к военному делу.

Следует указать, что злоупотребление методом теоретического приближения условий тактической подготовки к условиям боевым может привести к нежелательным результатам. Например, если воина с первого дня его воинской деятельности приучать к тому, чтобы он надеялся на постоянные разъяснения всех интересующих его больших и малых, важных и второстепенных вопросов, то он привыкнет ко всему готовому, не будет испытывать потребности в том, чтобы попытаться самому уяснить и разобраться в том, что его интересует. Значит, разъяснительная работа должна вестись так, чтобы помочь молодому воину ориентироваться в новых для него условиях и правильно отвечать самому себе на недоуменные вопросы, способствуя этим формированию таких важных качеств, как активность и самостоятельность.

Так же обстоит дело и с представлениями молодого воина, которые используются с целью приближения условий его обучения и воспитания к условиям боевым. В этом отношении воина необходимо приучить к тому, чтобы он сам, по своей инициативе, при помощи соответствующих представлений сравнивал свои действия в условиях подготовки с действиями, которые потребуются от него

в бою, чтобы он научился как бы видеть за действиями условного противника действия противника, с которым ему придется встретиться в бою, и т. д.

Особенно осторожно надо пользоваться постановкой частных дополнительных целей в практической деятельности, чтобы излишняя насыщенность ими не отвлекала сознание воина от основных целей и задач его обучения и воспитания. Лучше всего, когда молодой воин знает, что он ползет по-пластунски для того, чтобы научиться действовать так в будущем, когда ему придется вести борьбу с подлинным противником. Но если под влиянием чувства условности у него недостаточно мобилизуется сила и энергия на выполнение этого дела во время занятий, то не принесет вреда постановка таких дополнительных целей, как победить товарища в соревновании, заслужить похвалу командира и т. д.

Воина необходимо научить самого видеть и ставить перед собой частные дополнительные цели и достигать их, чтобы приблизиться к основной цели деятельности. Это значит, что воин должен научиться видеть за каждым конкретным делом общий смысл и направленность всей своей деятельности.

Таковы положительные и отрицательные стороны метода теоретического сближения условий боевой подготовки с условиями боевыми, метода, активизирующего деятельность воинов и способствующего формированию у них морально-боевых качеств.

Заметим, что рассматриваемый метод является вспомогательным. Ведущую же роль играет метод объективного, практического приближения обстановки обучения и воспитания к боевой обстановке.

Чем отличается метод объективного приближения обстановки обучения к боевой обстановке от того, который осуществляется при помощи разъяснения, создания соответствующих представлений и постановки дополнительных целей?

Тем, что при объективном приближении воины усваивают не только теоретические знания и представления о соотношении условий, в которых они обучаются и воспитываются, и условий боя, но и практически усматривают соотношение целей более близких с целями более далекими и конкретно связывают цели своей деятельности с ее фактическими результатами.

В силу этого обстоятельства даже такое, казалось бы, искусственное по отношению к бою дело, как точная проверка наводки автомата или пистолета, закрепленного в станке, проводится воинами активно, без чувства условности, хотя выстрела нет, да и в бою это оружие не будет укреплено при помощи специального приспособления. Еще ярче выступает этот момент при боевой стрельбе. И это вполне понятно, так как каждый выстрел, хотя и производится по мишени, а не по живому противнику, имеет совершенно определенный результат. Дело не в самом по себе выстреле, а в попадании. Факт попадания или непопадания подлежит активной и совершенно безошибочной оценке того, кто стреляет. Ведь хороший выстрел, кроме всего прочего, вызывает чувство удовлетворенности.

Очевидность соотношения целей деятельности и результатов их достижения выступает в роли внутреннего двигателя деятельности воина, ибо дает ему возможность сравнить себя с товарищами, действующими вместе с ним, сравнить свои удачи с неудачами, получить оценку командира и т. д.

К этому необходимо прибавить то, что стрелять, с точки зрения самого воина,— это значит заниматься делом, которое непосредственно готовит его к действиям в настоящем бою. Если же учесть еще, что стрелковому делу придается большое общественное значение, а результаты стрельб служат предметом различных обсуждений, которые так или иначе затрагивают самолюбие стрелка, то станет еще очевиднее отсутствие или почти полное отсутствие у воина чувства условности при боевой стрельбе.

Но не во всех видах боевой и политической подготовки так явно, и особенно для молодого воина, привычно соотносятся цели воинской деятельности и результаты ее достижения. Например, в стрелковой тренировке без точной проверки правильности прицеливания может иметь место чувство условности. И дело, конечно, не в том, что молодой воин не понимает роли тренировки. Он может все хорошо понимать (ему разъясняют) и представлять (так как и представления у него создаются) и все-таки заниматься стрелковой тренировкой без особого желания, без души, так как в такой тренировке нет показателей, по которым тренирующийся мог бы судить о результатах своих действий, и нет самого главного — настоящего прицельного выстрела. Поэтому психологически получается так, что между основной целью стрелковой тренировки — отработать соответствующие навыки — и самим процессом тренировки нет явно выступающих промежуточных целей, нет четких критериев для оценки результатов их достижения. Спрашивается, как начинающий стрелок может проверить, правильно ли он приложил автомат к плечу, верно ли его навел, вовремя ли затаил дыхание, плавно ли нажал на спусковой крючок и т. д.

Значит, чтобы активно проводить тренировку, мало понимать ее необходимость. Кроме понимания, обязательно такое явно выступающее соотношение целей деятельности и результатов их достижения, которое активизировало бы практическую деятельность воинов. Очень ясно выступает соотношение целей деятельности и результатов их достижения в такой, например, деятельности воинов в обстановке тактической подготовки, как форсирование водной преграды.

Несмотря на то что воин понимает учебные цели переправы и видит, что дело не в безвыходности положения, он не испытывает чувства условности, когда ему приходится переправляться вброд или вплавь, да еще с полной боевой выкладкой.

Отсутствие чувства условности при форсировании водной преграды и активность практической деятельности объясняются, конечно, не только тем, что каждый воин хорошо знает и представляет, как ему на войне придется переправляться через реку в самых сложных условиях и, возможно, без хороших переправочных

средств. Если бы все дело заключалось в знаниях и представлениях теоретического порядка, то чувство условности не могло бы возникнуть и при стрелковой тренировке, о которой шла речь.

Если проследить, как фактически осуществляется форсирование реки, то можно обнаружить, что конкретные цели и результаты их достижения выступают более очевидно и соотносятся между собой более явно, чем в стрелковой тренировке.

Начав переправу, воин не тренируется в осуществлении ее, а выполняет настоящее дело. Ведь в процессе переправы должно быть распределение обязанностей, организация взаимодействия и другие моменты, обуславливающие деятельность в конкретно складывающейся обстановке. Это значит, что, начав переправу, воин попадает в систему безусловных отношений: с одной стороны, людей между собой, с другой — людей и окружающей действительности. Обстановка фактически складывается так, что каждый участник переправы в силу объективных обстоятельств должен действовать безусловно и результаты этих действий должны быть также безусловными. Иначе говоря, тот, кто принимает участие в переправе, имеет дело с настоящей рекой, в которой можно утонуть.

При таком соотношении целей деятельности и результатов их достижения возникновение чувства условности исключается. Больше того, если во время учебной переправы условный противник совершит условную авиабомбардировку, то и это не вызовет чувства условности. Это зависит от того, что деятельность каждого воина, осуществляющего переправу, является для него весьма актуальной, полностью поглощает его. При такой активной деятельности, как показывает анализ боя, даже безусловная авиабомбардировка не оказывает большого воздействия на психику воина. Известно, что налет вражеской авиации переживается остро не теми, кто ведет с ней активную борьбу или решает какую-либо другую задачу, а теми, кто в это время бездействует.

Раз объективно выступающее и осознаваемое соотношение целей деятельности и результатов их достижения активизирует практическую деятельность воинов и способствует формированию у них личных качеств, необходимых для настоящего успешного боя, значит, такие соотношения необходимо организовать и использовать в практике тактической подготовки войск. Факты, например, показывают, что при обучении самоокапыванию может возникнуть чувство условности, тормозящее деятельность воинов. Но факты показывают и то, что если самоокапывание производится на тактических учениях, где рытье окопов или траншей является подготовкой района обороны, то чувство условности парализуется, а деятельность воинов приобретает смысл и активный характер. Это положение относится ко всем разделам и моментам боевой и политической подготовки войск.

Итак, основной принцип преодоления чувства условности заключается в максимальном приближении условий обучения и воспитания воинов к условиям боевым. Этот принцип реализуется двумя методами. Первый из них, наиболее действенный, осуществ-

вляется в практическом приближении условий подготовки воина к условиям подлинного боя, а второй — в теоретическом приближении тех же условий. Причем второй метод конкретно выступает в разъяснении возникающих у молодого воина непонятных вопросов, в мобилизации и образовании у него необходимых представлений, в практической организации такого соотношения целей деятельности и результатов их достижения, которое способствовало бы преодолению чувства условности.

При помощи первого и второго методов можно осуществить индивидуальный подход в обучении и воспитании воинов, а это, как известно, имеет огромное значение для формирования морально-боевых качеств.

В процессе тактической подготовки необходимо требовать от каждого воина, чтобы он выполнял абсолютно все действия, которые способствуют решению тактической задачи. Это значит, что если приказывается, например, рыть траншеи полного профиля, иметь стрелковую карточку, тщательно маскироваться, то приказание должно быть точно и в срок выполнено. Это помогает отшлифовать соответствующие личные качества воина и способствует преодолению у него чувства условности.

В процессе тактической подготовки следует создавать обстановку, которая ставит каждого воина перед необходимостью вести действия в высоком темпе.

Высокий темп действий активизирует общее состояние воина, приучает его к физической и психической напряженности, к высокой активности.

В заключение психологической характеристики тактической подготовки воинов следует сказать, что если учитывать описанные особенности деятельности воинов и их психологические качества, то в относительно короткие сроки можно подготовить советских воинов к творческому, а не шаблонному решению тактических и, следовательно, в будущем боевых задач. Причем творчество в решении тактической (и боевой) задачи обязательно связано с знанием воинами основных, типичных вариантов решения той или иной задачи. Без указанных знаний не может быть и речи о творчестве в боевой деятельности воина, так как только на основе имеющихся знаний можно найти оригинальное и для противника неожиданное решение боевой задачи в ходе боя.

Итак, в процессе тактической подготовки советские воины обучаются и воспитываются. Они приобретают соответствующие знания, навыки и умения, сложные личные качества, необходимые для решения боевых задач.

Командиры, руководящие тактической подготовкой, для ее успешного решения опираются в воспитательной работе на партийные и комсомольские организации, которые спланируют воинов в боевой коллектив, своим словом и личным примером мобилизуют их на добросовестное выполнение воинского долга.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЛИЯНИЕ УСТАВНОГО ПОРЯДКА НА ФОРМИРОВАНИЕ КАЧЕСТВ, НЕОБХОДИМЫХ ВОИНАМ

о прихода в армию советский молодой человек, как и каждый человек в условиях социализма, чувствует заботу о себе со стороны общества, государства.

До начала военной службы он учится или работает или совмещает обучение с жизнью, с производством, с практикой коммунистического строительства, т. е. живет в таком обществе, идеологией которого является система научно обоснованных взглядов, идей и убеждений, непосредственно влияющих на формирование сознания и нравственных качеств каждого советского человека — активного строителя коммунизма.

Все это, включая конкретные для каждого индивидуума жизненные условия, объективно определяет направленность личности, формирование у советского молодого человека высокой сознательности, сложных переживаний, волевых качеств, потребностей, интересов, знаний, умений.

Таким образом, каждый гражданин нашей страны к началу воинской деятельности уже обладает необходимыми для этой деятельности личными качествами. Он выработал уже внутреннее положительное отношение к выполнению своего воинского долга.

Но всех этих качеств ему недостаточно для успешного выполнения обязанностей защитника советской Родины. С приходом в армию или во флот советскому молодому человеку необходимо приобрести специальные военные знания и умения, навыки и привычки, опыт воинской деятельности и вместе с тем совершенствовать свои нравственные, моральные качества, которые требуются для успешного несения службы и ведения боевых действий.

Но для того чтобы подготовка молодых воинов была успешной, вместе с политической подготовкой, овладением боевой техникой, оружием и другими видами подготовки необходима **организация соответствующих условий** воинского обучения и воспитания. Эти условия определяются воинскими уставами, различными наставлениями и приказами.

Строгий режим дня, точное определение обязанностей военно-служащих — это основная линия, по которой осуществляются тре-

бования уставов, определяющих условия жизни и быта всех советских воинов, их боевую и политическую подготовку, условия формирования личности воина.

Выполнение уставных требований формирует у воинов такие личные качества, как чувство долга, ответственности, честность, правдивость, исполнительность, инициативность, расторопность, аккуратность, находчивость. Эти и другие качества, являясь результатом совокупного воздействия на воинов различных способов и приемов, средств и форм во всех ранее рассмотренных разделах обучения и воспитания, во многом непосредственно зависят от соблюдения установленного режима повседневной деятельности воинов.

Соблюдая установленный режим, т. е. действуя в одних и тех же или сходных условиях одинаковыми или сходными способами, воин упражняется, вырабатывает у себя соответствующие привычки и необходимые ему качества. Например, утренний подъем, который совершается по установленным правилам, вырабатывает у воинов привычку быстро, по сигналу просыпаться, одеваться и сразу же приходить в бодрое работоспособное состояние. Вечерний отбой, наоборот, приучает воинов к быстрому успокоению после дневной активной деятельности и отходу ко сну. И то и другое крайне необходимо воину и в боевых условиях.

Порядок проведения утренней физической зарядки, туалета, уборки помещения, приема пищи, форма обращения к товарищу и все другие моменты способствуют воспитанию у воинов соответствующих потребностей и умений их удовлетворения.

Выполнение уставного воинского порядка оказывает прямое влияние на физиологические процессы высшей нервной деятельности, обеспечивающие формирование и развитие личных качеств, о которых говорилось выше. Это заключается главным образом в том, что под влиянием ритма жизненных отношений, под влиянием организованного слаженного воздействия внешних условий, практической деятельности и соответствующих внутренних процессов у воина вырабатываются сложные устойчивые нервные связи, которые И. П. Павлов назвал динамическими стереотипами.

Понимая под динамическим стереотипом слаженную, уравновешенную систему внутренних нервных процессов, И. П. Павлов специально указывал, что такая система образуется под влиянием систематически воздействующих и в той или иной степени повторяющихся комплексов раздражителей окружающей среды.

Воинский режим, конечно, не представляет собой систему одних и тех же раздражителей с одними и теми же промежутками, да еще применяемых в строго определенном порядке, как в физиологической лаборатории. Но это все-таки не исключает того, что наиболее четко разработанный и наиболее строго соблюдаемый режим воинской деятельности обеспечивает образование устойчивых и гибких физиологических механизмов поведения в виде динамических стереотипов.

Такова самая общая характеристика режима и других поряд-

ков, обуславливающих жизнь и быт солдат, сержантов и курсантов военных училищ и способствующих выработке у них нервных механизмов целесообразного взаимоотношения с объективной действительностью.

Что же касается характеристики влияния уставного порядка и режима по более частным моментам, например переход от тормозного состояния к возбужденному во время утреннего подъема, при выполнении определенных требований и т. д., то она может быть чрезвычайно обширной.

Даже общие сведения об образовании вышеупомянутых физиологических механизмов, характеризующих развитие личности воина в целом, свидетельствуют о том, что уставной порядок и, в частности, режим способствуют формированию у воинов необходимых им как воинам личных качеств.

Установленный воинский порядок действительно выступает как условие, представляющее собой рамки поведения воинов, как условие организации самого поведения, вне которого не могут формироваться личные качества воинов. Причем условия, в которые попадает воин срочной службы, не сами по себе обеспечивают формирование необходимых воину качеств.

Для того чтобы правильно оценить роль режима и других моментов воинского порядка, непосредственно влияющих на воинов, и правильно их организовать и использовать в боевой и политической подготовке, необходимо учитывать, как каждый воин внутренне относится к этим условиям и как его отношение влияет на его собственную практическую деятельность, на формирование его личных качеств.

Еще до прихода в армию у советского молодого человека формируется внутреннее положительное отношение к предстоящей ему воинской службе. Наличие такого отношения порождает у него желание нести службу, интерес к ней и другие мотивы, побуждающие его к активной воинской деятельности.

Однако положительное отношение к военной службе в целом и соответствующие этому отношению мотивы не прямо, не автоматически преломляются в каждом моменте практической деятельности воина, начавшего свою срочную службу. Специфика военного дела, трудности овладения им иногда вызывают у воина-новичка различные вопросы, связанные с особенностями конкретных условий воинской деятельности, и даже желание изменить некоторые моменты этих условий. Например, только по поводу утреннего подъема может возникнуть ряд вопросов: зачем подниматься так рано, когда хочется еще поспать? Почему подъем ежедневно совершается в точно определенное время? Для чего необходимо так быстро, энергично подниматься с постели, одеваться, как того требует установленный порядок, когда человеку не хочется и некуда, по его мнению, торопиться? и т. д.

Примерно такого же рода вопросы возникают порой у молодого воина в связи с отбоем и переходом ко сну: почему бы лежа

в постели не почитать книгу на сон грядущий, как это было в домашних условиях? Почему не поговорить с товарищем, который тоже еще не заснул? Зачем складывать обмундирование так, как показал старшина? и т. д.

Аналогичные вопросы возникают у воина-новичка и по поводу других требований воинского порядка. Например: почему необходимо строем идти в клуб на спектакль? — Это не занятие, не работа, а отдых и развлечение. Или, почему требуется определенным образом сгибать руку и держать пальцы вместе, когда отдается честь? Разве в этом сущность воинской деятельности и боеспособность армии?

Трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб, вспоминая о впечатлении, связанном с первоначальным моментом своей воинской деятельности, пишет: «Наш строевой командир Малыгин — тот самый худощавый лейтенант, который встретил нас на станции, — строг и требователен. На первом занятии, к *нашему удивлению* (курсив наш. — Г. Л.), он приказал вытащить на середину комнаты кровать и стал показывать, как нужно ее заправлять по единому образцу, чтобы не делать ни одного лишнего движения»¹.

Совершенно естественно, что молодые воины могут быть удивлены тем, что их начали учить заправлять постели вместо того, чтобы учить управлять самолетом.

Продолжая свою мысль и характеризуя отношение курсантов к требовательности командира и к условиям их обучения и воспитания, И. Кожедуб говорит: «Вначале, когда наш строевой командир отчитывал кого-нибудь из курсантов за слабо затянутый ремень или плохую заправку койки, нам казалось, что он чересчур придирчив. Но мы скоро поняли, что и ремень и заправка койки только на первый взгляд кажутся мелочами, что отсюда-то и начинается воспитание дисциплины, собранности, воинского долга»².

Но чувство удивления или различные недоуменные вопросы могут возникнуть не только в непосредственной связи с названными в качестве примеров моментами условий подготовки воинов. То, что может быть подана команда «Бегом», когда сержант зовет к себе солдата, которому кажется, что обстановка не требует быстроты действий, то, что, явившись по вызову командира, солдат, докладывая о своем прибытии, должен назвать свое воинское звание и фамилию, хотя это очень хорошо известно командиру, то, что солдат должен по требованию командира повторить полученное приказание, когда совершенно очевидно, что оно правильно понято солдатом, то, что нужно говорить, «есть», «так точно», а не привычное до прихода в армию «да», «хорошо», и многое другое, что непосредственно обуславливает деятельность воина, — может, как уже сказано, вызвать у него, особенно в начальный период службы, много самых различных вопросов и даже конкретных пожеланий критического характера.

¹ И. Кожедуб. Служу Родине, Воениздат, 1950, стр. 84.

² Там же, стр. 85.

При встрече с такими порядками, непосредственно обуславливающими деятельность, у человека возникают не только различные вопросы и пожелания, но и переживания. При этом, чем сложнее условия и чем труднее их выполнение, тем острее переживания человека, действующего в этих условиях. Переживания же, как известно, играют большую роль в жизни человека и оказывают прямое влияние на его практическую деятельность.

Что же представляют собой переживания человека, связанные с новыми и необычными для него условиями воинской деятельности?

Эти переживания часто выступают в форме чувства условности. В силу этого чувства воин, особенно в начале своей службы, внутренне относится к отдельным моментам непосредственных условий своей деятельности и к их требованиям, как к таким, без которых, по его мнению, можно легко обойтись, как к излишне усложняющим деятельность, а иногда даже, как к формальным и неоправданным.

Как же такие чувства могут повлиять на практическую деятельность воинов?

Под влиянием чувства условности у воинов могут возникать тенденции к неточному или неполному выполнению отдельных моментов распорядка дня, некоторых требований режима и других условий, регламентирующих их деятельность. Причем эти тенденции могут быть и неосознаваемыми. Но тенденции, порожаемые неправильным внутренним отношением, являются помехой в обучении и воспитании воинов. Они как бы тормозят, как бы делают пассивной практическую деятельность воинов, а вне деятельности, как известно, в принципе невозможно формирование личных качеств, необходимых воинам.

В связи с характеристикой роли внутреннего отношения молодых воинов к условиям, непосредственно влияющим на их деятельность, т. е. к существующему в Вооруженных Силах порядку, необходимо особо указать на то, что и у некоторых более опытных военнослужащих срочной службы не все обстоит гладко с внутренним отношением к внешним условиям их деятельности. И у этих солдат, матросов, сержантов и старшин может возникать нечто вроде чувства условности, которое хотя и отличается от сходного чувства воинов-новичков, но играет такую же отрицательную роль. Это значит, что такие чувства, такое внутреннее отношение необходимо преодолевать, а нужные чувства, активизирующие поведение воинов, т. е. правильное внутреннее отношение их к условиям этой деятельности, формировать, совершенствовать. Но для того чтобы достигнуть этого, необходимо уяснить причины, порождающие те или иные чувства, то или иное внутреннее отношение.

Опыт показывает, что в ряде случаев неправильное внутреннее отношение воинов к условиям, регламентирующим их деятельность, возникает под влиянием того, что их воинская деятельность осуществляется в условиях, довольно резко отличающихся от условий их деятельности до прихода в армию или на флот и от условий боевых.

Что же является наиболее характерным для конкретных условий, вызывающих у воинов неправильное отношение?

Во-первых, то, что многие моменты этих условий и даже условия в целом являются для молодого воина новыми и необычными. До прихода в армию молодой человек не встречается одновременно с многими новыми моментами, обуславливающими его жизненную деятельность. Такие моменты выступали перед ним не сразу, не в один день, а постепенно, один за другим. В силу этого объективного обстоятельства он не ставился перед необходимостью овладевать сразу многими условиями и неуклонно руководствоваться ими в своей практической деятельности. Новые моменты конкретных условий деятельности человека объективно выступали именно как моменты, обуславливающие не всю его жизнь, а только ее отдельные части или области. В связи с осознанием этого положения и на основе внутреннего отношения к этим моментам чувство условности, возникающее иногда в довоинской деятельности, не занимало большого места в системе переживаний человека.

Что же касается молодого человека, начавшего воинскую деятельность, то он встречается с многими новыми конкретно выступающими условиями жизни с первого же дня своей службы (режим, распорядок дня, особенности отношения к товарищам по оружию, нормы и правила поведения).

Новым в условиях воинской деятельности является даже то, что к боевой технике должно выработаться отношение не только как к средству достижения победы в бою, но и как к тому, с чем в бою непосредственно связаны вопросы жизни и смерти воина.

В результате таких обстоятельств человек, пришедший в армию, в новых для него условиях начинает вести новый, в целом непривычный для него образ жизни. А это не может не сказаться на всех его переживаниях и в этой связи на его отношении к отдельным моментам условий воинской деятельности.

Правда, и до прихода в армию люди иногда сразу попадают в новые условия, влияющие на всю их деятельность. Например, ребенок, став учеником первого класса, должен овладеть многими новыми моментами конкретных условий его деятельности (отношение к учителю и отношению к товарищам, нормы и правила поведения в школе, необходимость выполнять домашние задания и многое другое). Но это не вызывает у школьника-новичка чувства условности и, значит, неправильного отношения к новым условиям. Напротив, под влиянием взрослых, под влиянием того, что большую часть времени ребенок проводит в привычных для него условиях, он очень серьезно, а иногда даже излишне серьезно относится к новым для него условиям и к самому себе как к школьнику.

И молодой человек, закончивший ремесленное училище и получивший специальность, например токаря, начав работать на заводе, не испытывает чувства условности несмотря на то, что его деятельность осуществляется в новых для него условиях.

Это можно объяснить тем, что в процессе обучения в ремесленном училище человек специально готовился к тому, чтобы рабо-

тать на заводе, и его подготовка заключалась в приобретении необходимых ему в работе знаний, навыков, привычек и ряда личных качеств, без которых он не смог бы стать квалифицированным рабочим. Значит, все то, что делается в училище, специально подчинено требованиям, которые предъявляются к будущему рабочему на заводе, и сам ремесленник в процессе подготовки как бы примеривается к своей будущей деятельности и, забегая мысленно вперед, как бы соотносит приобретаемые им в училище знания, умения и даже отдельные действия с будущими условиями работы.

Это относится не только к ученику ремесленного училища. И студент предварительно готовится к тому, чтобы учиться в вузе, и врач, и учитель, и агроном, и все другие специалисты также готовятся к тому, чтобы выполнять определенную работу.

Что же касается воинской деятельности, она не является таким органическим продолжением предыдущей деятельности человека. Работая на заводе, тот же токарь не подчиняет свои действия и мысли требованиям специфически воинской деятельности. Работая, он не примеривается к военной службе так, как во время обучения в ремесленном училище примеривался к работе токаря на заводе. Да и необходимости у него в этом нет. Если же учесть еще, что начало работы на заводе, в колхозе, в школе или другом месте совсем не обязательно связано с коренным изменением всего режима и быта молодого рабочего (колхозника, учителя и представителей других профессий), то станет очевидным, что этот же рабочий, начав военную службу, действительно встречается с совершенно новыми для него условиями, под влиянием которых он должен приобретать новые знания, навыки, привычки, умения и формировать у себя соответствующие личные качества. При этом в силу объективно выступающих конкретных условий он должен критически пересмотреть многое из своего поведения до призыва в армию, отказаться от некоторых своих желаний, вкусов и привычек, что, как известно, связано с преодолением внешних препятствий, выступающих в практической деятельности в виде конкретных условий, и внутренних трудностей, порождаемых отсутствием надлежащего опыта. Собственно, это и может породить у молодого воина чувство условности и, следовательно, неправильное внутреннее отношение к отдельным требованиям режима и к другим требованиям.

В связи с такой ролью новизны условий воинской деятельности каждому воину необходимо помочь осознать особенности этих условий, ознакомить его с тем, с чем он не встречался в прошлой, довоинской деятельности. Это значит, что с первого дня службы каждого воина следует вооружить знаниями о времени подъема, приема пищи, занятий и отдыха, знаниями норм и правил поведения в помещении, в расположении части, знаниями о воинских званиях, знаках различия и отличия и многими другими знаниями, без которых новичок не сможет ориентироваться в новых для него условиях и правильно вести себя в соответствии с их требованиями.

Приобретая знания, навыки и умения действовать, осознавая эти условия как наиболее целесообразные для управления войсками

и для организации их боевой и политической подготовки, каждый воин правильно их оценит и положительно к ним отнесется.

Но бывают случаи, когда и у старослужащих воинов срочной службы возникают чувства и внутреннее отношение, отрицательно влияющие на их деятельность. Возникновение таких чувств и отношения в целом объясняется не новизной условий. Такой воин знает, каковы порядки в армии или на флоте, умеет их поддерживать, он знаком с требованиями режима, умеет действовать в его рамках. Чувства же и внутреннее отношение, как бы тормозящие его деятельность, вызываются, например, тем, что такой воин считает, что он уже все знает и умеет, что многие порядки и требования режима создаются для того, чтобы их выполняли новички. У такого воина вместе с тем может быть надежда, что командир, зная его хорошую подготовку, меньше с него спросит. И если это так и случится, то у него, конечно, усилятся тенденции к неточному и неполному поддержанию уставных порядков. Опытные командиры, повышая требовательность и контроль, преодолевают такого рода тенденции и поддерживают чувства долга и ответственности, активизирующие деятельность воинов. Эти же чувства помогают воинам активизировать поведение и тем совершенствовать личные воинские качества даже в тех случаях, когда приближается конец установленного срока военной службы. В этих случаях чувство долга и чувство ответственности затормозят отрицательно влияющие на практическую деятельность чувства, возникающие в связи с ожиданием перемены условий деятельности и характера самой деятельности, с появлением новых интересов и планов на будущее и т. д.

Кроме новизны конкретных условий, в которых начинается деятельность воинов с приходом их в армию, следует указать на особый характер соотношения целей воинской деятельности и процесса практического их достижения.

Например, если до прихода в армию молодой человек учился в школе, он отчетливо представлял цели учебной деятельности и процесс их практического достижения. Соотношение конечных (основных) и промежуточных (частных) целей также было совершенно очевидным. Поставив перед собой цель закончить школу или приняв эту цель, если она поставлена родителями, ученик ходит на занятия, отвечает на уроках, выполняет домашние задания, сдает экзамены и т. д. Все его действия имеют частные цели, которые достигаются в реальной деятельности и ведут к достижению основной цели — закончить школу. Достижение этой цели является завершением этапа достижения новых, более далеких целей.

Не менее четко, и, как правило, даже четче, выступают цели и их достижение в процессе трудовой деятельности.

Наличие конкретных целей и их отношение к целям более далеким осознается человеком и становится для него как бы привычным. Поэтому, если до начала военной службы человек начинает

новый этап своей жизни и в этой связи попадает в новые для него условия, то наличие у него опыта соотносить цели с процессом их практического достижения и очевидность этого соотношения помогают ему быстро сориентироваться в новой обстановке.

Несколько иначе это происходит в условиях воинской деятельности. Если бы человек, начав военную службу, не встретил новых для него условий и если бы в этих условиях было привычное для него очевидное соотношение целей деятельности и процесса их практического достижения, то у него не возникали бы недоуменные вопросы по поводу отдельных моментов, обуславливающих его деятельность, не возникало бы чувство условности и неправильное внутреннее отношение. Например, молодым солдатам понятно требование, что они должны стать хорошо подготовленными воинами. Постановка основной цели им ясна, и они ее внутренне полностью принимают. Но им не ясно, как достижению этой цели способствует, например, хорошая заправка постели, туго затянутый поясной ремень, до блеска начищенные сапоги, положение носков сапог при строевой стойке, положение пальцев руки при отдаче чести и многое другое, что обязан делать воин.

Такое соотношение основной цели и ряда частных целей действительно является непривычным для человека, начавшего военную службу, и может вызвать у него неправильное внутреннее отношение как к частным целям, так и к процессу их достижения.

Что же касается, например, изучения и сбережения боевой техники, стрельбы из личного оружия и многих других дел, которыми занимается воин, то они по своим целям прямо соответствуют основной цели боевой подготовки, легко осознаются и поэтому не вызывают неправильного к себе отношения.

И у курсанта военного училища не возникает чувства условности, когда он в классе в порядке упражнения решает тактическую задачу, пользуясь топографической картой, условными данными, и производит при этом соответствующие расчеты относительно действий условного противника. И это также объясняется тем, что цель деятельности и процесс самой деятельности находятся в привычном для человека соотношении.

Ведь до прихода в армию тому же курсанту приходилось в школе решать арифметические задачи с условными данными. Например, если в задаче спрашивалось, сколько зерна собрал колхоз с определенного участка земли, то ученик — будущий курсант, производя арифметические действия, вовсе не испытывал чувства условности от того, что в тот момент не видел зерна, не собирал его в мешки и не взвешивал его. При решении такой задачи он не испытывал необходимости представлять себе все эти практические действия. И это естественно, ибо конкретная цель — решить задачу — совершенно очевидно соотносится с целью научиться производить соответствующие арифметические операции, решать задачи определенного типа. Процесс решения задачи явно ведет к достижению поставленных целей и не вызывает чувства условности. Но если бы ученику пришлось действительно иметь дело с настоящим

зерном только для того, чтобы научиться решать арифметические задачи, то у него в связи с многими безусловными действиями, по всей вероятности, возникло бы чувство условности.

Значит, чувство условности вызывается не наличием условных данных в деятельности человека, направленной на решение определенных задач, а характером соотношения целей этой деятельности и процесса их практического достижения. Этим же можно объяснить отсутствие чувства условности у артиллеристов, когда они упражняются, например, в подготовке данных для производства прицельного выстрела из орудия, когда они производят расчеты, определяющие отклонения полета снаряда под влиянием ветра, и т. д. Все это привычные для человека действия, в них четко и ясно выступают и осознаются цели деятельности и процесс их практического достижения. Решая задачи такого рода, воин может мысленно и не соотносить свои конкретные действия с предполагаемым противником и боевыми условиями, в которых ему придется действовать во время войны. Например, для правильной наводки оружия в тире солдату совершенно не обязательно представлять, что он наводит оружие на диверсанта, пытающегося перейти государственную границу. И без фактического наличия противника, без представления о нем солдат успешно учится правильно наводить оружие в цель, не испытывая чувства условности.

Там же, где конкретные цели его деятельности не прямо и для него не очевидно относятся к основной цели его службы в армии, там, где его практические действия для достижения этих конкретных целей не явно приближают к достижению основной цели, у него может возникнуть и возникает чувство условности и вместе с ним неправильное отношение к частным целям и своим действиям, направленным на их достижение.

Чем же объясняется, что в условиях военного обучения и воспитания многие цели деятельности воина соотносятся с процессом их реального достижения не так, как соотносились цели его же деятельности (трудовой или учебной) с практикой их достижения в других условиях, до его прихода в армию?

Главным образом тем, что конкретные условия военного обучения и воспитания во многом объективно отличаются от боевых условий, требованиям которых подчинена боевая и политическая подготовка. И если это относится к тактической подготовке, то тем более имеет место в соблюдении режима воинской деятельности. Поэтому неправильное внутреннее отношение чаще всего и проявляется в связи с выполнением требований режима. Конкретно это выражается в том, что условия, которые создаются в соответствии с установленным режимом, внешне выступают и осознаются воином как отличающиеся от условий, в которых осуществляется политическая подготовка, овладение боевой техникой и оружием, строевая, физическая и тактическая подготовка. Отличие это усматривается в том, что режим, представляющий собой условия, непосредственно влияющие на деятельность воинов, не имеет прямого отношения к требованиям, которые предъявляются при реше-

нии боевых задач. Поэтому режим и оценивается отдельными воинами как система дополнительных, часто искусственных, а иногда и излишних условий, усложняющих жизнь и быт воинов.

Значит, в процессе обучения и воспитания следует преодолеть неправильное и сформировать правильное отношение воинов к условиям, в которых общие и частные цели соотносятся не так, как соотносились в условиях невоинской деятельности, а процесс достижения этих целей регламентируется значительно жестче.

Что же, с психологической точки зрения, надо учитывать для того, чтобы успешно формировать у воинов правильное внутреннее отношение к условиям деятельности, в которых необычно для них соотносятся цели общие с целями частными?

Нужно напомнить, что для успеха тактической подготовки необходимо максимальное сближение обстановки обучения с боевой обстановкой. А для успешной политической, строевой и физической подготовки, для овладения боевой техникой и оружием необходимо сближение их с тактической подготовкой, а через нее — с подлинно боевой обстановкой. Что же касается воинского порядка в целом и таких его составных частей, как режим, распорядок дня и другие условия деятельности воинов, — их нельзя внешне прямо сближать с условиями боя. Поэтому цели, ради которых создаются объективные условия в виде соответствующего порядка, осознаются некоторыми воинами в отрыве от целей, которые ставятся и достигаются в условиях боя. Это обстоятельство ставит перед необходимостью помочь воинам осознать, что выполнение требований режима и других элементов воинского порядка является не самоцелью, а средством или условием формирования у них личных качеств, которые нужны им для наиболее успешных действий в условиях боя. При таком осознании каждый воин будет соотносить цели, которые достигаются при помощи поддержания воинского порядка, с целями, которые ставятся в бою, не по внешним признакам, а по их существу и будет усматривать между ними общее. Помощь командира в правильном осознании каждым воином необходимости поддерживать воинский порядок и в активном формировании на этой основе положительного отношения к порядку может быть осуществлена в процессе разъяснительной работы. При помощи разъяснения можно показать, что отдавание воинской чести способствует укреплению чувства солидарности советских воинов, чувства уважения к старшим, к командирам и начальникам, что отдавание чести вместе с тем способствует формированию таких важных для воина личных качеств, как наблюдательность и дисциплинированность, ибо воин не имеет права не видеть, не «замечать» того, кому он обязан отдавать честь, или того, кому он должен ответить на отдаваемую ему честь. В этой связи воин должен осознать, что отдавание чести требует от него систематического самоконтроля и готовности дать отчет в своих действиях и т. д. Опытные командиры разъясняют солдатам, что туго затянутый ремень нужен не только для показа опрятности и подтянутости. На

ремень солдата, как известно, вешается сумка для гранат, лопатка для самоокапывания, фляга, и если ремень не затянут, снаряжение не подогнано, то солдат не сможет успешно действовать (совершить марш и т. д.). Но для того чтобы носить ремень как положено, надо иметь к этому привычку, которая и вырабатывается в процессе повседневной деятельности солдата.

Разъяснениями можно помочь воинам осознать, что строгое соблюдение всех требований воинского порядка приучает их к жизни и деятельности вместе с товарищами по обязательным для всех нормам и правилам поведения, приучает к организованности и исполнительности, к самоконтролю, к взаимной помощи, приучает к тому, чтобы преодолевать ненужные привычки и желания, правильно учитывать фактор времени и т. д. Можно показать, что в процессе их подготовки в условиях мирного времени не только невозможно, но и далеко не обязательно действовать только так, как это потребуется в бою. Известно, например, что если бы боксер не тренировался, а только вел бон, то он никогда не достиг бы вершин мастерства. При этом надо иметь в виду, что во время тренировки боксер производит многие действия, которые в таком же виде и с той же целью никогда не понадобятся ему в настоящем бою. К таким действиям относятся пробежки, прыжки со скакалкой и т. д. Значит, дело не в самих по себе действиях и условиях тренировки, в которых они производятся, а в вырабатываемых качествах, которые понадобятся боксеру при встрече с противником на ринге. Так же обстоит дело и в других видах спорта.

По аналогии с приведенным примером воины срочной службы должны понять, что хотя их действия при поддержании воинского порядка не точно такие же, как те, которые надо будет производить в бою, зато личные качества, формируемые под влиянием этих действий, именно те, которые понадобятся при решении боевых задач.

Следовательно, разъяснительная работа должна помочь каждому воину теоретически сблизить и увязать частные цели его деятельности, связанные с соблюдением требований воинского порядка, с основной целью его подготовки — к успешным действиям в бою, показать соотношение целей деятельности и процесса самой деятельности, ведущей к их достижению.

Но роль разъяснительной работы нельзя переоценивать, ибо разъяснение без использования других путей воздействия на воина не приведет к желаемым результатам.

Как показывают факты, некоторые воины, хорошо понимая разъяснение и принимая его в целом, считаются с самыми общими положениями и как бы забывают о частных делах и заботах. Например, они понимают, что исполнительность крайне необходима в воинской деятельности, но если уж быть исполнительным, считают они, так по серьезным вопросам и делам, а не по «мелочам», которыми они занимаются. Или, если надо преодолевать препятствия, то уже там, где они неизбежны. Зачем же намеренно

создавать их, зачем искусственно усложнять условия жизни? Но если и усложнять, то хотя бы в связи с делами, которые имеют прямое отношение к «настоящим» условиям боя.

Это еще раз подтверждает известное в психологии положение, что мало знать и понимать для того, чтобы действовать в соответствии с знаниями и пониманием. Однако из этого не следует, что разъяснение должно игнорироваться. Напротив, именно с разъяснения должна начинаться борьба с чувством условности и неправильным отношением воинов к некоторым условиям их деятельности, так как при его помощи можно сблизить общие и частные цели деятельности воинов, мобилизовать имеющиеся у них представления, создать новые представления, непосредственно влияющие на направленность их практической деятельности и на ее активность. В процессе разъяснительной работы надо приучать воинов к тому, чтобы они сами сближали цели своей повседневной деятельности с основной целью обеспечения своей боевой готовности. Такое сближение способствует активизации деятельности, так как обнаруживает смысл всех действий воина и его поступков. Надо заметить, что выискивание смысла каждого действия путем сближения общей цели с частными целями не должно проводиться как самоцель. Опытные командиры и политработники, разъясняя воинам срочной службы соотношение целей, подсказывая смысл деятельности, связанной с выполнением требований уставного воинского порядка, приучают их к тому, чтобы они даже в случае неполного понимания соотношения целей общих и частных все равно действовали бы как надо, веря в то, что все требования необходимы, ставятся жизнью и имеют смысл.

В заключение характеристики особенностей конкретных условий воинской деятельности и внутреннего отношения воинов к этим условиям необходимо указать, что объективно новые для воина условия и особый характер соотношения целей его учебной деятельности с практикой их достижения являются для него обязательными.

Придя в армию, молодой человек встречается с такими новыми для него условиями жизни и быта, которые он независимо от своего желания обязан выполнять беспрекословно. Солдата не спрашивают, хочет он или не хочет аккуратно заправлять свою гимнастерку, обедать в указанное время, отдавать честь, быть бритым и т. д. К этому необходимо добавить, что воин обязан быть исполнительным, инициативным, храбрым, хорошим товарищем, обладать многими другими, предусмотренными уставами качествами. Все это он должен обязательно делать и быть таким, как ему положено, ибо требования, которые к нему предъявляются, выступают в качестве незыблемых законов его жизни.

Если же учесть, что эти условия распространяются абсолютно на все действия и поступки воина, что они остаются в полной силе в течение всего срока его службы и что их выполнение требует от него значительного напряжения физических и моральных сил, то станет очевидным, что ему необходимо время для того, чтобы

выработать у себя личные качества, соответствующие этим обязательным условиям, чтобы втянуться в них, привыкнуть к ним. В период вхождения, вживания в воинскую жизнь и быт у воина может возникнуть односторонняя или даже неправильная оценка тех или иных конкретных условий его деятельности.

Так, обязательность выполнения всех условий воинской деятельности вместе с их новизной и особым характером соотношения в этих условиях целей деятельности с процессом их практического достижения может вызвать у воина неправильное или не совсем правильное внутреннее отношение к ряду конкретных условий и ко многим моментам своей практической деятельности. Чтобы этого не случилось, воинам разъясняют, чем вызывается обязательность выполнения всех норм и правил поведения, режима и распорядка дня, какие при этом образуются у воинов личные качества (исполнительность, точность и т. п.), какова роль этих качеств при решении боевых задач. Однако и здесь, кроме разъяснения, необходимо ставить воинов в такие объективные условия, чтобы они практически приучались делать так, как им разъяснено. Это достигается повышенной требовательностью и контролем за исполнением.

Преодоление неправильного внутреннего отношения облегчает солдатам, матросам, сержантам, старшинам и курсантам военных училищ возможность обучаться военному делу и воспитываться в соответствии с требованиями уставов и вместе с тем облегчает командирам решение задач боевой и политической подготовки своих подчиненных.

Характеризуя роль внутреннего отношения воинов к условиям их деятельности, необходимо отметить, что на формирование правильного отношения к поддержанию уставного порядка большое влияние оказывают воинские традиции.

Традиции в широком смысле — это неписанные правила и нормы поведения. Это передающиеся из поколения в поколение нравы и обычаи, это юридически не оформленные нравственные требования к поведению человека и к взаимоотношениям людей.

Традиции могут быть национальными. В советском патриотизме сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Традиции определяются сущностью производственных отношений общества и его идеологией.

Следует, однако, подчеркнуть, что все традиции возникают, развиваются и отмирают не под непосредственным влиянием административного воздействия, а в процессе реально складывающихся отношений между людьми.

Подчеркивая роль таких отношений в воинской деятельности и их влияние на успех подготовки личного состава, М. И. Калинин в своем выступлении на приеме комсомольских работников Советской Армии в мае 1944 г. поставил следующий вопрос: «Чем, скажем, достигается, что одна часть лучше, а другая хуже?»

Отвечая на поставленный вопрос, он подчеркивал ведущую роль активного руководителя, командира, стремящегося наладить дело. Такому человеку, говорил М. И. Калинин, «сама жизнь подскажет... какими путями прийти к... успеху». Говоря о самой жизни, М. И. Калинин подразумевает повседневные жизненно складывающиеся отношения и поясняет: «Когда мы говорим об этих повседневных отношениях, то надо понять, что они создаются в процессе жизни неписанно, самым бытом, в отличие от форм организационных, которые исторически сложились и записаны в уставах»¹.

Таким образом, повседневные, конкретно складывающиеся, более или менее устойчивые отношения, выступающие в качестве традиций, должны быть направлены на постоянное совершенствование личного состава, на формирование у воинов морально-боевых качеств.

Такое понимание традиций позволяет объяснить, почему в одной и той же дивизии, живущей по одним и тем же уставам Вооруженных Сил Союза ССР, могут быть неодинаковые полки, а в полках — отличающиеся друг от друга подразделения.

В этом смысле традиции выступают в качестве отличительных черт, условно говоря, стиля соединения, части, подразделения. Поэтому может быть так, что, например, две дивизии отличаются друг от друга не патриотизмом личного состава (и в той и другой — советские патриоты), не его сознательностью (и там и там — высокая сознательность) и даже не боевыми качествами (и та и другая — боеспособны), а традициями, которые побуждают советских воинов к выполнению уставов и наставлений и, значит, влияют на формирование их личных качеств.

В этом смысле воинские традиции являются своего рода коллективным опытом, кристаллизующимся в виде самых различных, объективно выступающих отношений, которые складываются между воинами в подразделениях, частях и соединениях Вооруженных Сил Союза ССР.

Организация традиционных отношений, существующих в соединении, части и подразделении, должна способствовать формированию у воинов правильного внутреннего отношения к поддержанию уставного порядка, обеспечить благоприятные условия воинского обучения и воспитания и, следовательно, формирования у воинов морально-боевых качеств.

Воинские традиции благодаря их соответствию советской военной идеологии, идеологии советского общества в целом, выступают и как условия и как средства формирования личности советского воина, готового самоотверженно защищать интересы своего народа, своей Родины.

Игнорирование того, как в той или иной части встречаются солдат-новичков или провожают отслуживших свой срок, игнорирова-

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воениздат, 1958, стр. 550.

ние вопроса о формах и методах, об организационно установившихся приемах оказания товарищеской помощи и мобилизации мнения по поводу успехов или неудач отдельного военнослужащего или подразделения, игнорирование вопроса об организации чествования героев части (подразделения), павших в боях за Родину, или вопроса о связях новых поколений военнослужащих с героями, которые раньше служили и отличились в их подразделении, — игнорирование всех этих и многих других жизненно складывающихся, юридически не фиксированных относительно устойчивых отношений, т. е. традиций, неизбежно отрицательно скажется на формировании морально-боевых качеств советских воинов.

Такова характеристика воинских традиций как важных условий, влияющих на формирование правильного внутреннего отношения воинов к поддержанию уставных порядков и на формирование личности воина в целом.

Важным условием формирования нужного отношения воинов к воинской деятельности является подготовка воина к принятию военной присяги и сам акт ее принятия. Готовясь принять присягу, советский воин приобретает соответствующие политические и специальные военные знания, способствующие глубокому осознанию им политических целей и задач воинской деятельности и своих служебных обязанностей.

В связи с принятием военной присяги каждый военнослужащий срочной службы более глубоко и действенно осознает свою собственную роль в обеспечении безопасности Родины и себя как воина.

Присяга, как клятва советского воина на верность своему народу, содержит в себе основные требования, предъявляемые воину Родиной, вызывает у него высокие нравственные переживания, мобилизует его личные способности на выполнение долга, ориентирует в повседневной деятельности.

Таким образом, подготовка к принятию присяги и акт ее принятия являются одним из условий, определяющих формирование у воина чувства долга, личной ответственности за судьбу Родины, влияющих на характер всей его деятельности. Чувство долга, как известно, может выступить в бою в качестве одного из наиболее действенных мотивов поведения воина и побудить его на совершение подвига. Присяга, значит, имеет не только юридическое, но и огромное психологическое значение.

Это обязывает командиров и политработников тщательно готовить молодых воинов к принятию присяги, а самому акту принятия уделять самое серьезное внимание.

Вместе с подготовкой к принятию присяги и актом ее принятия, способствующим формированию правильного отношения воинов к новым для них условиям воинской деятельности, в практике обучения и воспитания используют почитание боевого Знамени части.

Почитая Знамя, которое является символом идей и стремлений, доблести и славы, объединяющих всех советских воинов в борьбе за правое дело, каждый солдат, сержант и курсант

военного училища испытывает чувство уважения к Знамени как к святыне части, чувство уважения ко всем своим товарищам, прошедшим под этим Знаменем тяжелый ратный путь, путь больших достижений в учебе и славных побед в боях.

Знамя напоминает воину и о его долге и побуждает его следовать примерам героизма и самоотверженности товарищей по оружию.

Все это, безусловно, влияет на ум воина, на его чувство и волю и способствует формированию у него высоких морально-боевых качеств.

Военная форма также положительно влияет на выработку правильного внутреннего отношения воинов к поддержанию уставного порядка и выполнению требований режима воинской деятельности.

Уже одно то, что форму одежды нельзя нарушать, имеет большое воспитательное значение. Если же к этому добавить, что военная форма ко многому обязывает военнослужащего, постоянно напоминает ему, что он является воином Советских Вооруженных Сил, у него возникает внутренняя необходимость четко контролировать свои действия, отдавать отчет в своих поступках, управлять своим поведением как при исполнении служебных обязанностей, так и в часы отдыха и развлечений.

В этой связи необходимо еще раз сказать о том, что поведение военнослужащего в подразделении и части при исполнении служебных обязанностей психологически отличается от его же поведения вне части (во время отпуска, командировки и т. д.). Это различие заключается в том, что служебная обстановка как бы помогает человеку соблюдать установленные нормы и правила поведения. Отсутствие же такой обстановки усложняет ему контроль за собой и регуляцию своего поведения. Значит, в процессе обучения и воспитания необходимо приучать воинов к тому, чтобы они при всех условиях вели себя в соответствии с порядками, установленными в Вооруженных Силах, и не поддавались влиянию отрицательных явлений, разлагающих неустойчивую часть военнослужащих. Все это не может не накладывать своего отпечатка на формирование морально-боевых качеств военнослужащего.

Воинские знаки различия вместе со знаками отличия и т. д. также соответственно влияют на личность воина и способствуют выработке у него правильного отношения к поддержанию уставного порядка. Например, со знаками различия связано уважение к старшим по званию, стремление к личному росту и т. д., а со знаками отличия — желание отличиться и сознательно следовать примеру передовых, заслуженных воинов.

К условиям формирования личных качеств советского воина относится не только то, что непосредственно и внешне организует его поведение. К числу условий относятся и объективно предъявляемые воину требования воинской морали и этики, имеющие прямое отношение к организации и удовлетворению его внутренних, духовных потребностей, и устремлений (чест-

ность и правдивость, уважение и вежливость, военная гордость и чувство ответственности за судьбу Родины).

Роль условий, непосредственно влияющих на процесс военного обучения и воинского воспитания, настолько велика и очевидна, что их организации уделяется огромное внимание и в армиях современных империалистических государств. В армии США, например, наряду с идеологической обработкой, направленной на извращение и растление сознания личного состава путем клеветы на Советский Союз и страны народной демократии, путем разжигания расовой ненависти и других низменных устремлений, установлены воинский порядок и режим, поддерживаемые средствами прямого насилия и запугивания, средствами лицемерия и обмана.

Такой порядок и режим всецело подчинены целям превращения солдатских и сержантских масс в покорное, слепое орудие, способное выполнять волю своего хозяина. Это достигается путем озлобления и ожесточения человека, путем лишения чувства собственного достоинства и уважения к другим людям, путем образования у него чувства угнетенности и беспомощности по отношению к начальству.

Поддержание такого порядка, соблюдение такого режима не могут способствовать формированию высоких и благородных морально-боевых качеств личного состава. Под влиянием объективных условий, в которых американские солдаты и сержанты несут службу, под влиянием господствующей там реакционной военной идеологии у них могут быть сформированы такие качества, как шкурничество и продажность, как карьеризм, жестокость, жадность и т. д.¹. Но эти качества, как показывает история, далеко не способствуют повышению боеспособности личного состава, не обеспечивают преодоления ими объективных препятствий и внутренних трудностей ведения сложного современного боя.

Только в армии социалистических государств может быть создан и поддерживаться такой воинский порядок и соблюдаться такой режим жизни и быта воинов, которые способствуют формированию у них необходимых высоких морально-боевых качеств и физической закалки. Наличие же таких личных качеств у основной массы советских воинов обеспечивает высокий моральный дух и боеспособность войск.

В связи с характеристикой основных условий, способствующих успеху боевой и политической подготовки советских воинов, необходимо указать на важную роль командиров, которые совместно с политработниками, опираясь на партийные и комсомольские организации, обучают и воспитывают личный состав частей и подразделений.

Коммунистическая партия и Советское правительство предоставили командиру и политработнику всю полноту власти. Но на

¹ Это, конечно, не относится к той части личного состава армий капиталистических государств, которая благодаря сознательности не поддается такой обработке.

них возложены ответственность и большие обязанности по организации обучения и воспитания своих подчиненных в условиях мирного времени и по руководству ими в бою. Эти высокие обязанности они могут выполнить только при условии, если будут всегда опираться на партийные организации и беспартийный актив.

Проводимая партийными и комсомольскими организациями работа, направленная на формирование у воинов соответствующих политических взглядов и убеждений, является одним из важнейших условий развития и совершенствования морально-боевых качеств советских воинов.

Учитывая специфику условий боя и требований, предъявляемых воинам в этих условиях, следует подчеркнуть, что в мирное время каждый воин готовится к тому, чтобы вместе со своими товарищами решать боевые задачи, к тому, чтобы взаимодействовать с ними в бою даже в том случае, если ему придется действовать самостоятельно. Для того чтобы добиться таких результатов в процессе обучения и воспитания советских воинов, командиры должны учитывать особенности коллективизма воинской деятельности и его влияние на формирование у каждого воина чувства коллективизма. Это очень важный вопрос, и его следует рассмотреть отдельно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОЛЛЕКТИВИЗМ ВОИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ У ВОИНОВ ЧУВСТВА КОЛЛЕКТИВИЗМА

Труд как главный вид специфически человеческой деятельности, согласно учению классиков марксизма-ленинизма, представляет собой «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»¹.

Раскрывая это положение, Ф. Энгельс указывает, что в процессе труда развивалась рука человека и организм в целом, что начавшееся вместе с тем господство человека над природой с каждым новым шагом вперед расширяло его кругозор. «С другой стороны,— говорит Ф. Энгельс,— развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена»².

Это объективное обстоятельство исторически определило коллективизм всей жизни и деятельности людей и вызвало у них чувство коллективизма. Именно поэтому каждый человек, будучи в силу различных обстоятельств, частично или полностью изолированным от других людей, остро испытывает нужду в обществе, в общении с себе подобными.

Совместная жизнь и деятельность в коллективе, объединенном общими целями, довольно рано порождает у каждого человека потребность учитывать свои действия и их результаты, быть логичным и последовательным в своих действиях. Без такого учета, без планирования человек не смог бы действовать вместе с другими людьми.

На основе совместных действий в коллективе у людей создается также потребность в совместных, общих для многих людей знаниях и вместе с тем потребность в общении, которое осуществляется посредством языка.

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1948, стр. 134.

² Там же, стр. 136.

Совместная жизнь и деятельность являются основой совместных переживаний людей. Без таких переживаний люди не могли бы радоваться успехам друг друга, огорчаться неудачами, они не смогли бы сочувствовать один другому.

Все это способствует развитию и укреплению у каждого человека чувства коллективизма, которое оказывает прямое влияние на складывающиеся отношения между людьми и на их поведение. Основные жизненные отношения между людьми, определяющие сущность конкретных коллективов, т. е. производственные отношения, могут быть различными. Одни отношения складывались в эпоху рабовладельческого общества между рабами и их хозяевами, другие создавались при феодализме, иные отношения сложились при капитализме и в последней его стадии развития — империализме. Принципиально новые отношения складываются в эпоху социализма. Конкретные коллективы, коллективизм деятельности людей социалистических стран и их чувства коллективизма отличаются от этих понятий в капиталистическом обществе. Это определяется тем, что целью социалистического производства является в конце концов не прибыль, а человек с его потребностями, т. е. все более полное удовлетворение его растущих материальных и духовных потребностей. В зависимости от сущности этих основных отношений деятельность советских людей в любой области общественной и частной жизни в принципе характеризуется подлинно товарищескими началами, взаимопомощью и уважением друг к другу, подлинным коллективизмом. Чувство же коллективизма у них является высокоидейным и действенным.

В капиталистическом обществе, где целью производства является обеспечение максимальной капиталистической прибыли, где основная масса народа угнетается, где «человек человеку — волк», нет и не может быть такого коллективизма в деятельности людей, нет и не может быть подлинного чувства коллективизма. Коллективизм и чувства, связанные с ним, выступают там постольку, поскольку требуют того процессы производства и интересы классовой борьбы.

Таким образом, объективный характер коллективизма деятельности людей в целом определяется общественным строем. Но каждый общественный строй имеет свою идеологию, в которой определенное место занимают идеи, характеризующие отношения людей между собой, их мораль, этику, нравы и обычаи. В соответствии с интересами господствующего класса эти идеи поощряются и внедряются в сознание каждого человека и так или иначе влияют на формирование у него чувства коллективизма.

Выступая на собрании партийного актива г. Москвы с докладом «О коммунистическом воспитании», М. И. Калинин наряду с другими вопросами особо выделил вопрос о коллективности.

«Считаю необходимым, — сказал он, — остановиться еще на вопросе о коллективности. Не требуется особо доказывать, что внедрение коллективности должно занимать видное место в коммунистическом воспитании. Я имею в виду здесь не теоретические

основы коллективизма, а внедрение в производство, в быт, в жизнь общественных навыков, создание таких условий, при которых коллективность составляла бы неотъемлемую часть наших привычек, норм поведения, чтобы действия эти совершались не только обдуманно, сознательно, а вытекали инстинктивно, органически»¹. М. И. Калинин говорил о внедрении коллективизма в деятельность и сознание советских людей, о высокоидейном, подлинном коллективизме равноправных строителей коммунистического общества. Об этом, конечно, не может идти речь в капиталистическом обществе.

В свете высказанных положений следует рассмотреть коллективизм воинской деятельности и чувство коллективизма советских воинов.

Единство общих жизненных интересов и национальных традиций народов СССР, выражающиеся в морально-политическом единстве советского общества, в нерушимой дружбе братских республик и животворном советском патриотизме, является прочной идейной основой коллективизма деятельности советских воинов и их чувства коллективизма, чувства локтя. На этой основе перед всем личным составом Вооруженных Сил Союза ССР поставлены единые цели и задачи, определяющие характер практической деятельности каждого советского воина и направляющие всю воинскую деятельность по одному руслу. В силу идейного единства всех советских воинов независимо от их воинских званий и занимаемых должностей, в силу чувства коллективизма они как один готовы выступить на защиту Родины и защищать ее мужественно, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

В силу своей высокой идейности и чувства коллективизма советские воины независимо от того, к какому роду войск они принадлежат, стремятся к тому, чтобы оказывать помощь друг другу и совместно решать боевые задачи. Также обстоит дело и во взаимодействии различных служб в одном и том же роде войск.

Особенно ясно выступает коллективизм и чувство коллективизма во взаимодействии солдат и командиров таких первичных звеньев подразделения, как отделение, расчет, экипаж, где люди вступают в совершенно определенное и конкретно складывающееся взаимодействие друг с другом. Здесь со всей очевидностью выступает значение спайки коллектива, роль взаимопомощи и взаимозаменяемости.

Таким образом, объективно выступающий высокоидейный коллективизм и порождаемое им чувство коллективизма являются неотъемлемым качеством деятельности советских воинов.

Для правильной организации коллективной деятельности воинов и для успешного формирования необходимого им чувства коллективизма командиры и политработники должны учитывать спе-

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воениздат, 1958, стр. 357.

цифические особенности как коллективизма воинской деятельности, так и чувства, вызываемого им.

Личный состав Вооруженных Сил Союза ССР представляет собой огромный коллектив, вдохновленный великими идеями построения коммунизма и сплоченный общей задачей обеспечения государственных интересов советского народа.

В связи с особенностями деятельности, для осуществления которой создана армия, она имеет и особую организационную структуру. В этом отношении военная организация отличается от всех других общественных организаций.

Главная особенность всего войскового коллектива и каждого соединения в отдельности заключается в специфике норм и правил, вытекающих из требований, предъявляемых человеку в бою и в процессе боевой и политической подготовки, определяющих характер деятельности каждого воина. Они вместе с тем являются одним из важных условий формирования морально-боевых качеств каждого воина.

На это указывал М. В. Фрунзе в 1925 г., когда говорил: «Военная организация, это — специфическая организация, требующая от своих членов особой четкости, точности, исполнительности, выдержки, быстроты исполнения всех распоряжений и т. д. ...»¹.

Чем же характеризуются нормы и правила поведения в коллективе советских воинов?

Главным образом тем, что они точно и строго определяют обязанности всех военнослужащих и их взаимоотношения.

Только в системе Вооруженных Сил действуют так тщательно и всесторонне разработанные уставы, которые являются незыблемым законом жизни и быта военнослужащих и определяют особенности коллективизма их деятельности. Так, командир взвода согласно 137-й статье Устава внутренней службы Вооруженных Сил СССР обязан:

- непосредственно проводить боевую и политическую подготовку личного состава взвода и следить за правильным обучением солдат командирами отделений;

- знать личный состав взвода: имя, фамилию и год рождения каждого, личные качества, род занятий до военной службы, семейное положение, успехи и недостатки каждого в боевой и политической подготовке;

- заботиться о быте своих подчиненных и вникать в их нужды... и т. д.

Также четко определяются и взаимоотношения между всеми военнослужащими. Нигде, ни в какой другой системе подготовки кадров нет такой строгой, определяемой уставами субординации, как в армии: например, командир взвода знает, что он подчинен командиру роты, что командир роты является не только прямым,

¹ М. Ф. Фрунзе. Избранные произведения, Воениздат, 1950, стр. 447.

но и непосредственным его начальником. Кроме того, в армии существует еще субординация по линии младших и старших воинских званий.

Все это накладывает отпечаток ясности и определенности на коллективизм воинской деятельности.

Анализ требований уставов Вооруженных Сил Союза ССР показывает, что основной принцип коллективизма воинской деятельности заключается в полном и безоговорочном подчинении интересов личности интересам коллектива. Причем такое подчинение не противоречит принципу единоначалия. Это объясняется тем, что абсолютно все военнослужащие должны выполнять требования уставов, а уставы составляются так, чтобы в мирное и военное время обеспечить постоянную и полную боеспособность и боевую готовность войск, обеспечивающих государственные интересы СССР. Таким образом, как солдат, так и офицер подчиняются требованиям уставов, беспрекословно их выполняют. Так, например, командир роты является единоначальником для своих подчиненных не потому, что он сам хочет быть им, а потому, что так требует устав и он должен подчиняться и выполнять эти требования. В противном случае командир теряет внутреннюю связь со своими подчиненными и по существу дела противостоит коллективу. Это положение хорошо иллюстрирует Михаил Алексеев в произведении «Солдаты», где воспроизводится разговор двух встретившихся офицеров, из которых один — Марченко — является бывшим командиром разведроты, отстраненным от командования ротой, а другой — Забаров — ставший ее командиром. В ответ на слова Забарова о том, что он рад встрече со своим бывшим командиром, Марченко говорит: «Не приговаривайся, Забаров! — голос Марченко стал резок. — Знаю я вас. (Имеется в виду личный состав роты. — Г. Л.). Не любите вы меня. Забыли все. А ведь гордились, черт бы вас побрал, когда имя вашего командира гремело на всю армию!.. А кто отстоял Аксайский плацдарм? Кто воспитал вас — тебя, Шахаева, Акима, Ванина, Пинчука?.. Кто больше всех ходил в опасные операции, кто первый в Сталинграде захватил немецкого генерала? Разве не Марченко? Кого обнимал командующий армией там, у сталинградского поселка Елхи? Разве не лейтенанта Марченко? Так почему же вы все забыли об этом?..

— Мы уже слышали это от тебя, — глухо проговорил Федор. (Забаров. — Г. Л.) — Разве только ты один воспитывал разведчиков?.. Все помаленьку воспитывали друг друга. А Шахаев? (парторг роты. — Г. Л.). Он, пожалуй, побольше сделал нас с тобой. Он верит в коллектив, в силу войскового товарищества. А ты не веришь. Оторвался от солдат, от коллектива... Вот отсюда и все твои беды!...¹

Советские воины хорошо понимают и правильно оценивают, что командир обладает определенными правами и полномочиями, пре-

¹ Михаил Алексеев. Солдаты, Воениздат, 1951, стр. 321—322.

доставленными ему государством, и чем полнее он их использует, чем лучше и инициативнее выполняет требования уставов, тем больше они его уважают, любят и верят ему, тем больше у них стремления повиноваться ему.

При таком условии единоначальник как личность может иметь не только юридически определяемую, но и моральную неограниченную власть над личным составом подразделения. При таком условии подчиненные как один пойдут за своим командиром на преодоление в бою самых сложных и опасных препятствий, пойдут на совершение героических подвигов.

При этом следует отметить, что в системе Вооруженных Сил благодаря четко установленной войсковой организации наиболее полно осуществляется принцип советской педагогики, который правильно сформулировал А. С. Макаренко. «...Как можно больше требования к человеку,— говорил он,— но вместе с тем и как можно больше уважения к нему»¹. И это понятно, ибо Родина, вверяя свою судьбу воинам, требует от них не щадить своих сил и даже самой жизни в борьбе с ее врагом и вместе с тем высоко ценит и в веках славит воинские подвиги своих доблестных сынов и дочерей.

Четкость в организации, устойчивость форм войскового коллектива, высокая политическая сознательность и постоянная требовательность, предъявляемая к каждому воину, а также полное к нему уважение обеспечивает успех формирования у советских воинов чувства коллективизма. Это чувство проявляется в том, что каждый воин любит свое подразделение, часть и соединение, стремится к тому, чтобы своими делами возвеличить их славу, подчинить личные интересы интересам коллектива, сознательно выполняет требования уставов, приказы и распоряжения командиров и начальников.

Но для того чтобы обладать высокоразвитым чувством войскового коллективизма, каждый воин должен пройти школу военного обучения и воинского воспитания.

Важнейшим принципом формирования чувства коллективизма советских воинов является обучение их совместным действиям в отделеении, расчете, экипаже и в других войсковых коллективах. Но формирование чувства коллективизма заключается не в самих по себе внешне выступающих совместных действиях воинов, а в потребности к совместной жизни и в совместных действиях. Главное — это привычка жить и действовать по единому плану в соответствии с общими целями. Такая потребность может быть создана главным образом на основе реально осуществляющихся коллективных действий. Поэтому в процессе боевой и политической подготовки воинов, опираясь на их идейно-политическую сознательность, необходимо стремиться к тому, чтобы они чаще действовали совместно, чтобы эти действия, кроме специальных целей обучения, преследовали такую воспитательную цель, как формирование потребностей

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 229.

у каждого воина к взаимодействию с товарищами, к совместным действиям с другими членами войскового коллектива.

Эти цели могут быть осуществлены в определенных условиях и различными путями. Одним из таких непосредственно и объективно выступающих условий является строгий войсковой порядок, в соответствии с которым каждому воину с первого же дня военной службы необходимо по единому образцу строить свою деятельность и быть в целом. Используя это благоприятное условие в целях воспитания у воинов чувства коллективизма, опытные командиры, начиная с подъема и кончая отбоем, приучают их к дружным и совместным действиям по общей команде в соответствии с поставленными перед подразделением и частью задачами. Большое значение в этом отношении имеет строевая подготовка, элементы которой выступают в движении строем к месту занятия, на стрельбище, в столовую, в клуб, на различные работы.

То, что воины совершают утренний подъем, занимаются физической зарядкой, туалетом, принимают пищу и т. д. по команде в одно и то же обязательное для всех время, выполняя при этом единые для всех требования, свидетельствует о том, что уставной порядок приучает их к совместным действиям и тем способствует формированию у них чувства коллективизма.

Если же какой-либо воин недооценивает воспитательной роли совместных действий и не понимает значения чувства коллективизма, если на этой основе будет иметь место тенденция к тому, чтобы неточно придерживаться уставного порядка и как-то уклоняться от совместных с товарищами действий, то у него, естественно, будет затяжной процесс формирования потребности к взаимодействию и чувства коллективизма. Во избежание осложнения в формировании у воинов такого важного качества, как чувство коллективизма, им с самого начала военной службы необходимо подробно и всесторонне разъяснить особенности войскового коллектива и роль коллективизма в учебе и в бою, помогать в осознании своей собственной роли в решении задач, стоящих перед подразделением, отделением, расчетом или экипажем. При этом необходимо умело использовать многочисленные факты и примеры периода Великой Отечественной войны, показывающие, что сплоченность, войсковое товарищество и коллективизм подразделений, стремление каждого воина действовать вместе с товарищами по оружию обеспечивали высокий моральный дух воинов и приносили победу. В разъяснительной работе необходимо также использовать факты, показывающие положительную роль коллективизма деятельности воинов в решении задач боевой и политической подготовки.

Разъяснительная работа — не единственный путь формирования у воинов потребности в коллективной деятельности и чувства коллективизма. Важную роль играет здесь практика.

«До сих пор,— говорил А. С. Макаренко,— многими делаются только такие выводы, что с учеником нужно говорить о коллективе, воспитывать его в смысле политических представлений и идей. Но они будут правильно усвоены только тогда, когда и на практике вы

будете следовать этим идеям и принципам. А для того чтобы наше политическое воспитание и на практике немедленно претворялось в жизнь наших учеников и учителей, нельзя обойтись без коллектива»¹.

Эти идеи по существу своему имеют прямое отношение к решению вопросов боевой и политической подготовки войск. Поэтому всем командирам и политработникам, призванным обучать и воспитывать воинов, следует стремиться к тому, чтобы выполнению служебных обязанностей личным составом подразделения придать общий смысл и коллективный характер.

Подчеркивая воспитательную роль совместных действий, А. С. Макаренко говорил, что «даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, связываются не просто дружбой, а связываются общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива»². Согласно этому положению каждый воин обязательно должен быть фактически и морально включен в систему общих, совместных действий, которые выполняются всем подразделением или какой-либо его частью. Например, несение службы суточного наряда должно быть организовано так, чтобы за поддержание чистоты и порядка в помещении чувствовали ответственность не только те, кто назначен в наряд, а все подразделение, весь коллектив.

Так же обстоит дело и с несением караульной службы. Входя в состав караула и выполняя обязанности часового, разводящего и т. д., каждый воин в силу объективно выступающих совместных действий, естественно, ощущает необходимость взаимодействия с товарищами. Стоя, например, на посту и охраняя ответственный объект, солдат все время чувствует связь со своими товарищами, которые находятся на других постах и в караульном помещении. Он знает, что о нем думает и заботится начальник караула, разводящий, что на помощь ему всегда готовы прийти товарищи бодрствующей смены. Он имеет непосредственную связь с товарищами через систему установленной сигнализации. Такие совместные действия заставляют каждого воина думать не только о своих задачах, но и о задачах всего подразделения, приучают воинов к взаимодействию и на этой основе формируют у них стремление к коллективным, согласованным действиям, т. е. формируют чувство коллективизма, чувство локтя.

Осмотр оружия, строевые смотры, отработка различных действий в составе отделения, расчета, экипажа и многое другое, что входит в служебные обязанности каждого воина, должны быть подчинены целям специальной подготовки воинов и формированию у них морально-боевых качеств, в том числе и чувства коллективизма, без которого не может быть организовано взаимодействие в бою и осуществлен героический подвиг.

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 231.

² Там же, стр. 210.

Формирование чувства коллективизма воинов должно конкретно осуществляться во всех разделах военного обучения и воинского воспитания. Например, в процессе политической подготовки должны использоваться возможности для того, чтобы знания каждого воина о роли коллективизма воинской деятельности превратились в его глубокое и действенное убеждение, чтобы он в соответствии с требованиями уставов стремился к совместному решению задач, поставленных командованием перед подразделением, на основе дружбы и взаимопомощи.

В процессе овладения боевой техникой и оружием следует организовать совместные действия, показать их необходимость в условиях боя, необходимость взаимодействия и взаимозаменяемости.

В процессе строевой и физической подготовки у воинов также формируется чувство общности и согласованности действий, чувство коллективизма.

Особенно ярко выступает момент формирования потребности в совместных действиях и, значит, чувство коллективизма в процессе тактической подготовки, когда каждый воин, решая поставленную перед ним лично задачу, осознает свое место и роль в решении задачи подразделения. Участие каждого воина в совместных действиях влечет за собой общую заинтересованность в успехах всего подразделения. Факты показывают, что в хорошо сплоченном подразделении, где у каждого воина достаточно высоко развито чувство коллективизма, наблюдается образцовый порядок и организованность, отсутствуют случаи нарушения дисциплины и всякого рода чрезвычайные происшествия.

Для того чтобы каждый воин, входящий в состав того или иного подразделения, успешно привыкал к совместным действиям со своими товарищами, ему следует наглядно показать, на что способно дружное и сплоченное подразделение в бою, как стойко оно в обороне и стремительно в наступлении. Вместе с тем необходимо на общем фоне боевых возможностей подразделения показать воину и его собственные возможности при условии хорошо организованного взаимодействия с товарищами.

Такой показ способствует формированию у воина чувства уверенности в могуществе и силе своего подразделения, а также в своей силе и силе своих товарищей. Это также вызывает у воина чувство личной ответственности за общее дело, за успех подразделения, в которое вложен и его труд.

На этой основе у каждого воина формируется потребность во взаимодействии с товарищами. Поскольку же эта потребность не односторонняя, не индивидуалистичная, а общественная, испытываемая всеми воинами, входящими в состав подразделения, постольку она влечет за собой чувство коллективизма.

Для правильного и всестороннего формирования у воинов чувства коллективизма необходимо учитывать и то, что особенности войскового коллектива и коллективизма воинской деятельности накладывают отпечаток на личные отношения воинов. Каждый воин относится ко всем другим воинам подразделения, как к товарищам

по общему делу, по оружию, вместе с которыми он живет, действует, решает ответственные учебные и боевые задачи. Чувство товарищества сплачивает войсковой коллектив, обостряет чувство коллективизма каждого воина, делает его силой, способной побудить воинов на самоотверженные поступки. Еще больше усиливается чувство коллективизма и возрастает его роль, когда между воинами существует искренняя дружба и товарищество.

Товарищеские отношения между воинами должны быть подчинены интересам дела, интересам всего подразделения. При настоящих, деловых, высокоидейных и принципиальных товарищеских и дружеских отношениях командир-единоначальник всегда сможет опереться на актив своего подразделения, который осудит нерадивого воина и поможет неуспевающему. Критика и самокритика в таких подразделениях имеет большое воспитательное значение.

Характер товарищества и дружбы воинов прямо влияет на коллективизм их деятельности, от которой в условиях мирного времени во многом зависит успех боевой и политической подготовки, а в условиях боя — боеспособность подразделения.

В период Великой Отечественной войны, указывая на многонациональность Советского государства и дружбу народов СССР, М. И. Калинин говорил о том, что «эта дружба закалилась в тяжелых военных испытаниях». Конкретизируя вопрос о дружбе народов, М. И. Калинин подчеркивал, что дружба между людьми «особенно ощущается на фронте, где человек непрерывно подвергается опасности и где поэтому доверие к локтевому товарищу должно быть полным. Фронт,— по образному выражению М. И. Калинина,— является оселком, на котором, в числе многих других чувств человека, испытываются также верность и дружба... Наша армия — это братская семья, где помощь товарищу обязательна...

В момент боевого затишья,— говорил М. И. Калинин,— дружба скрашивает фронтовую жизнь»¹.

В настоящем, хорошо сплоченном войсковом коллективе чрезвычайно велика воспитательная роль товарищеского воздействия, ибо образцовое поведение товарища, его героические действия в бою служат каждому воину примером. Наличие таких примеров вызывает подражание, которое может быть как ненамеренным, неосознаваемым, так и намеренным, сознательно осуществляемым.

В воспитательной работе необходимо добиваться того, чтобы подражание хорошим примерам было сознательным, чтобы все положительное преодолеvalo тенденции к неосознаваемому подражанию некоторыми воинами фактам отрицательного характера.

Товарищеское воздействие в войсковом коллективе может быть осуществлено также посредством совместного обсуждения, например, на собрании успехов и недостатков всего подразделения или отдельных воинов. Такого рода воздействие имеет место и в задушевной, искренней товарищеской беседе с глазу на глаз.

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге, Воениздат, 1958, стр. 588.

Большое положительное влияние на воинов, на привитие им чувства коллективизма оказывают и такие формы воспитательной работы, как встречи новичков со старослужащими воинами, солдатская художественная самодеятельность, оказание взаимопомощи, взаимозаменяемость в отделении, расчете, экипаже, а также различные формы индивидуальной помощи и т. д.

В формировании у воинов чувства коллективизма огромную роль играют армейские партийные и комсомольские организации. Коммунисты и комсомольцы оказывают большое организующее и личное воздействие на всех беспартийных воинов. Они личным примером увлекают их на образцовое выполнение воинского долга. Командиры и политработники в своей работе опираются на партийные и комсомольские организации, используют силу партийного и комсомольского коллективов на формирование у воинов чувства коллективизма, дружбы и войскового товарищества. Через коллектив формируется личность воина.

В этом отношении командиры и политработники добиваются того, чтобы каждый воин осознал смысл деятельности членов данного войскового коллектива, а также своей собственной деятельности, свою роль и место в коллективе, свои личные качества и возможности. Командир добивается вместе с тем формирования у каждого воина правильного внутреннего отношения к товарищам по оружию, к себе как к воину, как к члену боевого коллектива.

Чем выше уровень сознательности у воинов в определенном подразделении, части, тем выше организованность и дисциплина в данном подразделении, части. Из этого следует, что высокие требования должны предъявляться как коллективу в целом, так и каждому его члену. «Не может быть, конечно, ни создан коллектив,— говорил А. С. Макаренко,— ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определенного, без поправок и без смягчения»¹.

Требования, которые предъявляются войсковым коллективам самых различных масштабов, каждому советскому воину, определяются присягой, воинскими уставами и приказами командиров и начальников. Выполняя эти требования, учитывая особенности, командир, опираясь на партийные и комсомольские организации, обеспечивает формирование чувства коллективизма и личности воина в целом.

Товарищ Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», сравнивая мораль двух миров, говорил:

«Дух индивидуализма, личной корысти, жажда наживы, вражда и конкуренция — такова суть морали буржуазного общества. Эксплуатация человека человеком, на которой построено буржуазное общество, представляет самое грубое попрание нравст-

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 149.

венности. Недаром мораль эксплуататорских классов характеризуется жестокой формулой: «Человек человеку волк». Социализм утверждает иную мораль — сотрудничества и коллективизма, дружбы и взаимопомощи. Здесь на первое место выдвигается забота об общем благе народа, о всестороннем развитии человеческой личности в условиях коллектива, где человек человеку не враг, а друг и брат»¹.

Как бы ни были специфичны требования, предъявляемые советскому воину, каковы бы ни были особенности войскового коллектива и коллективизма воинской деятельности, они не могут свидетельствовать об их коренном отличии от требований, предъявляемых каждому советскому человеку, от особенностей производственных коллективов советских людей и от коллективизма их деятельности.

Советский воин — это гражданин СССР, занимающийся воинской деятельностью, кровно связанный со своим народом и с оружием в руках обеспечивающий его интересы. Он, отслужив свой срок, возвращается к прежней деятельности — к учебе или труду.

В морально-политическом единстве Коммунистической партии, Советского правительства, Советских Вооруженных Сил и всего советского народа — великая непреодолимая сила социалистического общества. Об этом единстве свидетельствует то, что многие воины принимают непосредственное участие в управлении страной, что они активно участвуют в партийной и комсомольской жизни страны, что между советскими воинами и трудящимися организуются различного рода шефские и другие связи и т. д. Все это свидетельствует о том, что своеобразие войскового коллектива, коллективизма воинской деятельности, чувства дружбы и товарищества советских воинов определяется особенностями и специфической целью и задач, стоящих перед Вооруженными Силами и решаемых воинами.

Итак, процесс боевой и политической подготовки Советской Армии и Флота подчинен целям передачи воинам специальных знаний, выработки навыков, привычек, умений и формированию у них соответствующих морально-боевых качеств.

Советский воин — высоко идейный и сознательный воин. Он обладает сильным и устойчивым чувством коллективизма, дружбы и войскового товарищества. Советский воин в интересах общества, своего подразделения и части способен отказаться от личных интересов. Главное для него правило — верное и добросовестное служение своей Родине, своему народу. Только такой воин способен совершить самоотверженный поступок, способен на героический подвиг.

¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известно, что как бы ни была велика роль чувства коллективизма в воинской деятельности, характеристика этого чувства не может охватить личности воина в целом. Поэтому в заключении мы поставим некоторые важнейшие вопросы, связанные с психологической характеристикой формирования личности советского воина.

В результате обучения и воспитания у воинов развивается политическая сознательность, умственная деятельность, чувства, мотивы поведения и умение управлять своим поведением. Названные качества развиваются не порознь, не в изоляции друг от друга, а в неразрывном единстве, во взаимодействии. Это значит, что в процессе воинской деятельности осуществляется процесс формирования личности воина в целом. В дополнение к ранее рассмотренным вопросам необходимо хотя бы кратко сказать о таких устойчивых свойствах личности, как темперамент, характер, способности и мировоззрение.

Темперамент и характер представляют собой чрезвычайно сложные и важные психологические свойства, характеризующие воина как личность. Эти свойства в определенной степени содержат в себе все ранее рассмотренные качества и дают о личности более широкое и всестороннее представление, чем, например, анализ умственной деятельности или волевых процессов, или процессов переживаний. Поэтому темперамент и характер, так же как и способности и мировоззрение, удобнее рассмотреть не в связи с отдельными особенностями боевой деятельности или видами боевой и политической подготовки, а самостоятельно, в заключительной части данной работы. Это объясняется главным образом тем, что как темперамент, так и неразрывно связанный с ним характер вместе со способностями и мировоззрением формируются в процессе всей деятельности человека.

Темперамент — это относительно устойчивое, типичное для индивидуума качество, дающее целостную характеристику всех психических процессов и поведения в целом со стороны их динамичности (т. е. силы и скорости).

Ярче всего темперамент проявляется в чувствах человека и в его действиях. По этим проявлениям легче всего можно судить о темпераменте.

С древних времен различают четыре основных темперамента: сангвинический, флегматический, холерический и меланхолический.

Согласно современным научным данным, каждый из названных темпераментов характеризуется особенностями, которые определяются свойствами высшей нервной деятельности. Исследования И. П. Павлова показали, что особенности темперамента зависят от силы возбуждения и торможения, уравновешенности этих процессов и их подвижности, т. е. от сменяемости возбуждения торможением и наоборот.

В зависимости от характера сочетания названных свойств нервной деятельности И. П. Павлов определил основные типы нервной системы, которые соответствуют четырем темпераментам. Согласно этой классификации выделяются следующие типы нервной системы:

1. **Живой тип.** Сильный, уравновешенный и подвижный. Соответствует сангвиническому темпераменту. Нервная система этого типа может выдержать воздействие раздражителей большой силы, она характеризуется сильным процессом возбуждения и сильным тормозным процессом, их уравновешенностью, легкостью и быстротой смены, т. е. их подвижностью. Указанные свойства влияют на чувства сангвиника: они легко возникают, быстро протекают, не отличаются большой глубиной. Такое соотношение нервных процессов обеспечивает быстроту и живость основных психических процессов, практических движений и действий сангвиника.

2. **Спокойный, медлительный тип.** Сильный, уравновешенный и малоподвижный. Соответствует флегматическому темпераменту. Характеризуется сильным процессом возбуждения и торможения, но смена их происходит с известным трудом, медленно. Эти свойства нервной системы лежат в основе медлительности возникновения и протекания чувств, осуществления всех психических процессов, практических движений и действий.

3. **Возбудимый, безудержный тип.** Сильный, неуравновешенный. Соответствует холерическому темпераменту. Нервная система этого типа характеризуется большой силой обоих нервных процессов, однако процесс возбуждения преобладает над относительно более слабым процессом торможения. У холерика быстро возникают и протекают сильные чувства. Движения и действия в его поведении характеризуются явно выраженной порывистостью и резкостью.

4. **Слабый тип.** Со слабым процессом возбуждения и торможения. Соответствует меланхолическому темпераменту. Этот тип отличается от трех вышеописанных тем, что в случае воздействия сильных или необычных раздражителей нервная система дает неправильную реакцию, не способствующую наиболее благоприятному уравновешению организма и среды. В силу этого об-

стоятельства меланхолик склонен к сильным, довольно устойчивым переживаниям, возникающим и протекающим не так бурно, как, например, у холерика. Движения и действия меланхолика характеризуются замедленностью, вялостью.

Однако из этой характеристики нельзя сделать вывод, что слабость нервной системы во всех случаях следует расценивать как неприспособленность к жизни. Если бы слабый тип не обеспечивал нужного взаимодействия организма и среды, то он бы постепенно отмирал, не выдержав борьбы за существование. Однако этого не случилось. Об этом свидетельствует хотя бы то, что, по данным исследований И. П. Павлова и его сотрудников, слабый тип во всех его вариациях и живой — сангвинический встречаются чаще других¹.

Что же касается сложности выработки условных рефлексов, то она в отдельных случаях, видимо, может объясняться тем, что слабый тип способен улавливать такие побочные в экспериментальной обстановке раздражители, которые становятся дополнительными сигналами, влияющими на реакцию, вызываемую сигналами, идущими от экспериментатора. Ведь в лаборатории экспериментатор стремится к точному учету характера, силы и последовательности воздействия раздражителей, стремится к вычленению реакций и их количественному анализу. В естественных же условиях таких «математически рассчитанных» воздействий нет, и сам факт, что слабый тип в лаборатории улавливает то, что не влияет на другие типы, свидетельствует о тонкости ориентировки слабого типа. Это, конечно, не значит, что слабый тип — это лучший в жизненном отношении тип. Тонкость ориентировки имеет и свои отрицательные стороны, которые так настойчиво и ярко подчеркивал И. П. Павлов. Дело в том, что воздействие раздражителей не обычных, раздражителей большой силы, так же как и резкая перемена внешних условий жизни, ставит слабый тип в весьма затруднительное положение и может довести до нарушения жизненных функций, и в этом заключается слабость рассматриваемого типа нервной системы.

Заметим, что чистые темпераменты и чистые типы нервной системы почти не встречаются. Например, у холерика могут проявляться черты сангвинического и даже меланхолического темперамента, у меланхолика — черты флегматического и даже сангвинического темперамента и т. д. Это, однако, не значит, что все черты всех темпераментов всегда смешиваются. У определенного человека черты того или иного темперамента могут преобладать. Поэтому темперамент всегда носит индивидуальный характер, придает своеобразие человеку, отличающее его от других людей.

Темпераменты под влиянием внешнего мира и характера деятельности человека видоизменяются. И. П. Павлов специально подчеркивал, что вместе с устойчивостью признаков, характери-

¹ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, АН СССР, 1951, стр. 292.

зующих типов нервной системы, нервная система обладает величайшей пластичностью.

Пластичность нервной системы человека в отличие от нервной системы животных определяется воздействием раздражителей не только внешней и внутренней среды организма, вызывающих деятельность первой корковой сигнальной системы. Главное, что определяет пластичность высшей нервной деятельности человека — это возникновение и развитие у него второй сигнальной системы, которая дает возможность осуществления абстрактных процессов мышления, преднамеренной памяти, внутреннего отношения и т. д.

Темперамент человека нельзя рассматривать только с биологической или физиологической стороны. Решающим в оценке темперамента является то, как человек живет и действует, а это определяется тем, каков его жизненный путь. Это значит, что самих по себе темпераментов нет ни плохих, ни хороших. Но если у воинов высоко развита вторая сигнальная система, раз их идеи, взгляды и убеждения соответствуют интересам народа, государства, то в каждом темпераменте могут быть свои преимущества, а значит, и недостатки.

Практика обучения и воспитания показывает, что, например, солдат с холерическим темпераментом быстрее, чем флегматик или меланхолик, усваивает новые для него знания и вырабатывает навыки и умения в новой для него области деятельности. Но зато, например, флегматик может оказаться в сложной и тяжелой обстановке более рассудительным и выносливым, чем холерик, сангвиник и меланхолик. И сангвинику легко дается учение. В сравнении с холериком он не так вспыльчив и несдержан, но зато может случиться так, что холерик проявит большую энергичность и напористость, чем сангвиник или флегматик.

Все это говорит о том, что решающим в деятельности воина является не сам по себе темперамент. Известно, что у А. В. Суворова и М. И. Кутузова были совершенно различные темпераменты: у первого — холерический, у второго — флегматический, однако как тот, так и другой были выдающимися полководцами.

Этот пример и многие факты, встречающиеся в практике обучения и воспитания воинов, говорят о том, что при решении задач боевой и политической подготовки нельзя переоценивать роль темперамента. Но это вовсе не значит, что темперамент можно игнорировать, не считаться с его влиянием на деятельность человека. Практика показывает, что если обучение и воспитание воинов осуществляются без учета их темперамента, это усложняет деятельность каждого воина и, следовательно, овладение боевым мастерством.

Для того чтобы влиять на темперамент, его необходимо учитывать, а учет темперамента — это начало осуществления индивидуального подхода к тому, кого обучают и воспитывают. Для иллюстрации этого положения можно указать на то, что обучающий и воспитывающий, исходя из особенностей каждого темперамента, должен иметь в виду, что, например, воину-новичку с сангвиниче-

ским темпераментом значительно легче, чем меланхолику или флегматику, войти в новые для него условия воинской деятельности и овладевать боевым мастерством; флегматику легче, чем сангвинику и тем более холерику, проявить выдержку и упорство в новой для него воинской деятельности. Совершенно ясно, например, что особенно остро нуждаются в помощи в первоначальный период своей воинской деятельности те воины, которые обладают меланхолическим и холерическим темпераментом: первый потому, что слабый, а второй — безудержный. Темперамент, как уже отмечалось, не существует сам по себе. Темперамент подчинен характеру человека и во многом зависит от него.

Характер — это совокупность стержневых психологических свойств человека, накладывающих отпечаток на всю его деятельность и выражающихся в его отношении к людям, окружающему миру, к самому себе и трудовой деятельности.

На основе знания характера человека можно с большей или меньшей точностью определить, а также предвидеть его поведение в различных условиях.

Само собой разумеется, что без соответствующих знаний, навыков, привычек и умений, без опыта в целом у человека не может быть внутреннего отношения к чему бы то ни было и тем более воздействия этого отношения на его поведение. В этом заключается единство опыта и характера, единство, свидетельствующее о том, что характер человека возникает и формируется в процессе его деятельности, что характер вместе с тем оказывает влияние на деятельность, порождающую характер.

Характеры людей могут быть самыми различными и оцениваться с положительной и отрицательной сторон. Но для того чтобы правильно оценить чей-либо характер, необходимо учитывать его устойчивые качества, а не отдельные ситуативные, случайные проявления. Например, пассивность человека может быть не от того, что у него такой характер, а от недавнего чрезмерного напряжения, сильная раздражительность — от переутомления или после болезни, отвлекаемость (рассеянность) — от внутренней сосредоточенности и т. д.

Судить о характере можно по его чертам. Таких черт очень много, поэтому их группируют по определенным признакам. Можно выделить следующие группы черт характера;

а) черты, представляющие собой психический склад личности, черты цельности (принципиальность, мужество, идейность, коственность и т. д.);

б) черты, в которых выражается внутреннее отношение человека к другим людям, черты общения (общительность, замкнутость, откровенность, доброта, чуткость, вежливость, честность, чувство товарищества и т. д.);

в) черты, в которых выражено внутреннее отношение человека к самому себе (самокритичность, обидчивость, скромность, чувство собственного достоинства, самолюбие и т. д.);

г) черты, в которых выражается внутреннее отношение человека к своей трудовой деятельности (трудолюбие, добросовестность, старательность и т. д.).

Таковы основные группы черт характера, рассматриваемые как выражение внутреннего отношения человека. Но черты характера могут группироваться и по другим признакам. Например, если для человека является типичным в деятельности проявлять рассудительность, находчивость, глубокомыслие, дальновидность, расчетливость и т. д., то это значит, что его характер обладает интеллектуальными чертами. В соответствии же с чувствами человека, которые типичны для него, можно выделить эмоциональные черты характера. К ним относятся, например, горячность, торопливость, глубина переживаний и т. д. Можно выделить еще и такую группу черт характера, как волевые черты. Это — решительность, властность, твердость, самообладание и т. д.

Учет перечисленных черт характера дает возможность не только правильно оценить характер человека, но и повлиять на его отдельные черты с целью укрепления и развития положительных и преодоления отрицательных.

У каждого человека все черты характера находятся в единстве и в целом выражают полноту его характера. Сочетание черт характера является чрезвычайно сложным и настолько своеобразным, что характеры людей не поддаются строгой, логически выдержанной классификации.

Например, если два человека по качествам своего ума могут иметь общие интеллектуальные черты характера, то по другим чертам, волевым, эмоциональным или по чертам общения, они могут значительно отличаться друг от друга. Один из них может быть эгоистом, а другой — любить и уважать близких и родных людей и подчинять свои узко индивидуальные интересы интересам общественным.

Усложняет классификацию характера и то, что у одного и того же человека могут сочетаться самые противоречивые черты характера. Например, есть люди, которые объективно и справедливо осуждают других людей за их плохие поступки и в то же время снисходительно относятся к себе и сами себя оправдывают при совершении аналогичных поступков.

Но может быть и так, что сходные черты характера далеко не одинаково проявляются у различных людей. Например, у некоторых людей ум обнаруживается не сразу, а на определенном этапе их деятельности. В деятельности других людей их умственные качества проявляются внешне подчеркнуто, эффектно. Все это действительно служит препятствием к тому, чтобы точно классифицировать характеры. Это, однако, не значит, что формирование характера каждого человека в процессе его обучения и воспитания осуществляется стихийно. Например, при формировании интеллектуальных черт характера воина особое внимание обращается на развитие сообразительности, сметливости, находчивости, военной хитрости. Это объясняется тем, что воин должен быть готов к тому,

чтобы успешно действовать в сложных боевых условиях и победить врага.

Воину, решающему боевую задачу в сложных и опасных условиях, крайне необходимо иметь такие волевые черты характера, как самообладание и решительность, у него должны быть также высоко развиты нравственные, морально-политические переживания и другие положительные черты характера.

Таким образом, несмотря на разнообразие черт характера человека, можно и нужно ставить вопрос о желаемом формировании характера в целом, о формировании его основных качеств.

При постановке вопроса об оценке характера и об использовании знаний о чертах характера с целью формирования личности воина необходимо обязательно учитывать силу его характера. Если человек знает, как надо поступить в том или ином трудном положении, и считает, что иначе поступить нельзя, и практически так поступает, то характер у него сильный. И, наоборот, если человек поступает вопреки своему убеждению и знанию того, как нужно поступать, то характер у него слабый.

Анализируя у человека знания того, как надо сделать и поступить в тех или иных случаях, и характеризуя соотношение этих знаний с внешними условиями деятельности и внутренними побуждениями того же человека, А. С. Макаренко говорил следующее: «В моей работе воспитания характеров организовать сознание было очень легко. Все же человек понимает, человек сознает, как нужно поступать. Когда же приходится действовать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда поступок совершается по секрету, без свидетелей. Это очень точная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек ведет себя, когда его никто не видит, не слышит и никто не проверяет?»¹ Вот вопрос, разрешение которого требует от воспитателя больших усилий и кропотливой работы.

«Надо,— говорил А. С. Макаренко,— чтобы человек поступил правильно не тогда, когда на него смотрят, его слышат, могут похвалить... Очень трудно поступить правильно тогда, когда никто не видит, никто не слышит, не увидит, не услышит никогда, навечно не узнает, а надо поступить правильно для себя, для правды, для своего долга перед самим собой»².

Все это, безусловно, относится и к воину, ибо ему, может быть, как никому другому, приходится действовать во имя долга перед Родиной в чрезвычайно сложных и опасных условиях боя, иногда без свидетелей. Вот почему воин должен обладать сильным характером.

О человеке с сильным характером можно заранее сказать, как он поведет себя в тех или иных условиях. Ему можно доверить ответственное дело, требующее от него большого напряжения моральных и физических сил.

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 445.

² Там же, стр. 298.

В процессе боевой и политической подготовки необходимо воздействовать на каждого воина, независимо от его звания и занимаемой должности, так, чтобы у него формировался сильный характер. Практика показывает, что положительное влияние на формирование характера воина оказывается в процессе всей боевой и политической подготовки.

Подчеркивая огромное значение силы характера, следует обратить внимание на то, что она сама по себе не даст права судить о человеке в целом, так как сила эта может быть использована для хороших и плохих, для общественно полезных и вредных поступков. Значит, дело не в самой по себе силе характера, а в знаниях, как надо поступать, в идеях, которыми руководствуется человек в своей деятельности, в совокупности всех черт характера.

Сила характера проявляется и в том, насколько человек владеет своим темпераментом. Если холерик не проявляет несдержанности, вспыльчивости и других присущих его темпераменту свойств, то у него сильный характер. Сильным характером обладает также и меланхолик, который не теряет и преодолевает утомляемость в новых и сложных для него условиях, и флегматик, активно действующий во всех условиях, и сангвиник, не теряющий основной цели своей деятельности.

Итак, характер — это единство, а не сумма умственных процессов, чувств, воли, навыков, привычек, умений и других индивидуальных свойств человека. Развитие всех компонентов характера, в том числе и темперамента, — это развитие характера в целом.

Физиологической основой характера является, по выражению И. П. Павлова, «сплав» черт типа нервной системы и сложных устойчивых систем временных, условнорефлекторных связей (динамических стереотипов), образующихся в процессе деятельности человека. Из этого следует, что при организации жизни и быта, при проведении обучения и воспитания по всем видам боевой и политической подготовки осуществляется такое влияние на воинов, благодаря которому в коре их головного мозга создаются определенные условнорефлекторные связи. Эти связи в большей или меньшей степени влияют на ранее выработанные связи и вносят свои коррективы вплоть до маскировки признаков, характеризующих типы нервной системы (сила нервных процессов и др.).

Все это необходимо учитывать в целях активного и успешного формирования личности в процессе воинской деятельности.

В связи с постановкой вопроса о формировании темперамента и характера и об индивидуальном подходе к обучаемым и воспитываемым необходимо затронуть вопрос о способностях человека.

Способности — это относительно устойчивые психические свойства человека, обуславливающие его индивидуальные возможности успешной деятельности в конкретной области. Это значит, что, для того чтобы успешно действовать в области изобретательства, поэзии, музыки, математики и т. д., необходимо обладать соответствующими способностями. К числу способностей относятся, на-

пример, техническое воображение, образная память, музыкальный слух, наблюдательность и т. д. Для успехов в области воинской деятельности человек должен иметь определенные способности. Очень ярко проявились полководческие способности у Суворова и Кутузова, у легендарных героев гражданской войны Чапаева, Щорса, Котовского, Буденного и других, у полководцев периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Но это относится не только к полководцам. Для того чтобы быть хорошим летчиком, танкистом, артиллеристом и т. д., необходимо обладать соответствующими способностями.

Подчеркивая роль способностей в деятельности человека, следует сказать, что они по своему происхождению и сущности определяются общественным строем и теми общественными отношениями, в которые включен индивидуум. Очевидно, что если бы не было техники, музыкальных инструментов, письменной речи и т. д., то не было бы технических, музыкально-исполнительных, писательских и других способностей.

Фактически способности человека возникают и развиваются в процессе его деятельности, оказывая на нее влияние и способствуя ее успеху. Если, например, разведчику нужна такая способность, как тонкая наблюдательность, а снайперу — точный глазомер, то их надо формировать в процессе боевой и политической подготовки этих воинов.

Указание на социальную сущность способностей и зависимость их формирования от деятельности человека не значит, что способности не имеют ничего общего с биологическими и анатомо-физиологическими особенностями человека. Опыт показывает, что у каждого человека есть те или иные природно-индивидуальные предпосылки способностей. Например, для того чтобы хорошо петь, необходимо иметь соответствующие голосовые связки, а для того чтобы успешно заниматься таким видом спорта, как борьба, надо иметь соответствующие анатомические данные. Но мало иметь природные предпосылки. Если имеющиеся предпосылки не мобилизуются в деятельности человека, если они остаются мертвым капиталом, то соответствующие им способности никогда не разовьются и не проявят себя. И наоборот, если человек будет упражнять имеющиеся у него слабо развитые предпосылки, то он может достигнуть большего успеха, чем тот, у кого очень хорошие, но не используемые в деятельности задатки. Из этого следует, что нельзя отождествлять приобретаемые в деятельности способности с биологическими, анатомо-физиологическими, связанными с наследственностью, с природно-индивидуальными предпосылками. Нельзя отождествлять способности также и с опытом человека, с совокупностью его знаний, навыков и умений.

Способности помогают человеку скорее и с большей легкостью усваивать в процессе обучения и воспитания те или иные знания и вырабатывать соответствующие навыки, умения и привычки. Новые же знания и приобретенные навыки и умения положительно влияют на развитие способностей. Это значит, что если у человека

и нет хороших способностей к какому-либо виду деятельности, но он занимается ею, то, благодаря приобретаемым знаниям, навыкам и умениям, т. е. благодаря формированию опыта, у него развиваются способности, которые начинают влиять на деятельность и обуславливают ее успех. Это полностью относится как к офицерскому, так и к рядовому составу.

Следовательно, обучающий и воспитывающий обязан знать, каков опыт, каков жизненный путь, каковы интересы, предпосылки и способности тех, кого ему необходимо обучать и воспитывать.

Что же касается взаимосвязи темперамента, характера и способностей, то она может проявиться, например, в том, что можно подчинить воле темперамент и мобилизовать предпосылки для развития способностей, которые развиваются вследствие преодоления трудностей (тренировка, упражнение и т. д.). Взаимосвязи такого рода выступают в самых разнообразных вариантах, которые могут быть предметом особого исследования.

Таким образом, личность, с точки зрения психологии,— единство всех психических процессов и свойств, качеств и возможностей человека; это единство состоит из знаний, навыков и умений, выступающих в виде личного опыта человека; из его способностей, обуславливающих успех деятельности; из темперамента, влияющего на скорость и силу всех психических процессов и на практические действия; из черт характера, которые накладывают отпечаток на всю деятельность; из потребностей, влечений, желаний, склонностей, интересов и вкусов, представляющих собой направленность личности; из идей, взглядов, убеждений, составляющих мировоззрение человека.

Наиболее существенным в личности является ее мировоззрение, благодаря которому она организует свое поведение и внутренне относится к объективной действительности, к своей деятельности и к себе как личности.

Ведущая роль мировоззрения в жизненной деятельности человека заключается в том, что оно мобилизует его опыт, способности, темперамент, характер, а также другие личные качества и свойства и направляет их на достижение стоящих перед человеком целей. Сила мировоззрения состоит в том, что оно непосредственно влияет на характер реально осуществляющейся деятельности человека, направляет ее и является ее идейным содержанием.

Поэтому оценка человека как личности может быть дана по его мировоззрению, а не по отдельным качествам его личного опыта, способностей, темперамента, характера и тем более не по качествам его восприятия, памяти и других психических процессов. Об этом свидетельствует то, что, например, такое важнейшее качество характера, как его сила или твердость, о чем уже говорилось, полностью определяется степенью подчиненности действий, поступков и поведения человека его же мировоззрению. Но роль мировоззрения не только и даже не столько в этом, так как определение силы характера путем установления соответствия или несоответствия поведения мировоззрению человека не дает ему

оценки как личности. Дело в том, что у современного человека и у того, который жил несколько веков тому назад, у человека социалистического общества и у представителей современного капитализма мог быть и может быть в настоящее время сильный, твердый характер, благодаря которому поведение каждого из них полностью соответствовало раньше и соответствует сейчас их мировоззрению. История показывает, что сильными характерами, как правило, обладают те люди, мировоззрение которых для своего времени является прогрессивным. Такие люди характеризуются высокой идейностью, принципиальностью, верой в правоту и благородство своего дела, своей миссии.

Кто обладает прогрессивным мировоззрением, кто живет и борется во имя высоких идей, для кого интересы народа выше своих личных интересов, тот не попадет в слепую зависимость от скоропреходящих обстоятельств. Такой человек управляет своим поведением в соответствии с идейно оправданными целями и на основе учета специфики складывающихся обстоятельств может, если нужно, совершить подвиг.

Таким образом, по мировоззрению возможно оценить человека как личность, но это, конечно, не значит, что мировоззрение и личность представляют собой равнозначные величины. Мировоззрение — это только центральное, ведущее звено личности, накладывающее свой отпечаток на все ее свойства, качества и возможности.

Мировоззрение советского человека, воина Советской Армии и Флота в целом представляет собой отражение ими господствующих форм общественного сознания в социалистическом обществе.

В связи с огромной ролью мировоззрения перед командирами и политработниками, обучающими и воспитывающими советских воинов, ставятся требования: наряду с решением задач формирования индивидуального опыта, характера и других психических свойств, качеств и возможностей личности воина особое внимание следует обращать на формирование у него коммунистического мировоззрения. Только при выполнении этого требования формирование личности воина может быть успешным.

Эти требования определяются соответствующими решениями Коммунистической партии Советского Союза. В этих решениях вместе с грандиозной программой построения коммунистического общества и указанием путей ее осуществления огромное внимание уделяется вопросам формирования личности строителя коммунизма. В Уставе КПСС раскрыты те личные качества, которыми должен обладать коммунист как передовой член социалистического общества, как политический боец. Эти черты личности являются образцом для всех советских людей, в том числе и для военнослужащих.

Все черты личности, так же как и все ее другие свойства и качества, формируются в процессе деятельности человека в определенных общественных условиях. Но это не значит, что практически осуществляемая человеком деятельность и общественный строй

сами по себе формируют личность во всем ее богатстве и многогранности. Для того чтобы знать, как общественный строй определяет сущность деятельности каждого человека и тем самым формирует его как личность, необходимо учитывать роль, которую играет в этом отношении идеология общества. Марксистско-ленинская идеология, например, имеет решающее значение в формировании личности советского человека, в сознании которого идеи построения коммунистического общества отражаются и становятся его личным мировоззрением.

Но и отражение каждым индивидуумом идеологии общества, членом которого он является, не происходит автоматически и не определяется только фактом наличия идеологии и индивидуума. Для того чтобы идеология общества активно и правильно отражалась в сознании каждого советского человека, необходимо специально организованное воздействие на него со стороны идеологии, необходимо проведение идеологической работы.

Без соответствующей идеологической работы невозможно преодоление пережитков капитализма в сознании людей, невозможно формирование личности советского человека. Поэтому наша партия неустанно проявляет заботу об усилении идеологического влияния на сознание каждого советского человека, об активизации и совершенствовании воспитательного воздействия во всех звеньях и формах.

Особенно теперь, когда наша страна вступила в период развернутого строительства коммунистического общества, важное значение приобретают вопросы коммунистического воспитания трудящихся. Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС говорил:

«Вся идеологическая работа нашей партии и государства призвана развивать новые качества советских людей, воспитывать их в духе коллективизма и трудолюбия, социалистического интернационализма и патриотизма, высоких принципов морали нового общества, в духе марксизма-ленинизма. Чтобы прийти к коммунизму... нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего. Нужно развивать у советских людей коммунистическую нравственность, в основе которой лежит преданность коммунизму и непримиримость к его врагам, сознание общественного долга, активное участие в труде на благо общества, добровольное соблюдение основных правил человеческого общежития, товарищеская взаимопомощь, честность и правдивость, нетерпимость к нарушителям общественного порядка»¹.

Огромнейшая идеологическая работа, которую проводит партия, никогда не сводилась только к теоретическому воздействию на сознание трудящихся. Коммунистическая партия всегда требовала от своих членов и учила их, чтобы они настойчиво добивались теснейшей связи идеологической работы с решением практических за-

¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 59.

дач, были активными борцами за дело коммунизма, во всем показывали пример и вели за собой массу беспартийных.

Великая историческая заслуга Коммунистической партии заключается в том, что она при помощи организаторской и идеологической работы сделала труд каждого советского человека идейно осмысленным и перспективным, создала непосредственные условия, решающим образом влияющие на успех формирования личности советского общества.

Это очень хорошо понимал А. С. Макаренко. Он подчеркивал, что «труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата»¹.

Особенно важно иметь в виду это положение в связи с характеристикой личности советского воина, деятельность которого должна быть идейно насыщенной. Идейная насыщенность воинской деятельности заключается в организации условий, способствующих овладению каждым воином идеологией социалистического общества, особенно той ее частью, которая представляет собой взгляды и идеи, относящиеся к войне и армии, к делу укрепления обороноспособности страны, т. е. военной идеологией.

Это значит, что политическая работа в процессе воинской деятельности по своей сущности направлена на достижение целей формирования коммунистического мировоззрения каждого воина.

Так кратко можно охарактеризовать условия и процесс всестороннего формирования личности советского воина.

Принципиально иные основы формирования личности в широком смысле слова и, следовательно, личности воина в условиях современного капиталистического общества, где человек включен в такую систему производственных отношений, в которой он выступает либо в роли эксплуатируемого (таких абсолютное большинство), либо в роли эксплуататоров (таких ничтожное меньшинство). Это определяет антагонизм в отношениях между классами и противоречивость внутри каждого из классов. Антагонизм и противоречивость отношений неизбежно накладывают отпечаток на содержание и направленность деятельности каждого человека и тем определяют формирование его как личности. В зависимости от объективного различия жизненных интересов и от осознания этого различия деятельность каждого человека сводится к борьбе за индивидуальное существование, а непосредственным двигателем этой деятельности является то, что «человек человеку волк». У человека, включенного в такую систему отношений, естественно, возникает чувство неуверенности в своем настоящем и будущем, смут-

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, АПН РСФСР, 1958, стр. 116,

ное, а иногда ясно осознаваемое чувство безнадежности и бесперспективности положения. В таком обществе труд как главный вид человеческой деятельности является тяжелым и зазорным бременем. Там с раннего детства в сознании человека появляется противопоставление своих сугубо индивидуальных интересов интересам других людей и разделение всех на «бедных» и «богатых», на «я» и «они».

Поэтому и процесс формирования личности капиталистического общества, и процесс ее обучения и воспитания имеет свои особенности. Воспитание в буржуазном обществе — это воспитание отдельной личности, приспособление ее к борьбе за существование. И совершенно естественно, что такой личности должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе: качество хитроумия и жизненной дипломатии и качество обособленной борьбы, обособленного борца за самого себя.

Все это не может не сказываться на формировании личности военнослужащего армий капиталистических государств. Однако никакие ухищрения слуг империализма, стремящихся идеологически обработать личный состав капиталистических армий, не ведут к полному успеху в формировании личности, угодной правящим кругам. Это обусловлено тем, что определенная часть солдат и сержантов еще до начала воинской деятельности овладевает такими передовыми взглядами и убеждениями, с позиций которых внутренне так или иначе сопротивляется внедрению в сознание растленных идей господствующего класса и сохраняет потенциальную способность использовать свой опыт воинской деятельности в направлении, прямо противоположном тому, которое желательно их современным учителям и воспитателям, их командирам, представляющим в армии интересы правящих кругов. Но те, кто поддавался идеологической обработке, кто стал сообщником в выполнении разбойничьих и грабительских планов господствующего класса, те, конечно, будут воевать, хотя они и не могут обладать высокими и устойчивыми морально-боевыми качествами, необходимыми для успешного ведения современных сложных боевых действий, требующих максимального напряжения духовных и физических сил, но однако же современные империалистические армии представляют для социалистических стран и других миролюбивых народов реальную опасность, которую нельзя не учитывать.

Только в социалистическом обществе возможно всестороннее развитие физических и психических качеств человека и формирование высоконравственной личности. Только в этом обществе выковываются по-настоящему сильные люди с коммунистическим мировоззрением, с богатым личным опытом, твердым характером, люди, способные на преодоление всех препятствий, стоящих на пути построения коммунизма. Но для того, чтобы стать таким, человек должен бороться с трудностями, преодолевать их, а не обходить, должен пройти определенную жизненную школу. Точно так же обстоит дело и в Советской Армии, где в процессе обучения и воспитания, в процессе овладения военным делом у воина про-

должают развиваться все лучшие качества, приобретенные им еще до прихода в армию, и создаваться новые качества, необходимые ему как воину. Все это происходит не стихийно, не от случая к случаю, а имеет свои закономерности и определенную систему. Поэтому задача того, кто обучает и воспитывает советского воина, кто формирует его как личность, состоит в том, чтобы соответствующим образом организовать как объективные условия его практически осуществляющейся деятельности, так и систему педагогического воздействия. Для того чтобы правильно оценивать роль объективных условий и силу воздействия на воина, необходимо учитывать сдвиги, которые происходят в его личном опыте, способностях, темпераменте, характере, мировоззрении, и следить в целом за формированием необходимых ему как воину морально-боевых качеств.

Но и тот, кого обучают и воспитывают, кого формируют как воина, должен понимать, что многое в его личностном формировании зависит от него самого, от того, как он внутренне относится к своей деятельности, к своему обучению и воспитанию. Чтобы он мог реализовать свое положительное отношение к тому, что его формируют как положительную личность, он должен знать о своем собственном развитии, которое осуществляется в процессе его военного обучения и воинского воспитания, учитывать накапливаемые им знания, навыки, привычки, умения, оценивать развитие своего опыта. Он должен также учитывать развитие своих способностей, темперамента и характера в целом, стремиться к развитию своих взглядов и убеждений. Он должен, обязан принимать активное участие в формировании самого себя как личности. Но все это должно делаться не пассивно, не в порядке констатации, а активно, при мобилизации своих сил и возможностей, способствующих личному росту и совершенствованию. Зная цели и задачи воинской деятельности, каждый советский человек, включенный в систему этой деятельности, должен ставить перед собой цели и задачи своего личностного формирования и, таким образом, выражаясь словами А. С. Макаренки, проектировать себя как личность воина.

Это значит, что ответственность (моральная и юридическая) за успех формирования личности воина ложится как на того, кто руководит этим процессом, кто обучает и воспитывает, так и на того, **кого обучают и воспитывают, кого формируют как личность.** Все это необходимо учитывать для того, чтобы наиболее успешно организовать и проводить боевую и политическую подготовку советских воинов.

Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС говорил: «Для перехода к коммунизму необходима не только развитая материально-техническая база, но и высокий уровень сознательности всех граждан общества. **Чем выше сознательность миллионов масс, тем успешнее будут выполняться планы коммунистического строительства.** Вот почему исключительно важное значение приобретают теперь вопросы коммунистического воспитания трудящихся, особенно подрастающего поколения»,

Эти важные положения, высказанные Н. С. Хрущевым на XXI съезде партии, имеют большое значение и в коммунистическом воспитании личного состава Армии и Флота. Командир, политорганы, партийные и комсомольские организации, воодушевляемые историческими решениями XXI съезда КПСС, проводят сейчас большую работу по идейно-политическому воспитанию воинов. Их долг постоянно повышать свое военное, политическое и педагогическое мастерство, неустанно добиваться роста организованности и дисциплины личного состава, высокой боевой готовности и боеспособности частей и соединений Советской Армии и Военно-Морского Флота.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
Глава первая. Предмет, задачи и методы психологии в области воинской деятельности	7
Глава вторая. Влияние боевой обстановки на психику и поведение воинов	42
1. Особенности условий боя и процесса решения боевых задач	—
2. Решающая роль политической сознательности воинов и особенности мотивов их поведения в условиях боя	53
3. Характеристика умственной деятельности воина в связи с решением боевых задач	68
4. Чувства воинов в условиях боя	87
5. Управление воинами своим поведением в бою	101
Глава третья. Психологическая характеристика процессов обучения и воспитания воинов	117
1. Общие вопросы психологии обучения и воспитания воинов	—
2. Политическая подготовка	143
3. Процесс овладения боевой техникой и оружием	161
4. Строевая и физическая подготовка	178
5. Тактическая подготовка	193
Глава четвертая. Влияние уставного порядка на формирование качеств, необходимых воинам	209
Глава пятая. Коллективизм воинской деятельности и формирование у воинов чувства коллективизма	228
Заключение	240

Григорий Демьянович Луков — „Психология“

Редактор полковник *Беликов М. А.*

Переплет *Завьяловой А. И.*

Технический редактор *Волкова В. Е.*

Корректор *Мурашко С. Н.*

Слано в набор 7.5.59.

Г-62544

Подписано к печати 25.03.60

Формат бумаги 60×92¹/₁₆ — 16 печ. л. = 16 усл. печ. л. = 18,128 уч.-изд. л.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-9, Тверской бульвар, 18

Изд. № 1/573

Зак. № 245

2-я типография Военного издательства Министерства обороны Союза ССР

Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

Цена 7 р. 45 к.

